

КНИГА 2 ИЗ СЕРИИ «ХОРРОР»

НЕНИЯ КЭМПБЕЛЛ

Вэл получает послание от очень опасного парня, который хочет сыграть с ней в игру без правил, логики, не взирая на последствия, и он не остановится ни перед чем, чтобы заявить на нее свои права — даже если это уничтожит их обоих.

Три года назад Валериэн Кимбл связалась с молодым социопатом, который намеревался добавить ее в свою коллекцию побед. Ей удалось сбежать от него, но страшной ценой...

С тех пор, он ее личный кошмар.

Сейчас Вэл учится в старшей школе, и представляет собой бледную тень девушки, которой когда-то была. Вэл с большим трудом восстанавливается после ужасной психологической травмы, нанесенной им. И нет ничего необычного в том, что она не особо рада, когда ее друзья получают таинственные приглашения на тематическую вечеринку. Вечеринку, что будет проходить в одном из старинных особняков на окраине города.

Все происходящее сразу кажется странным. Остальные гости скрытны и необычно враждебны. Сотовые телефоны не работают. Двери запираются и отпираются, кажется по чьему-то желанию. И праздник начинает принимать зловещий оборот по мере того, как вечер сменяется ночью. Потому что хозяин вечеринки любит игры. Любит их так сильно, что решил устроить соревнование. Крайний срок — восход солнца. Награды? Их жизни.

Да начнется игра.

Нения Кэмпбелл

УЖАС

Серия: Хоррор -2

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: little.Jerry

Пролог

Есть что-то восхитительно интимное в отношениях между хищником и добычей: осторожный танец, когда ни одна из сторон не готова нанести первый удар или раскрыть свои истинные намерения. Во многих отношениях это ритуал ухаживания — ритуал, который продолжался до тех пор, пока вся игра не достигала кульминации, и хищник забирал свою справедливую награду.

Он был очарован хищниками всех видов. Волки. Ястребы. Львы. Существа, которые на протяжении всей истории славились силой, благородством и способностью внушать страх. Символы власти. Символы завоевания. Символы эволюционного превосходства. Он чувствовал, что сам воплощает в себе многие из этих черт. У него даже была своя добыча — о да, — и ее звали Валериэн Кимбл.

Она не была красавицей в классическом смысле этого слова, но тем не менее ему нравилось смотреть на нее. Нравилась тонкие изгибы фигуры с ее неуклюжестью, которая противоречила спортивным способностям Вэл. Как же быстро она могла бежать.

Ему нравилось, как темнели ее глаза, опущенные в страхе. Как свет мог превратить их из нефрита в темно-зеленые. Больше всего ему нравились ее волосы, и то, как они вспыхивали, словно горсть тлеющих угольков в солнечном свете, и ее прекрасный рот — сладкий и мягкий, как смятые лепестки розы.

Он не переставал о ней думать даже во сне.

Он опустил глаза, хотя в этом жесте не было ничего кроткого. Перед ним лежали стопки листов бумаги. Большинство из них были смяты, другие отброшены в сторону в недовольстве. Некоторое время он вертел в руках авторучку. Потом вздохнул и закрыл глаза.

Долгое время он вообще не двигался. Его лицо было таким же торжественным, как во время молитвы. Но он думал не о боге, и мысли его были далеки от святости.

«Черт бы ее побрал!» — Он резко встал и исчез в одной из комнат наверху. Дверь закрылась и раздался щелчок замка. Тишина.

Шли минуты, часы. Где-то в глубине дома напольные часы пробили шесть. Дверь открылась, и он появился в черных спортивных штанах. Снова сел за письменный стол, вновь воодушевленный. Все благодаря милой, милой Вэл.

Произведение искусства — незавершенное произведение. Не совсем готовая к показу. Она обладала рядом недостатков, которые он намеревался скрыть. Если отбросить слабости характера, то самым неприятным был ее бойфренд, встречаясь с которым она выказывала свое явное неповиновение.

Скучный. Безопасный. Едва ли достойный противник. Он был не более чем хулиган,

который, как и многие парни его типа, нашел выход своей подростковой агрессии в спорте. И хотя он мог бы пнуть мяч по полю, он вряд ли способен увернуться от пули или лезвия. И если до этого дойдет, он не сможет защитить Валериэн ни от кого.

Возможно, именно поэтому она выбрала его; возможно, ей нравилось чувствовать контроль над их отношениями.

«В этом дело? — задался он вопросом, и жестокая улыбка исказила его лицо. — Хорошо. Боюсь, это скоро изменится».

Глава 1

«Дебют»

Дебют - начало шахматной партии, имеющее целью скорейшую мобилизацию (развитие, развёртывание) сил.

Вэл вышла с урока физики в оцепенении, пока ее лучшая подруга, Лиза Джеффрис, болтала о последних своих завоеваниях.

Сегодня утром Вэл снова позвонили и спросили, нравится ли ей трахаться с опасными мужчинами, и что такие девушки, как она, — «доказательство того, что некоторые женщины сами напрашиваются на неприятности». Как раз тогда, когда ей наконец показалось, что нападки на нее прекратились. Но это совсем не так?

Слезы застилали глаза, и она стиснула зубы, отказываясь моргать и позволить им пролиться. Только не здесь, в школе.

Внезапно ей очень захотелось, чтобы мама оказалась рядом, обняла, прижала к себе и сказала, что все будет хорошо. Из-за таких звонков Вэл буквально ощущала боль в груди.

— Что насчет тебя, Вэл?

— Хм? — Она вытерла глаза тыльной стороной ладони, притворно зевая.

— О чем думаешь? — сухо сказала Лиза.

— Не могу дождаться трехдневных выходных.

— Почему? У тебя есть планы?

Вэл несильно шлепнула ее.

— И что это было? Я только спросила, что ты делаешь в эти выходные?

— Мы обе знаем, что ты на самом деле имела в виду.

Лиза закатила глаза.

— Но я серьезно. Что ты планируешь делать?

— Наверное, ничего. У нас дома ремонт. Все разломано и перевернуто вверх дном... Я, вероятно, закончу тем, что запрусь в своей комнате с компьютером на шесть с лишним часов.

— Значит, все как обычно. — Лиза увернулась от очередного удара. — Никакого горячего свидания с Джеймсом?

Вэл пожала плечами и поправила сумку.

— Думаю, нет.

— Вы встречаетесь уже четыре месяца. Уже занимались страстным сексом?

Вэл покраснела и отвела взгляд.

— Нет.

— А он... ну, ты знаешь... предлагал?

Краснота поползла по ее горлу.

— Это не твое дело, — сухо сказала Вэл.

— Так и есть! Он ведь наверняка предлагал? И ты сказала «нет».

Вэл закрыла глаза. Вся ее прежняя неуверенность вернулась в полную силу. Она почувствовала слабость.

— Я еще не готова. Он не понимает.

— Конечно, нет. Ты его динамишь. Другого объяснения не требуется. Ты — зло.

— Джеймс не такой. Я рассказала ему о... что случилось. Он знает, почему я не могу...

— Вэл, мне очень не хочется тебя разочаровывать, но даже если он притворяется, что ничего страшного, это не так. Все парни втайне такие. Одержимые сексом, я имею в виду. Показывают они это или нет, это просто проверка характера — и любой парень, который говорит иначе, либо лжец, либо мошенник, либо и то, и другое. Вот закончится ваш конфетно-букетный период, тогда и увидишь.

— Ничего я не увижу. Потому что это просто неправда. И вообще, это не твое дело, так что дискуссия окончена.

Лиза вздохнула.

— Это совершенно вне его контроля.

(контроль может быть)

— Что вне чьего контроля?

(мощным афродизиаком)

Вэл споткнулась. Две теплые руки подхватили ее, и она обнаружила, что смотрит в зеленые глаза цвета морской пены.

— Эй, держись, малышка. Ты воспринимаешь «потерять голову от любви» буквально?

(перед которым трудно устоять)

И слишком легко поддаться.

Джеймс нахмурился.

— Эй, ты вся дрожишь. Все в порядке?

Она слабо улыбнулась.

— Нет. То есть, да, я в порядке. Просто споткнулась.

Лиза влезла.

— Мы только что говорили о...

— О том, как долго продлится перерыв. Правда, Лиза?

— О, конечно, конечно, — Лиза одарила Вэл хитрой улыбкой, которой та не поверила ни на минуту.

Джеймс все еще хмурился.

— Твои родители все еще занимаются ремонтом в эти выходные?

— К сожалению.

Его лицо вытянулось.

— Значит, мы не можем тусоваться у тебя.

— Скорее всего, нет. Мне жаль. — Вэл пожалела, что отказывает ему в присутствии Лизы и ее слишком острых глаз.

Джеймс пожал плечами.

— Печально.

— Почему мы всегда ходим ко мне домой? Твой дом больше моего.

— Потому что мой брат — осел, который ведет себя как еще больший осел, когда ты рядом. — Джеймс фыркнул, взглянув на Лизу. — Он по уши влюблен в нее, это даже не смешно. — Он снова повернулся к Вэл. — Ты не поймешь, ты единственный ребенок. Но иногда мне действительно хочется дать ему по морде. Вот почему.

Вэл попыталась отшутиться.

— Эй, ему пятнадцать. Мне все равно.

— Я знаю.

Она постаралась не поморщиться. Его голос был достаточно приятным, но она все еще чувствовала беспокойство. В последнее время ей часто приходилось его отшивать. Сначала из-за футбольного сезона (она состояла в группе поддержки и должна ездить в разные другие города на соревнования, а также выходить на всех главных домашних играх), а затем снова из-за промежуточных экзаменов. Джеймс был выпускником, как она и Лиза, так что должен понимать ее проблемы. Тем более, что его занятия намного, намного сложнее, чем ее.

Она предпочла бы проводить время с ним, чем делать глупые домашние задания или заниматься на кларнете. Только угроза провала на экзаменах и суперопекающие родители не давали заниматься Вэл бегом и не пускали в дом ее бойфренда по выходным. Ну, это, и тот факт, что в последнее время, казалось, он пытался наброситься на нее всякий раз, когда они оказывались наедине.

— Ну, может быть, мы сможем сделать что-нибудь еще. Прогуляемся, например. — Она робко улыбнулась. Он улыбнулся в ответ с заметно меньшим энтузиазмом.

— Возможно.

«Отлично, — подумала Вэл, когда Джеймс с Лизой начали обсуждать футбольный матч в эти выходные. Обсуждение, которое удобно исключало ее. — Он злится».

— Мы все можем пойти на игру, — предложила Лиза. — Стадион достаточно близко, чтобы ты могла вернуться и помочь, если понадобится родителям, верно, Вэл? У тебя ведь есть сотовый.

— Родители Вэл чересчур заботливы, — заметил Джеймс, прежде чем она успела открыть рот.

Теперь Вэл была раздражена.

— Это не так! — Она помолчала и добавила кислым голосом. — И, учитывая то, что случилось раньше, я бы не стала их винить, даже если бы они были такими.

Она посмотрела на него.

— Извини, Вэл, — пробормотал он, притягивая ее в объятия, которые были неловкими из-за их рюкзаков. От него пахло «Олд Спайс», а его толстовка была такой мягкой и приятной, что ей пришлось подавить желание уткнуться лицом ему в грудь. Она все еще злилась на него; ей не хотелось так легко сдаваться.

— Ну? — Лиза фыркнула. — А передо мной извиниться?

Вэл взглянула на нее через плечо Джеймса.

— Почему я должна извиняться перед тобой?

— За то, что раньше ты на меня огрызалась.

— Прости, Лиза.

— В следующий раз не говори так грубо, и все будет отлично.

Джеймс взглянул на часы.

— Лучше поторопитесь, дамы. — Он отпустил Вэл. — Звонок прозвенит с минуты на

минуту.

Все трое направились в холл, где стояли их шкафчики. По тому, как заполнялись коридоры, Вэл догадалась, что звонок скорее дело нескольких секунд.

«Еще сорок пять минут занятий, и я могу идти домой».

Вэл схватила учебник по геометрии. Надеюсь, что сегодня она сможет уделить ему внимание. Ей стало немного не по себе.

«Я не забыла принять лекарство?»

Прозвенел звонок, разбивая ее мысли, как хрупкое стекло.

«Я чувствую себя так странно».

Джеймс проводил ее до класса. Его класс математики был всего в двух шагах от ее класса геометрии.

— Зачем ты берешь математику? — спросила она. — Разве это не трудно?

— Мне нравится делать то, чего не могут другие.

И он поцеловал ее. В губы. В школе.

Она знала, что должна чувствовать себя довольной, но все, что она ощутила, было то же самое бесформенное беспокойство.

— Поэтому ты все время приглашал меня на свидание? — внезапно спросила она. — Потому что я все время говорила «нет»?

— Увидимся позже, — проговорил он, отстранившись с улыбкой и помахал рукой.

Его улыбка — только для нее — должна бы вызвать чувство неопишуемого счастья. Он действительно делал ее счастливой. Иногда. Она просто не могла быть страстной с ним. В тот момент, когда он подходил слишком близко, ей хотелось убежать.

Так не должно быть.

Часть ее тосковала по ранним дням их отношений, когда они вели себя еще слишком застенчиво друг с другом, проявление чувств было лишь платоническим. Тогда Джеймс тоже старался изо всех сил. И он был остроумный. Более привлекательный. Спокойно приглашал ее к себе. Теперь она задумалась.

«Он любит меня? А я его люблю?»

Однако думать об этом оказалось неприятно, поэтому Вэл отогнала эти мысли.

В классе геометрии было темно и душно. Мистер Джайлз сделал вид, что подходит к термостату и возится с различными ручками и переключателями, давая понять, что изменение температуры само по себе бесполезно.

Страдающая от жары и раздраженная, Вэл долго смотрела на свои задачи по геометрии. Она вскинула руку.

— Мне нужна помощь.

— Ага, тебе точно нужна, — прошептал кто-то.

— В чем тебе нужна помощь? — спросил мистер Джайлс.

— Доказательства, — уточнила Вэл. В ее голосе послышался нервный писк. Она прочистила горло. — Я их не понимаю.

— И что именно тебе непонятно?

— Доказательства. — Она обвинительно ткнула пальцем в изображение треугольника. Ей начинало казаться, что она находится в центре одной из тех старых сценок Эббота и Костелло, которые ее отец считал такими веселыми. [[*Американский комедийный дуэт. Бад*

Эбботт и Лу Костелло начали сниматься в кино в начале 1940-х годов, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы.]]

— Я знаю, что должна объяснять их с помощью теорем и аксиом...

— И определений.

— Да, и это тоже, — нетерпеливо согласилась Вэл. — Но я не понимаю, когда их использовать. Я имею в виду, что едва ли могу решить эти задачи.

— Ты должна запомнить определения, — заметил мистер Джайлс. — Чего ты явно не сделала, судя по некоторым твоим тестам, Валериэн. Возможно, если бы ты действительно делала домашнее задание, тебе было бы легче работать в классе.

Ей это не показалось, кто-то определенно рассмеялся.

— Это трудно, — сказала она, чувствуя себя безнадежной тупицей. Она для него просто еще одна лентяйка, пытающаяся увильнуть от работы. — Я не могу мыслить логистически.

— Логически, — со вздохом поправил учитель. — Ты не можешь мыслить логически.

— Что хорошего в логике?

— Ну, в шахматах, например, логика очень важна.

Дрожь пробежала по ее спине.

— Я не играю в шахматы!

Мистер Джайлс заморгал, пораженный ее горячностью.

— Это может улучшить твои результаты. Шахматы могут быть очень полезны для математики.

(не хочешь заключит небольшое пари?)

От необходимости отвечать ее спас треск интеркома.

— Валериэн Кимбл подойди в администрацию, пожалуйста. Валериэн Кимбл подойди в администрацию.

Она училась в старшей школе уже четыре года, и ее никогда не вызывали раньше. Как же вовремя это произошло. Она взглянула на своего учителя.

Он махнул ей на выход.

— Тебе лучше идти. Мы обсудим твое домашнее задание, когда вернешься.

О боже.

Хотя административный офис казался желанным отвлечением от доказательств в геометрии, он был темным и мрачным местом с уродливыми обоями, которые не меняли с шестидесятых годов. В воздухе витал смутный запах дезинфицирующего средства. Скорее всего, он доносился из кабинета медсестры, расположенного дальше по коридору, но, похоже, был замечен и в других местах.

Сегодня дежурила миссис Филдс, и, когда Вэл вошла, она бросила на нее равнодушный взгляд. За макияжем «Невесты Франкенштейна» секретарша выглядела суровой. Неудивительно, учитывая ее имя и тот факт, что оно служило открытым приглашением для шуток, касающихся печенья и ее немалых объемов.

— Что ты хотела?

— Ум, вы вызвали меня по громкой связи?

— Ты Валериэн?

— Вэл, да.

Не обращая на нее внимания, секретарша потянулась к столу и вытащила оливково-

зеленую коробку.

— Это передали для тебя. — В ней росло зеленое растение, испещренное маленькими розовыми цветочками. — И вот это, — добавила она, бросая на растение конверт и сминая хрупкие цветы. — У тебя сегодня день рождения или что?

— Нет. — Вэл уставилась на цветы. Она никогда раньше не видела ничего подобного.

— Лучше возвращайся в класс. Тебе нужен пропуск?

Вэл покачала головой.

— От кого они? Кто их прислал?

— Не знаю, он не сказал. А теперь возвращайся в класс.

Он?

Вэл вышла из кабинета, озадаченная и немного покрасневшая. Зачем какому-то парню посылать ей цветы? Или это был мужчина? Она остановилась на улице, чтобы поставить цветы на скамейку и прочитать открытку.

Они не могли быть от Джеймса. Он непременно упомянул бы об этом, намекая совершенно непрозрачно. И он предпочел бы более традиционные розы, с ними сложно ошибиться.

Она пожалела, что не догадалась спросить у секретарши, как выглядит отправитель, но уже слишком поздно. Теперь миссис Филдс имела дело с рассерженным родителем, пришедшим в офис администрации с робким ребенком. Вэл могла видеть драму, разворачивающуюся за окном.

Она снова обратила внимание на конверт. Бумага была зернистой и оставляла ощущение сухости в руках. Она облизала палец, прежде чем просунуть его под клапан и разорвать ногтем. Бумага внутри была гладкой и кремовой, как пергамент. Пахло дорого.

Нахмурившись, она развернула лист, и увидела чернильно-черные буквы. Несколько цветочных лепестков, розовых, как те, что росли на присланном растении, упали на землю у ее ног.

«Я уже давно наблюдаю за тобой. Знаю, что ты увлечена вещами и людьми, которых любишь, и не склонна делать то, что не соответствует твоим интересам. Этим ты напоминаешь мне могущественного хищника, охотника. Но во многих других отношениях ты — существо более низкого уровня. Та — за кем охотятся. Добыча.

Я выделил тебя, потому что у тебя есть потенциал. Я хочу поиграть с тобой. Хочу сыграть с тобой в шахматные поддавки. [[Шахматные поддавки являются одним из самых популярных вариантов шахмат. Цель каждого игрока — потерять все свои фигуры или попасть в тупик, то есть мизерную версию. В варианте книги предлагается сыграть suicide chess (шахматы самоубийц), когда проигрывает игрок, сделавший последний ход. Т.е. победа присуждается тому игроку, который не имеет ходов. Частный случай – все фигуры данного игрока срублены. Главная особенность шахматных поддавок в варианте suicide состоит в том, что король лишён особого статуса: отсутствуют понятия шаха, мата, связки и т.п.; рокировки невозможны; пешки, достигнув последней горизонтали, могут превращаться в любые фигуры, в том числе и в королей.]]

Ты со своими пешками, а я со своими. Мы будем в равных условиях. И знаешь, что еще? Я уверен, что ты согласишься. Потому что та же страсть, которая питает твои чувства, движет твоим любопытством. Тебе нравится хороший вызов. Думаю, ты найдешь меня довольно серьезным соперником.

Во всех отношениях.

Даже сейчас знаю, что ты ищешь меня, гадаешь, кто я. Где я. Откуда знаю, что делать.

Ответы на эти вопросы сможешь найти в ходе моей игры, хотя, когда придет время, возможно ты уже не захочешь их знать.

Ты боишься? Я тебя пугаю? В этом моя цель. Потому что сначала ты должна проиграть больше, чем можешь себе позволить. Пожертвовать всем. Научиться истинному страху.

Только тогда ты победишь в игре.

Я — гроссмейстер. С нетерпением жду возможности сыграть против тебя, моя дорогая. X

P.S. Цветы-валерианы. Твои тезки — вполне подходящие, подумал я, хотя и не такие красивые, как ты».

Сердце бешено колотилось, когда она закончила читать письмо.

(Интересно, что заставляет ее кровь биться быстрее — вожделение или страх?)

Вэл опустилась на скамью. Письмо было полно замаскированных эмоций, но несло в себе резкий оттенок неуравновешенной психики, который заставил ее похолодеть. Игры, цветы, добыча, хищники? Это было больше, чем ее разум мог понять. Она смутно помнила, что «гроссмейстер» — это высокий шахматный титул. Гэвин научил ее этому, но она подавила эту мысль в зародыше, как и все мысли о нем.

Где-то, кто-то в этой школе наблюдал за ней. Преследовал ее. Охотился на нее.

Вэл поежилась, несмотря на толстовку, которую натянула поплотнее. Гэвин? Это был Гэвин? Она задумалась, и ветер задул вокруг нее еще яростнее, вторя ее тревогам.

«Ты боишься? — спросил он. — Я тебя пугаю?»

Да, он пугал. Да, она боялась.

(Ты должна бояться)

Глава 2

«Приманка»

В шахматах приманка — это тактика заманивания фигуры, обычно короля или ферзя, в ловушку путем принуждения ее к перемещению на отравленное поле с жертвой на этом поле.

Вэл потребовались годы, чтобы снова почувствовать себя в безопасности. Неделями, месяцами она жила в постоянном страхе перед возвращением Гэвина. Самые незначительные вещи выводили ее из себя: скрип половицы, когда она была дома одна; запах сандалового дерева и роз, краски и опилок; жгучий, горьковато-сладкий вкус мяты.

Со временем она научилась с этим справляться. Лекарства помогли ей оценивать ситуацию с логической точки зрения и соответственно реагировать на потенциальные угрозы, пока они не перестанут казаться угрозами. Это даже немного сработало.

Но в своем блокноте, который вела с первого курса, Вэл записала все его сообщения, а также даты и время их отправки. Она смотрела на его слова, пока они не запечатлелись в ее памяти. Она могла бы процитировать их во сне. Вэл знала его стиль, речь, чересчур фамильярные манеры.

Этот человек, автор письма, вел себя как незнакомец.

И все же — между ними имелось явное сходство. Шахматы. Ссылки на хищников и

добычу. Желание страха.

Она получила несколько писем и телефонных звонков от подражателей. Часть из них были довольно тревожными, от людей в городе, которые считали ее саму виноватой в случившемся инциденте. Ее называли «шлюхой» и «потаскушкой», «сталкершей» и «психопаткой». Ее очерняли и отчитывали, приставали и преследовали — до такой степени, что Гэвин начал казаться наименьшей угрозой по сравнению со всем этим.

Может быть, это был еще один из них. Еще один больной урод, который хотел мучить ее, наказывать за то, что она не могла контролировать. Вэл подумала, не показать ли письмо матери и не спросить ли у нее совета, но от этой мысли ее затошнило. Ее мама всегда слишком остро реагировала, из-за чего Вэл так сильно напрягалась, что ей требовался дополнительный визит к психотерапевту.

Даже если Гэвин никогда не вернется, он оставил на ней свой след. Она была проклята, да поможет ей бог.

Рабочие пришли рано, как раз, когда Вэл собиралась на футбольный матч. Ее родители уступили, так как это была только игра юниоров, которая заканчивалась раньше, чем университетская, и с условием, что она обязательно позвонит, прежде чем вернуться домой. Отец Вэл добавил:

— Скажи своему парню, если с тобой что-нибудь случится, у меня есть «Ремингтон» и лопата.

Она слабо рассмеялась, зная, что от нее этого ждут, хотя его неудачная попытка пошутить не подняла настроения. С тяжелым сердцем Вэл ждала, когда автобус подойдет к остановке. День был серый, холодный, в воздухе висело обещание дождя, словно плохо завуалированная угроза. Письмо было сложено в карман ее небесно-голубой парки, странные слова давили на нее, как свинцовая глыба. Вэл не могла выбросить их из головы, и это ее беспокоило.

Возможно ли, что Гэвин вернулся после стольких лет? Он был сумасшедшим, да, но не глупым. Отнюдь. Блестящий шахматист, он обладал умом, способным анализировать партии на много шагов вперед, предсказывая бесконечное число как оборонительных, так и наступательных ходов, а также соответствующих им контрударов. Из того, что она знала о нем, эти способности, по крайней мере частично, проявлялись в реальной жизни. Вэл с трудом верилось, что он приедет в город, где у людей есть все шансы узнать его и сдать в полицию или, что еще хуже, устроить жестокий самосуд.

Лучше всего он сам сказал про себя: «я всегда — охотник, а не добыча». Если он и позволял себя преследовать, то только для того, чтобы устроить ловушку, вроде той, для королевы, которую использовал против Вэл, когда учил играть в шахматы много лет назад.

(ты думала, что поймала меня, но единственная ловушка, которую ты расставила, моя дорогая, оказалась на тебя саму)

Теплое дыхание. Теплое тело. Комната, освещенная единственной голой раскачивающейся лампочкой. Приторный запах краски смешивался с запахом сандалового дерева и более темным, животным запахом, который был присущ только ему.

Воспоминания ворвались в Вэл с такой силой, что она почувствовала их физически. Это, в сочетании с мощной смесью эмоций, которые они вызвали, заставило ее отшатнуться.

Ей показалось, что она чувствует его губы на своей шее, и она прижала руку к

покалывающей коже, прерывисто дыша. «Мне кажется, — сказала она себе. — Мне кажется».

Автобус подъехал к обочине, разбрызгивая грязную воду. Вэл поймала себя на том, что делает неуверенный шаг в сторону, когда дверь открылась и из нее вышли несколько маленьких детей в сопровождении своих родителей. Некоторые из них бросали на нее тревожные взгляды, поторапливая своих отпрысков.

За рулем сидела та самая женщина, которая возила ее в школу уже почти три года, и она улыбнулась, узнав Вэл.

— Доброе утро! Холодно на улице?

Вэл кивнула.

— По-моему, должен начаться дождь.

Ее рука дрожала, когда она бросала деньги в коробку. Никто этого не заметил.

— Помню, моя бабушка говорила, что дождь смывает невезение. — Водитель ласково рассмеялась. — Хотя, похоже, это не слишком работает. Я всегда просто простужалась.

Не прошло и пяти секунд, как по окнам с неприятным стуком забарабанили капли дождя, заставив Вэл подпрыгнуть от неожиданности. Облака стали темнее, почти черными, и прекрасно отражали ее теперешнее настроение. С натянутой улыбкой она села, прежде чем смогла смутиться еще больше. Почему она так нервничает?

(Ответы на эти вопросы сможешь найти в ходе моей игры, хотя, когда придет время, возможно ты уже не захочешь их знать)

«Не бери в голову. Глупый вопрос». Лучше было бы спросить: что она собирается с этим делать?

(Часть меня хочет, чтобы она бежала)

Вэл уперлась костяшками пальцев в лоб. Она пожалела, что водитель заговорила о суевериях. И письмо, и ненастная погода казались предзнаменованием, что скоро что-то случится, что-то плохое.

— Хорошего дня, юная леди! — крикнула ей вслед водитель автобуса. — Не слишком промокни! — Двери уже закрылись, когда Вэл пришло в голову обернуться.

«Большое спасибо».

Джеймс ждал на автобусной остановке и разговаривал с одним из своих друзей. Услышав скрип тормозов автобуса, он поднял голову.

— Вэл! — Он говорил и двигался одновременно, практически светясь от возбуждения. — А это Марк, — небрежно добавил он, указывая на друга.

— Привет, — поздоровалась она, пытаясь понять, почему он так доволен. — Команда первокурсников победила?

— Первокурсников? — Джеймс растерянно моргнул. — Я не знаю. Почему ты спрашиваешь? Разве ты не пришла посмотреть игру юниоров?

«Я пришла повидаться с тобой».

В самом деле, он мог быть таким беспечным.

А его друг — нет. Он оказался тактичным. Бросил один взгляд на Вэл и сказал:

— Ладно, я должен идти, братан.

— Увидимся позже. О... Вэл, ты получила вчера письмо в школе?

— ...Что?

Нетерпение промелькнуло на его лице.

— Я спрашиваю, получила ли ты письмо. В твоём шкафчике. В школе.

Как он узнал? Она ни словом не обмолвилась о письме. Вэл была слишком занята, пытаясь решить, что самой делать с ним, было ли оно вообще реальным.

Оно от Джеймса? Имелась ли в нем темная сторона, которую она не разглядела? Она и раньше задавалась этим вопросом. Но ей казалось, что у Джеймса лиц, не больше чем на двухмерном рисунке. Должно быть другое объяснение.

Джеймс щелкнул пальцами у нее перед носом.

— Вэл? Валериэн? Ты меня слушаешь?

Вэл вздрогнула, понимая, что сделала достаточно долгую паузу, чтобы вызвать подозрения.

— Да, — медленно произнесла она, нащупывая сложенный квадрат в кармане. — Получила. И?

— Ну? Ты собираешься пойти?

— Куда?

— Ты знаешь, — сказал он, глядя на нее очень странно. — На вечеринку.

Вэл моргнула.

— Вечеринка? — Ее первоначальная паника сменилась замешательством, но еще не совсем улеглась. Ей все еще нужно понять. — Какая вечеринка? О чем ты говоришь?

— Я, Лиза и Блейк, по какой-то причине, получили письма в наших шкафчиках после школы, — объяснил Джеймс, очевидно, не заметив ее колебания, или же притворяясь, что не заметил. — Это приглашения на вечеринку в эти выходные.

— О, — проговорила она. — Понимаю.

— Поэтому я и спросил, получила ли ты письмо. — Джеймс провел рукой по взъерошенным волосам, которые были на грани полного промокания. Ее, наверное, выглядела еще хуже. Сегодня утром у нее не оказалось времени помыть голову. — А разве ты его не получила?

Она медленно выдохнула.

— Мое письмо было... немного другим.

Теперь он выглядел смущенным.

— Другим? Чем оно отличается?

— Это не приглашение. — Вэл колебалась. — Это было личное письмо. И... — «любовное письмо — не подходящее название. Какую бы эмоцию ни испытывал человек, написавший его, это определенно не любовь» — странное. И оно все обо мне... и какой-то извращенной игре.

— Не волнуйся, — попытался успокоить ее Джеймс, улыбаясь, — возможно, от какого-нибудь тайного поклонника первокурсника.

— Тайный поклонник? — В последнее время Вэл настороженно относилась ко всем секретам, особенно к тем, которые касались личности. Люди, которые что-то скрывают о себе, делают это не просто так; невинным нечего скрывать. — Джеймс, оно жуткое. И он вовсе не восхищается мной. Оно написано... — она запнулась, пытаясь вспомнить слово, которое было в ее учебнике. — Снисходительно.

— Да ладно. — Он пожал плечами. — Значит, парень не умеет писать любовные письма. Вот для чего я тебе нужен.

— Джеймс, это не шутка.

— Ну, не с таким отношением, конечно.

— Я серьезно. Письмо напомнило мне о... Гэвине.

(Я благородный охотник. Я ловлю, а не убиваю.)

Но от него ли оно? Она не могла решить. Тон казался... похожий, но не совсем правильный. С другой стороны, прошло уже три года. Три года — долгий срок для перемен.

Джеймс уставился на нее.

— Гэвин... Ты имеешь в виду чудака с последнего курса? Парень со Списком Жертв? Зачем ему это?

«Потому что он был одержим мной? Потому что хотел владеть мной?»

— Может он хочет стать приятелем по переписке, Джеймс. Сам-то как думаешь? Ты предупреждал меня держаться от него подальше. Ты знал, что он опасен, даже тогда. Так почему не сейчас? Почему бы ему не захотеть отомстить? Я чуть не отправила его в тюрьму.

Ей захотелось ударить его, когда он засмеялся.

— Месть? Господи, Вэл, ты что, насмотрелась фильмов ужасов? Я бы не стал слишком беспокоиться по этому поводу, — добавил он, как бы запоздало. — Наверное, какой-нибудь придурок решил подшутить. Помнишь все те телефонные звонки, которые ты получала?

— Я все еще их получаю.

— Ну, вот видишь.

Вэл пристально посмотрела на него. Она была раздражена тем, что Джеймс не попросил показать письмо, что она обязательно сделала бы, если бы они поменялись ролями. Неужели ему все равно, что оно от другого мальчика? Ради бога, он же ее парень! Она не склонна к одержимости, но не хотела, чтобы ее игнорировали. Кроме того, это просто не имело смысла. С чего бы Джеймсу ревновать ее к его милому маленькому братишке, но не к этому подонку? И с какой стати ему вспоминать о телефонных звонках? Он знал, как сильно она ненавидела говорить или даже просто думать о них.

(Слышал, ты любишь трахаться с опасными мужчинами?)

Она вздрогнула, массируя виски, в голове уже начинала формироваться сильная боль.

(Если ты сдашь меня копам, я перережу тебе горло)

— Если ты не получила приглашение, пойдешь со мной. Не волнуйся, уверен, что еще один человек никому не помешает.

Вэл боролась с желанием огрызнуться на него за то, что он такой эгоист. Но он явно думал о ней, иначе вообще не стал бы поднимать эту тему, хотя бы потому, что хотел пойти на какую-то дурацкую вечеринку.

— Я должна спросить родителей.

— Уверен, что они тебя отпустят. Они не хотели бы, чтобы ты мешала работе строительной бригады.

Вэл ткнула ногой в лужу, образовавшуюся у ее ног.

— Я не знаю... а вдруг им понадобится моя помощь?

— И в чем им может понадобиться твоя помощь? Ты же говорила, что весь день будешь торчать в своей комнате.

— Им может понадобиться... что-то, я не знаю. Слушай, они настороженно относятся к таким вещам. Ты же знаешь.

Джеймс был невозмутим.

— Вечеринка в большом доме на Иствуд-стрит. Нет никаких причин, по которым твои родители не отпустили бы тебя. Ты видела охрану этих домов?

«Я думала то же самое тогда, с ним».

Но пригласили друзей Вэл, но не ее? Довольно странно. Зачем Гэвину это делать? На

него не похоже. Так что, возможно, это не он. Она могла бы убедить себя в этом, если бы жуткое чувство, которое она испытала в автобусе, исчезло, но оно не исчезло; оно усилилось до такой степени, что Вэл почувствовала, как невидимые глаза сверлят ее спину.

Ее письмо, приглашения ее друзей — были ли они как-то связаны?

Совпадение.

«Правда? Действительно?»

— Я не уверена, что должна идти, — запинаясь, сказала Вэл. — Это слишком странно.

— Нет, странно сидеть дома, одной.

— Мои приступы паники становятся все хуже, — прошептала она. — А что, если он случится у меня на вечеринке? Что, если я сорвусь прямо там, на глазах у всех?

— Если ты останешься дома, то считай он победил. Будь сильной, Вэл. Не позволяй ему добраться до тебя.

Как Джеймс мог говорить ей это? Будь сильной. Как будто это так просто. Как будто она должна поддерживать «потолок» своего рассудка, даже когда стены рушились вокруг нее.

— А что было в твоём письме?

— Жду тебя на вечеринке, как никого другого, — невозмутимо произнес он.

Вэл вздохнула с облегчением. Ничего похожего с ее письмом.

Тем не менее, она слышала истории о неприятностях, в которые попадали дети Иствуда на вечеринках. Неприятности, которые прикрывают их богатые семьи. Совсем не про нее.

— В котором часу?

— Э-э... — Джеймс порылся в кармане джинсов и достал слегка смятый клочок черной бумаги. Это несоответствие цветов между двумя письмами заставило Вэл почувствовать себя немного лучше. Она боялась, что он тоже будет кремовым. — Здесь сказано, что вечеринка начинается около восьми, но время окончания не указано. Хотя, наверное, чуть за полночь.

Она посмотрела на него. Ее комендантский час начинался в полночь. И точка. Никаких исключений.

— Ну же, Вэл, — взмолился он. — Это пойдет тебе на пользу.

Если Джеймс будет рядом, чтобы защитить ее, а Лиза будет присматривать за ним, она, возможно, сумеет уговорить родителей еще на час или около того.

Может быть.

Если она вообще захочет пойти.

— Хорошо, — уступила она, — я спрошу.

Глава 3

«Выжидательный ход»

Шахматный термин, обозначающий ход, с помощью которого одна сторона передает очередь хода другой. Как правило, принципиального воздействия на рисунок позиции выжидательный ход не оказывает.

Вернувшись домой, Вэл застала родителей в ужасном настроении. Рабочие устроили беспорядок, растащив штукатурку и деревянные щепки по всему дому на своих тяжелых ботинках, испортив один из любимых шерстяных ковров ее матери. Они спорили друг с

другом о стоимости и о том, стоит ли им сменить бригаду строителей.

Вэл стояла в дверях и ковыряла кутикулу. Если она хочет положительного результата, то лучше подождать до завтрашнего утра, когда они будут менее раздражены. С другой стороны, если она подождет до воскресенья, то, вероятно, потеряет самообладание, а часть ее, довольно большая часть, вообще предпочла бы не ехать и хотела, чтобы они сказали «нет».

Она вошла в гостиную, обходя куски штукатурки, которые лежали на полу, как сахарная пудра.

— Эй... эм, мам? Папа? Могу я вас кое о чем спросить?

— Не сейчас, Вэл, — ответил отец.

— В чем дело? — спросила мать.

— Меня вроде как пригласили на вечеринку в эту субботу.

Как она и ожидала, новость была воспринята без особого энтузиазма.

— Где?

— В Иствуде.

— Иствуд? — повторила мать. — Кого ты знаешь в Иствуде?

Вэл пожала плечами.

— Я — никого. Джеймс пригласил меня.

— Что это будет за вечеринка? И во сколько она закончится?

Если кто-то из родителей и уступит в этом вопросе, то, скорее всего, это будет мать. Но годы сделали ее более консервативной, и она так и не простила себя за то, что позволила Гэвину практически разрушить жизнь Вэл.

— Она начинается в восемь и, вероятно, закончится около часа, — пересказала Вэл. — Возможно. Я думаю, это тематическая вечеринка.

— Ты хочешь пойти? — спросила мама.

— Не знаю. Но Джеймс, Лиза и Блейк будут там, и все они, кажется, думают, что я должна.

— Как ты собираешься туда попасть? — спросила миссис Кимбл, когда отец спросил: — Кто такой Блейк?

— Джеймс, наверное, отвез бы всех нас, — ее отец поднял бровь. — Он хороший водитель.

Ее отец выглядел обиженным.

— Я ничего и не говорил. А теперь скажи мне, кто этот Блейк.

— Он не этот. Он хороший друг Джеймса и в списке лучших учеников школы.

— Ну, если он в списке лучших, — пробормотал мистер Кимбл. — А разве тот, другой твой мальчик, тоже не был лучшим учеником?

— Роберт! — недовольно проговорила мать Вэл.

«Гэвин никогда не был моим», — хотелось ей огрызнуться. Он был слишком низок, чтобы кому-то что-то дать. Кроме того, учителя его тоже боялись. Никто в здравом уме никогда не стал бы бояться Блейка.

Мать смотрела на нее с беспокойством.

— Блейк, похоже, хороший мальчик, и, конечно, будет безопасно, если Лиза и Джеймс оба поедут.

Сердце Вэл слегка упало. Совсем не то, что она надеялась услышать. Прямой запрет был бы очень кстати.

— Кроме того, — продолжала мать легким голосом, — Иствуд — богатый район. Вэл может встретить кого-нибудь симпатичного. И у нее будет с собой сотовый.

— Мама. Мы с Джеймсом пока не расстались!

«Пока? Откуда это взялось?»

К счастью, мать не обратила на ее оговорку внимания.

— Прости, милая. Но ты не будешь встречаться с Джеймсом вечно. У тебя всегда есть выбор, вот и все, что я хочу сказать.

— Вэл не охотница за деньгами, — строго сказал отец. — Мы не воспитывали ее такой.

— Я и не говорю, что это так. Просто хочу заметить, что ей не мешает познакомиться с новыми детьми — особенно после того, что случилось, и если один из них окажется мальчиком, что ж...

— Она уже большая девочка, — поддержал отец, удивив ее. — И вполне может отправиться на вечеринку. Одному богу известно, что большинство детей ее возраста уже пристрастились и к наркотикам, и к сексу. Вэл — хорошая девочка с хорошим христианским чувством добра и зла. Она способна о себе позаботиться.

Неожиданная похвала вызвала румянец на щеках Вэл. Повинуясь внезапному порыву, она обняла его.

— Спасибо, папочка.

— Не за что, зайка, — сказал он, похлопывая ее по спине.

— А ты сама, Вэл? Ты хочешь пойти? Ты сказала, что не уверена.

— Мне снова звонили, а вчера пришло жуткое письмо.

— В таком случае, — сказала мать, — может быть, тебе лучше пойти, побыть с друзьями.

— В самом деле?

— Это гораздо лучше, чем сидеть дома одной. Возможно, мы с твоим отцом тоже куда-нибудь сходим.

— Только не забудь взять телефон, — напомнил отец.

Ни один из них не стал выяснять подробности о полученном письме, вместо этого они обошли его на цыпочках, как спящего дракона. Вэл вздохнула с облегчением. Предыдущий разговор с Джеймсом оставил ее опустошенной. Она была благодарна, что не пришлось переживать его снова.

— Наверное, — вздохнула она. — Я тогда позвоню Джеймсу, чтобы он меня подвез.

— И передай своему приятелю, что если ты не вернешься целой и невредимой, то мне придется...

— Роберт, дай «Ремингтону» отдохнуть. Она все поняла.

Моя первая вечеринка.

Раньше, когда все было нормально, она ходила на местные вечеринки своих друзей, но всегда знала большинство, если не всех, гостей, были ли они знакомыми, друзьями друзей или просто подружками с трека. Потом приглашения прекратились. Это выглядело так, как если бы инцидент сделал ее прокаженной, и все боялись подхватить мнимую заразу. Второй год прошел очень одиноко.

Сейчас все будет по-другому. Вечеринка проходит в другом районе, с другими детьми: детьми, которые не знали бы ее как Психованную Девушку или Психованную Шлюху. Она будет просто обычной девчонкой, одной из многих. Она не знала там никого, кроме своих друзей.

Вэл удивлялась сама себе. Забавно. Она не думала, что поход на вечеринку — это так страшно.

Телефон молчал: спящий хищник, которого можно разбудить в любую секунду. Скоро, очень скоро это произойдет. Звонок, которого он ждал, был очень важным.

Он лежал рядом с телефоном на кровати в темноте, спокойно вдыхая затхлый воздух. Дом и большая часть его имущества были приобретены в мгновение ока в магазинах подержанных товаров — или отданы по доброте сердечной его многочисленными братьями и сестрами.

Кровь не водица.

По его лицу пробежала тень. Как это верно. Неважно. Он подготовил сцену по своему вкусу. Все, что нужно сделать, — это дождаться начала представления.

Он играл со стеблем розы, позволяя ему скользнуть между пальцами, пока не взял цветок в ладонь. Как бы великолепно ни была погоня, иногда требовалось более мягкое воздействие: погладить добычу шелковой перчаткой, не позволить ей почувствовать железо капкана, пока не станет слишком поздно.

Его пальцы сжались, и комнату наполнил ароматный запах раздавленных лепестков. Несколько из них проскользнули сквозь его пальцы и упали на обнаженную грудь.

Скоро.

Зазвонил телефон.

Он лениво моргнул и, повернувшись, потянулся к телефону.

— Алло?

— Да? — Он с удовольствием выдержал паузу.

— Это Джеймс... Джеймс Льюис. Ты прислал мне приглашение.

— Ах, да. Прислал.

Еще одна пауза.

— Ну, я его принимаю.

— И ты сможешь приехать?

— Да. Как и Блейк, Лиза и Вэл, — он назвал ее имя среди всех остальных.

— Вэл? — он сделал вид, что удивлен, наслаждаясь тем, как ее имя звучит в его устах, густо, полно и округло, как кровь или прекрасно выдержанное вино. — Хм. Я не помню, чтобы ее имя было в списке гостей.

Это разрушило бы цель игры, не так ли? Эго бойфренда не позволяло Джеймсу присутствовать на вечеринке одному, а Вэл... Ну, он хотел, чтобы она была испуганной, но не настолько, чтобы бояться идти на его маленький званый вечер.

Он потратил много времени на письмо для нее, подбирая слова, играя с ними, как кошка с мышью. Он хотел, чтобы она подозревала, да, но не была уверена. Неизвестное пугает восхитительно сильнее, чем известное, и она действительно выглядела такой возбуждающей, когда боялась.

Ты любишь розы, Вэл? А как насчет белого жасмина?

Он был слишком нетерпелив раньше, в своей глупой юности. Теперь, повзрослев, он мог лучше обуздывать свои порывы и ценить отсрочку удовлетворения. Отсрочка сама по себе могла быть восхитительной и соблазнительной. В конце концов, разве сама охота, это не отсрочка поимки?

Раздражающий голос вырвал его из этих приятных мыслей.

— Нет. Наверное, ее не пригласили.

— Жаль.

Снова наступило молчание, на этот раз более продолжительное.

— Это значит, что она не может прийти?

— Нет, нет, приведи Вэл, если хочешь, только убедись, что она одета во все черное.

— Все черное? — Голос Джеймса звучал настороженно. — Почему? Этого не было в приглашении, которое я получил.

— Странно. Должно быть, это вылетело у меня из головы.

— Это что, какая-то тематическая вечеринка?

— Можно и, так сказать.

На этот раз Джеймс говорил уже не с напускной бравадой, а с любопытством, с любопытством и — если он не ошибался — некоторым испугом. Его улыбка стала шире. Да.

— Кто ты, чувак? Откуда ты нас знаешь? Ты ходишь в нашу школу?

— Все откроется в свое время, — тихо сказал он. — До свидания, Джеймс.

— Что? Как ты... подожди...

Он осторожно повесил трубку и заставил себя сесть. Непослушные черные волосы упали на шею и плечи, когда он потянулся, закрыв глаза, как кошка. На столе горела свеча, и пламя заплясало, когда он подошел ближе. Поднял остатки розы, с которой играл, и медленно скормил ее огню, наблюдая, как оно жадно пожирает цветок.

Закончив, погасил пламя, и комната погрузилась во тьму. Он снова лег в постель, на этот раз спать. Пока все складывалось хорошо.

Но поживем, увидим.

Мелодия «Макаренки» громко зазвучала из рюкзака Вэл. В тишине комнаты звук оказался громким и пугающим, особенно после того, как ее нервы и так были ни к черту после всех писем.

Она рылась в старых домашних заданиях, пока не нашла телефон под какими-то смятыми нотами.

— Джеймс?

— Привет. Я только что разговаривал по телефону с хозяином вечеринки.

— Ты действительно говорил с ним? Ну и как? Он разговаривал как Гэвин?

— Ага, я позвонил ему. Он просто забыл внести твое имя в список гостей. — Вэл нахмурилась, когда Джеймс быстро добавил. — Он говорит, что все в порядке, если ты придешь.

«Как мило с его стороны».

— Как его зовут? — Вэл с трудом верилось, что кто-то помнит имена всех трех ее друзей и все еще умудряется не замечать ее. Более того, это выглядело довольно обидно, что с таким же успехом могло быть намеренным пренебрежением. Может, так оно и есть.

— В том-то и дело, — ответил Джеймс, — что он мне не сказал. Я имею в виду свое имя. Его голос тоже не показался мне знакомым, во всяком случае, не похожим ни на кого из моих знакомых.

Неприятное чувство появилось у нее в животе. На этот раз потребовалось больше усилий, чтобы подавить его.

— Тебе не кажется немного странным, что он не сказал тебе, кто он?

— Наверное. — Джеймса, казалось, раздражало ее любопытство. — Он сказал, что это тематическая вечеринка, так что, возможно, это попытка сохранить тайну. Театральные фанаты делают такие вещи.

— А что за тема?

— Понятия не имею. Слушай, это отстойно, но, по крайней мере, он стремится что-то сделать.

— Джеймс, мне это не очень нравится...

— О, вспомнил. Он хочет, чтобы мы пришли в черном. Не могу поверить, что чуть не забыл.

— Зачем...

— Не спрашивай, я не знаю. Тематическая вечеринка, помнишь? — Джеймс издал осуждающий смешок. — Мне пора, Валериэн. Заберу тебя завтра.

— Но я не...

Он повесил трубку прежде, чем она успела закончить мысль. Вэл бросила телефон на тумбочку. Похоже, в последнее время он часто так делал, обрывая ее прежде, чем она успевала вставить последнее слово.

На мгновение она подумала, не позвонить ли ему самой и не сказать прямо, что не хочет ехать. Вэл даже нашла его имя в списке контактов. Потом положила трубку и вздохнула.

Какой в этом смысл? Она уже решила пойти. Позвонив ему сейчас, она просто попытается улизнуть.

Она обдумала последние слова Джеймса. Прийти во всем черном. Интересно, почему? Черный цвет ассоциировался с оккультизмом, не так ли? Правда, был октябрь, но для Хэллоуина еще слишком рано. Господи, а что, если он сатанист?

«Это не фильм ужасов, — строго напомнила она себе и горько рассмеялась. — Сатанисты? Правда? Глупая мысль, даже для тебя. Куда более вероятно безобидная эксцентричность. Богатым людям позволено быть немного сумасшедшими».

— Я даже не хочу идти, — пробормотала она.

— Вэл? Ты что-то сказала?

— Нет, мама. Просто... просто разговариваю сама с собой. — Есть ли у нее что-нибудь черное? Она подошла к своему шкафу. Зеркальная поверхность отражала ее слишком бледное лицо. Вэл распахнула дверь и принялась рыться в вешалках. Нет, нет, нет — ага!

Она вытащила черную кружевную блузку, о которой совершенно забыла. Вэл не была уверена, куда можно ее надеть; ценник все еще болтался на рукаве.

Симпатичная, но не в ее стиле. Слишком темная. Черная атласная, с кружевной сеткой, она была украшена узором, похожим на мертвые цветы. Гвоздики, может быть, или пионы. Ее мать, должно быть, купила ее для нее. Вэл надеялась, что все еще сможет влезть. Она немного прибавила в весе с тех пор, как бросила спорт, и не могла вспомнить, когда ее мать могла купить эту блузку.

На столе снова зазвонил телефон.

Вэл повесила блузку на спинку стула. Джеймс? Нет, это не звонок от него. Текстовое сообщение. Что ж, это все объясняло. Однако она не узнала номер, а код города был не местным.

Пожалуйста, только не еще один розыгрыш.

Она выбрала в меню телефона пункт «читать». Прошла секунда, пока загружалось сообщение. Глаза Вэл расширились.

«Дебют».

«Шахматы, — подумала она. — О боже, нет, пожалуйста, нет».

Она с такой силой нажимала на кнопки, что заболели пальцы.

«Тебя зовут Гэвин?»

Ответ был почти мгновенным:

«Кто такой Гэвин?»

(Шах и мат)

Глава 4

«Антипозиционная игра»

Антипозиционная игра заключается в стремление подорвать или навредить своему положению.

Умирующий солнечный свет просачивался сквозь прозрачные жалюзи, наполняя гостиную пыльным сиянием. Он взял с буфета одну из сверкающих стеклянных чаш и отнес в спальню, где налил в нее гранатовое вино, букет которого вызывал образы железа, ягод и страсти. Очень примитивно, этого недостаточно, чтобы притупить его острые чувства. Совсем наоборот — оно заставляло его чувствовать себя более живым.

Вино было плотным и тяжелым на языке. Густое, вязкое, терпкое с металлическим привкусом. Легко понять, почему красное вино использовалось для обозначения крови в Причастии. Сходство казалось поразительным.

— Твое здоровье, — пробормотал он.

Когда алкоголь прожег путь в его крови, он еще больше расслабился. Она его заводила. Он наслаждался предвкушением боя, но время еще не пришло. Если бы она знала, как сильно он упивался ее сопротивлением, как ему доставляло удовольствие осознавать, насколько его сила превосходила ее, даже в самые отчаянные моменты. Как он до сих пор помнил вкус их смешанной крови во рту, она была бы — он улыбнулся — очень встревожена.

Она уже заключена в тюрьму. Он привязал ее к себе давным-давно, в тот момент, когда она невольно открыла ему свои слабости. Она просто не могла видеть цепи. Ещё нет.

«Скоро, — напомнил он себе. — Скоро». Взял старинные золотые карманные часы, отполированные до блеска по такому случаю. Взглянул на них. Очень скоро. Время почти пришло.

Первое впечатление — это все.

Он остался доволен, когда в последний раз осматривал дом. Ему не нужно беспокоиться — он знал, что великолепно подготовился, — но ему доставляло удовольствие восхищаться результатом своей работы.

Да, он вполне доволен, решил он, делая еще один глоток вина. Действительно, очень доволен.

Другие его гости ответили всего несколько часов назад. Они потребовали немного больше его ресурсов и убеждения, но их пресыщенное недовольство обеспечит интересное развитие игры.

Он натянул белые брюки и начал застегивать черную рубашку, не сводя глаз со своего отражения. Поверх рубашки надел белый смокинг и белый галстук, чтобы скрыть серебряную цепочку, которую носил на шее. Завершали ансамбль итальянские черные ботинки. Он просунул цепочку от часов в петличку на поясе и сунул часы в передний карман.

«Готова ты или нет, я иду искать». — Осушив бокал вина, он спустился вниз. Поиграй со мной, Валериэн.

Вэл натянула через голову кружевную блузку, поправив край поверх своих серых потертых джинсов. У нее не было черных, и она начала злиться на свой гардероб, в веселых пастельных оттенках, тщетно ища однотонный черный свитер.

«Могу поклясться, у меня есть один, — подумала она, отодвигая толстовки и футболки. — Тот, который мне подарила бабушка, с цветами из бисера на спине. Он бы идеально подошел». Но в этом свитере появилась дыра. Она выбросила его в прошлом году.

Я схожу с ума.

Она уставилась на свое отражение. Прозрачные рукава и вырез сердечком совсем не подходили для октябрьского вечера. Джеймс будет раздражен, когда перестанет пялиться на ее декольте.

«Мне не следовало соглашаться на эту глупость. Только посмотрите на меня. — Тени под глазами казались темнее, чем когда-либо. — Я просто развалина».

И напугана. Так страшно. Он оставил на ней свой след. Она все еще слышала его голос в своей голове, даже сейчас.

(Рыжие так легко ранятся...)

Что скажет ее психотерапевт, если узнает, что Вэл хватается за успокоительное каждый раз как ей кажется, что она снова слышит его слова? Она схватила банку с прикроватной тумбочки и вытряхнула из нее два маленьких желтых продолговатых кусочка. «Наверное, не обрадуется», — подумала она, проглатывая таблетки, даже не запивая.

(Не позволяй мне с такой легкостью пользоваться твоим положением)

Разве у нее есть выбор? Провести всю жизнь, прячась в тени?

— Мам, у тебя есть черный свитер, который я могла бы одолжить? — Вэл потянула за вырез вверх, пытаясь больше прикрыть грудь.

— Ничего, что подошло бы тебе, — отозвалась мать. — И не кричи на весь дом, Вэл!

— Прости.

Она позвонила Лизе. У Лизы куча одежды, и большая часть ее гардероба была черной. Она утверждала, что черный стройнит.

— Конечно, я могу одолжить тебе свитер, — заверила Лиза. — Нет проблем.

— О боже, правда сможешь?

— Господи, не психуй, Вэл. Это всего лишь свитер. Тебе не кажется, что платье слишком нарядно для школьной вечеринки?

— Не понимаю, с чего бы это.

Если Лиза пойдет в платье, Вэл в беде. Количество маленьких черных платьев, которыми она владела, равнялось нулю.

— Что это за платье? — уточнила Вэл. — Строгое? Потому что на мне джинсы...

— Оставайся в них, тебе идет. А я, все-таки выберу платье. Определенно. Оно

шикарное, отхватила его на распродаже в торговом центре. Я собираюсь надеть его на вечеринку, потому что Томас так и не перезвонил мне по поводу приглашения. Мудак. Он будет так ревновать, когда увидит мои фотографии в Фейсбуке.

— Томас?

— Да. Парень, о котором я тебе рассказывал. В четверг? Он меня продинамил... уходи, мама! Боже, когда дверь закрыта, это означает, не приставать ко мне! Клянусь, она весь день вертелась вокруг меня, как будто думала, что ее тоже пригласят. — Лиза продолжала, понизив голос: — И она бы пошла. Вот что меня пугает. Она бы точно так и сделала.

Эта мысль действительно была ужасающей.

— О, Джеймс здесь. Лёгко на помине. — Ее голос на мгновение стал тихим, когда она убрала трубку ото рта. — Я поняла, мам! Мама. Проклятье. Извини, моя мама пристаёт к твоему парню. Это по-настоящему жутко. Надо идти. Я принесу тебе свитер... скоро увидимся.

Вэл еще мгновение смотрела в зеркало и вздохнула. «Я выгляжу так, словно собираюсь на похороны. — Она расчесала свои рыжие волосы и добавила немного блеска для губ. — Или в секту. Или как будто очень взвинчена».

К счастью, ее родители были на кухне, а не вынюхивали у двери ее спальни, как мама Лизы. Она смогла пройти мимо, и они не стали комментировать ее одежду.

(Я удивлен, что твоя мать позволила тебе поиграть с большим плохим волком)

— Повеселись, Вэл! — прокричала мама, услышав, как открылась входная дверь.

— Помни, о чем мы говорили, — добавил отец.

«Как я могла забыть?»

— Я помню!

Джеймс заехал за ней на отцовской «Хонде» 97-го года выпуска. Нервозность Вэл возросла, когда она увидела, во что одеты ее друзья: во все черное, никакого серого, и так официально. На Лизе коктейльное платье без бретелек; Блейк — в футболке с воротником и штанах; Джеймс — в тех же самых свободных брюках и рубашке, которые он надевал на выпускной на прошлой неделе, за вычетом галстука.

Когда она села впереди, Лиза передала ей укороченный свитер, который Вэл сразу натянула. Она обвязала ленту вокруг талии, и из-за этого ее бюст стал выглядеть еще больше, на ее собственный вкус. Лиза любит такое. Подтянув края как можно плотнее, Вэл сдалась и завязала бант, сделав мысленную пометку не наклоняться.

— Я не слишком ужасно одета?

— Ты прекрасно выглядишь. Твоя блузка великолепна сочетается с этим свитером. Ты выглядишь шикарно.

— Да, ты просто класс, — согласился Джеймс, взглянув на нее — во всяком случае, на ее грудь, — прежде чем снова перевести взгляд на дорогу.

— Но эти джинсы скорее серого цвета. — Она ущипнула джинсовую ткань. — Светло-серые.

— Вэл, — заявил Джеймс, — Успокойся. Он не запретит тебе войти только потому, что твоя одежда на пару оттенков светлее.

— Ты выглядишь очень мило, — застенчиво согласился Блейк.

Им было легко отмахнуться от ее беспокойства, когда все они были одеты в черное. Вэл откинулась на спинку сиденья. Поездка не обещала быть короткой; у нее достаточно времени, чтобы насладиться своей неуверенностью.

Лиза и Блейк болтали об общем учителе, который им обоим не нравился, и Джеймс неизбежно врывался каждые несколько секунд или около того с шуткой или каким-нибудь неуместным замечанием, которое заставляло их всех взрываться смехом. Никто из них не предпринял никаких особых усилий, чтобы втянуть ее в разговор, и настроение Вэл упало еще больше. Неужели так будет весь вечер?

По другую сторону стекла небо было черным, как смоль, даже звезды оказались скрыты тяжелыми облаками. Сегодня новолуние, скрытое тенью облаков там, где должен виднеться серебряный месяц. Вэл вспомнила, что где-то читала, что видеть новолуние в первый раз через стекло — плохая примета. «Прекрати это. Прекрати сейчас же».

Расстояние между домами росло, и сами дома начали резко увеличиваться в размерах. Даже автобусы не отваживались заезжать так далеко.

Джеймс взглянул на приглашение, приклеенное к приборной панели, и припарковался на круглой грязной поляне. Она была почти пуста, за исключением нескольких машин. Вэл затаила дыхание, выдохнув только тогда, когда увидела, что «Камаро» 77-го года среди них нет.

— Вот мы и добрались... Я думаю, — объявил Джеймс, звуча неуместно среди безлунного неба и тихой пыльной дороги. Незваные гости.

Вэл обратила внимание на дом. Он был очень большим. В стиле Тюдоров, с замысловатыми кирпичными узорами на белых стенах. Перед крыльцом росли кусты роз, и она насчитала несколько разных цветов, включая желтый, коралловый и белый. «Боже, это похоже на что-то из сказки», — подумала она.

Но что это — замок принца или коттедж ведьмы?

— А где ведьмы? — пробормотал Блейк, и Вэл подпрыгнула, глядя на него, одновременно удивленная и странно довольная. По крайней мере, еще один человек был на той же волне.

— Пока не вижу, — с благодарностью ответила она.

Джеймс открыл дверь для нее и Лизы, которая невесело хихикнула и заявила, что невозможно прилично выйти из машины в таком коротком платье. Вэл закатила глаза. Блейк выбрался сам. Все четверо направились к входной двери, но Джеймс остановился перед одним из розовых кустов. Когда он наклонился, его намерения стали ясны.

— Джеймс, не надо! Не трогай.

Слишком поздно. Он сломал стебель.

— Они не заметят отсутствие одной жалкой маленькой розы.

— Вполне могут. — Она беспомощно смотрела, как он вертит желтый цветок в своих неуклюжих руках. Разве нет сказки, где все приводилось в движение одной украденной розой?

— Смотри, это твой любимый цвет.

Он помнит. Она попыталась выглядеть суровой.

— Джеймс...

— Роза для розы. — Он осторожно вставил цветок в ее рыжие волосы, и на этот раз Вэл не смогла сдержать улыбки. Она взглянула на его руку, переплетенную с ее, и Джеймс ее быстро убрал.

— У тебя кровь идет!

— Вероятно, он укололся о шип, — предположил Блейк.

— Он может заразиться. У кого-нибудь есть обеззараживающее средство? Бинт?

Лиза многозначительно посмотрела на свой крошечный клатч.

— Я что похожа на девушку, что таскает с собой аптечку?

Джеймс пожал плечами и поднес руку ко рту, чтобы слизнуть кровь. Вэл вздрогнула, и что-то... нет, какой-то обрывок воспоминаний пронесся перед глазами, и на мгновение ей показалось, что она почти вспомнила.

— Желтый, должно быть, означает осторожность, — пробормотал он.

— На самом деле, — произнес новый голос, — желтый цвет означает неверность.

К увитой плющом решетке прислонился молодой человек. Он стоял спиной к рамам, и его ноги выглядели бесконечными. Должно быть, он выше шести футов ростом.

Он смотрел прямо на них, давая Вэл беспрепятственно рассмотреть его лицо. У него были ясные, бледно-серые глаза, которые, казалось, вообще не имели цвета, а волосы были такими же черными, как их одежда. Резкий контраст с его светлыми глазами и более светлой кожей. Вэл с трудом сглотнула. Он ужасно похож на...

Нет, нет, лицо было другим. На самом деле все другое.

Однако сходство казалось поразительным. Достаточно, чтобы у нее пересохло во рту. Прошло много лет с тех пор, как она видела его в последний раз, и Вэл предполагала, что он мог измениться, или ее память изменилась, но...

Нет, Гэвин носил очки.

«Может быть, ему сделали корректирующую операцию или на нем контактные линзы».

Но этого не могло быть, потому что его лицо выглядело другим.

«Лица могут меняться с возрастом».

«Ты хочешь, чтобы это оказался он? — Ей хотелось закричать на себя. — Это то, чего ты хочешь? Хочешь вспомнить, что произошло три года назад?» — Она не могла отвести от него глаз.

Блейк посмотрел на нее, быстро нахмурившись, и Вэл заставила себя посмотреть на свои туфли. «Это не он», — решила она, и теперь, когда оторвала взгляд от его лица, заметила его одежду, и ее охватило новое беспокойство. Разве хозяин не велел им одеть черное? Все черное?

— Неверность? — проговорил Джеймс.

— О да, — подтвердил мужчина, который выглядел смущающе похожим на Гэвина, все еще улыбаясь. — Измена, знаешь ли. Или умирающая любовь. — И Вэл могла бы поклясться, что он смотрел прямо на нее, когда говорил это, и что ей подмигнул.

Она сердито встретила его взгляд, пытаясь не обращать внимания на то, как в панике трепещет ее сердце в груди, или на воспоминания, нахлынувшие из темных мест, куда они были изгнаны все эти годы, и задалась вопросом, на что он намекает? Что она будет изменять? Или что Джеймс сделает это?

Или он хочет, чтобы я изменила с ним?

Эта мысль пришла из ниоткуда, и что бы Вэл ни делала, она не могла прогнать ее. Она чувствовала себя почти такой же виноватой, как если бы Джеймс поймал ее на месте преступления. «Тут что-то еще...», — она только что поняла. Тело Гэвина не было таким... подтянутым.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнил? — взорвался Джеймс.

Он холодно улыбнулся, и его лицо утратило часть дружелюбия, но не веселья, и ее убежденность снова поколебалась. Вэл была уверена, что Гэвин отреагировал бы совсем по-другому. Он был вспыльчивым, непредсказуемым и безжалостным. Этот мужчина —

айсберг. Голосом, холодным, как утренний мороз, он сказал:

— Я ваш хозяин.

Интерьер дома был изысканным. Восточные ковры и мириады ваз цветов всех оттенков выстроились вдоль подоконников, где они наверняка росли на солнце. Мужчина шел быстрым шагом, не давая им раздумывать, но Вэл уловила достаточно, чтобы понять, что семья была состоятельной.

— Прости, — начал Джеймс, — я не знал...

— Все в порядке, — сказал мужчина, не оборачиваясь. — Я принимаю твои извинения. «Кто он?»

Он провел их прямо в гостиную, где ждали еще несколько подростков. Их было трое, примерно одного возраста с Вэл и ее друзьями: одна девочка и два парня.

На девушке была белая рубашка, оставленная расстегнутой, чтобы под ней виднелась кружевная сорочка. В пышной юбке, она казалась немного похожей на невесту, особенно с ее юным лицом с россыпью веснушек и яркими голубыми глазами.

Она взглянула на них, скользнув взглядом по Джеймсу и Блейку, прежде чем со снисходительным видом остановиться на Вэл. Презрительное выражение на ее лице с чертами деревенской простушки было таким же смущающим, как если бы кролик оскалил свои зубы.

— Кем себя возомнила эта девка? — Лиза прошипела на ухо Вэл. — Она даже не одета в черное — идиотка.

Вэл молча кивнула в знак согласия и внимательно посмотрела на парней. Один был высоким и худым, со светлыми волосами и карими глазами. Его лицо имело необычную форму, угловатое, с слишком резкими чертами, чтобы быть красивым, но он выглядел интересным и не лишенным привлекательности.

Другой парень выглядел ниже ростом и крепче, с телосложением, которое можно было бы ожидать от борца или полузащитника. Он оба были одеты так же, как и хозяин вечеринки, хотя казалось чувствовали себя более скованными в официальной одежде, чем он. Как заметила Лиза, все трое были в белом.

Неужели Джеймс ошибся?

Это будет не в первый раз.

— Вы можете сесть, — сказал хозяин, указывая на стулья. — Мы познакомимся чуть позже. — На экране шел фильм, хотя, казалось, никто его не смотрел.

Джеймс упер руки в бока.

— Кто ты такой?

— Пока можешь называть меня просто ГМ.

— Г-Эм? — повторил Джеймс. — И что это означает?

— Всему свое время. — Он достал пульт и выключил звук. Судя по количеству крови, это был фильм о чудовищах. Рты персонажей продолжали двигаться на экране, пойманные в беззвучном крике.

— Претенциозно, да? — сказал ей Джеймс.

— Фильм? — удивленно спросила Вэл.

— Нет. Его имя. Держу пари, это означает Господи Милости Молю.

— Нет, потому что тогда это будет Г-М-М, — влезла Лиза, которая подслушала. —

Может быть, Грандиозный Мудак? Нет — Главный Мазохист!

Блейк улыбнулся, опустив голову.

Вэл ничего не ответила. Она не могла придумать никаких юмористических дополнений к шутке, и ей не хотелось, чтобы их хозяин подслушал ее. Она сосредоточилась на самом ГМ, который поднял руки, словно призывая к вниманию. Ну, ладно, это было немного претенциозно.

— Добро пожаловать, — величественно произнес он. — Я так рад, что вы все смогли прийти. Мы скоро представимся друг другу. В задней части есть столик с едой и тому подобным, и, конечно, вы можете посмотреть фильм и познакомиться друг с другом. Я, конечно, с нетерпением жду возможности познакомиться со всеми вами.

(Я хочу увидеть больше. Узнать больше. Узнать тебя)

Последовала пауза. Никто, казалось, не хотел делать первый шаг. Наконец девушка в белом встала, и раздался грохот стульев, когда все бросились следовать ее примеру. Вэл неуверенно улыбнулась одному из мальчиков, который отвернулся и ускорил шаг.

Вэл обнаружила, что идет рядом с Блейком.

— У меня паранойя, или этот парень просто меня игнорирует?

— Наверное, он сноб. Это дорогой район.

Вэл кивнула в знак согласия. Но не очень приятные люди.

— Знаешь, мой отец хотел купить дом в этом районе, когда мы только переехали сюда.

— О?

— Они стоят несколько миллионов, и привлекают не тех людей.

Вэл рассеянно кивнула. Грубых типов, уверена она.

Стол был заставлен бутербродами, крекерами с незнакомыми начинками, сыром, фруктами и чем-то, что выглядело как вино, но при ближайшем рассмотрении оказалось бутылками игристого сидра.

ГМ, или как там его зовут, действительно превзошел самого себя.

— Ух ты, — поразился Блейк. — У него даже есть суши. Я передумал — мне нравится этот парень.

— Что это за розовая штука?

— Лосось. — Рядом с ней появился Джеймс. Блейк понял намек и ушел, чтобы поговорить с Лизой. — Я только что разговаривал с этим ГМ, и он сказал, что это какой-то паштет.

Вэл поставила контейнер обратно.

— Этот парень ГМ? Значит ли это, что вы поцеловались и помирились?

— Что, черт возьми, это должно означать?

Она моргнула.

— Ну. Ты же накричал на него раньше. Он не так уж плох. Хотя все довольно странно, тебе не кажется?

— Наверное. — Рот Джеймса был набит паштетом из лосося. Она подавила желание сказать, чтобы он не говорил, пока ест. — История с розами конечно странная, но я знаю парней с более необычными интересами и увлечениями. — Он пожал плечами.

— Я имела в виду, что он не называет нам своего имени.

Джеймс рассмеялся.

— Может быть, это является частью игры.

— Каким образом?

— Не знаю. — Он взял еще один крекер и густо намазал его паштетом. — Угадай имя и выиграй приз? Румпельштильцхен!

— Хм... — Она задумчиво прикусила губу. — Как твой палец?

— Просто укол. — Его глаза остановились на зеленой бутылке. — Это вино? Чудесно.

Она отвернулась, чтобы взять себе бутерброд. Огурец и укроп со сливочным сыром. Ее любимый. Она откусила кусочек и повернулась к Джеймсу на случай, если он действительно нашел вино, и внезапно оказалась в компании ГМ. Вздрогнув, она сделала шаг назад и чуть не потеряла равновесие.

— Осторожнее. — Его рука легко легла ей на плечо.

— Ох... привет. — Она посмотрела на его руку на своем плече, и он опустил ее. — Спасибо.

— Я не хотел тебя пугать. — У него хватило такта не комментировать ее оплошность или тот факт, что она говорила, как похотливая школьница со стрептококком. Может быть, он действительно ничего не замечает. Это конечно возможно, но трудно поверить. Вряд ли кто-то вроде него настолько невнимателен?

Вблизи он выглядит еще лучше.

Вэл взглянула на Джеймса, который хмурился от разочарования, наливая себе стакан того, что, по-видимому, было просто безвредным яблочным сидром.

— Я... могу тебя знать?

ГМ выгнул бровь, но не моргнул.

— Думаю, ты бы меня запомнила.

— Значит, нет.

— Я этого не говорил, — Его глаза оценивающе скользнули по ней. — Мне нравится твоя блузка.

Он что... он флиртует со мной?

— Спасибо. — Она скрестила руки на груди, потом поняла, что это выглядит так, будто она выставляет ее напоказ, и быстро опустила их. — Я даже не осознавала, что она у меня есть, пока не заглянула в свой шкаф. Полагаю, это один из тех редких случаев, когда импульсивные покупки окупаются.

— Импульсивность обычно так и работает. То есть окупается.

Он определенно флиртует... и не слишком тонко.

(Меня приручить такая же неудачная идея, что и привязать тигра)

— Черные розы — мои любимые цветы, — продолжал ГМ, хотя больше не смотрел на нее. Его взгляд был направлен куда-то вдаль.

Вэл нахмурилась.

— Черных роз не существует.

— Вот именно.

Она понятия не имела, что на это ответить.

— Ты много знаешь о цветах. — Как Гэвин? Она не могла вспомнить.

— Да. Каждый цветок имеет свое значение.

— Мое имя означает цветок.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Валериэн, — проговорил он, и она повернулась к нему с вопросом в глазах. — Оно означает любовь, сон, очищение... защиту. — Наклонив к ней голову, он лениво улыбнулся.

— Похоже на тебя?

— Нет, — ответила она, чувствуя себя неловко из-за того, что его глаза были серыми. —
Вовсе нет.

— Уверена? — спросил он, скривив губы в... ну, это была почти издевка.

Вэл ошеломило его переменчивое отношение. И злость тоже. Неудивительно, что Джеймс накричал на него; она сама почти готова начать кричать на него.

— Мне кажется, я лучше знаю насколько подходит мне имя, ГМ. Да и вообще, что ты можешь знать об именах? Ты даже не говоришь нам своё.

— Ты удивишься, — сказал он тем же низким тоном, что и раньше, — выяснив, как много я знаю, моя дорогая.

Кожу на ее спине покалывало.

— Я не твоя дорогая.

— Возможно, и нет, — согласился он, и ледяной разряд пронзил ее изнутри, когда на нее снизошло ужасное прозрение.

ГМ.

— ГМ не значит... не означает Гэвина Мекоцци?

— Боюсь, что нет, — сказал он. — Нет. Нет, мои инициалы совсем не так расшифровываются. Хотя неплохая попытка.

— Как тогда?

— Все мое время, моя дорогая. У тебя был шанс.

(Джентльмен никогда не расскажет)

— Перестань меня так называть и ответь на вопрос.

— Нет.

— Я серьезно.

Его вежливая улыбка стала немного дикой.

— Как и я.

(На самом деле, я действительно не думаю, что ты вообще хочешь со мной связываться)

Чувствуя тошноту, она решила пойти и найти Джеймса. Вэл уже отвернулась, когда снова услышала голос ГМ.

— Наберись терпения и жди, моя дорогая. И ты, и твой парень, похоже, остро нуждаетесь в этом, — он рассмеялся. — Я имею в виду терпение. Не спешите задавать вопросы, ответы на которые вам не понравятся.

Это угроза? Она повернулась, чтобы спросить, как именно он узнал о ней так много — и почему, — но остановилась, нахмутив брови. ГМ... исчез. Испарился.

Глава 5

«Подрыв»

Шахматная тактика, при которой защитная фигура захватывается, оставляя одну из фигур соперника незащищенной или недостаточно защищенной.

Исчез? Вэл обвела взглядом комнату, разглядывая других гостей. Она с облегчением обнаружила, что ГМ болтает с брюнеткой в белом всего в нескольких шагах от нее. «Видишь? Вот и объяснение. Люди просто так не исчезают. Перестань накручивать себя», —

но ее облегчение длилось не долго. Как он узнал значение ее имени, причем с такой энциклопедической точностью, не пропустив ничего? Как узнал, что Джеймс был ее парнем? И почему назвал ее «моя дорогая»? Если он знал, что Джеймс ее парень, это должно было бы отбить у него охоту флиртовать. Потому что именно это он и делал.

(Могу заверить тебя, моя дорогая, что я не какой-нибудь садовый негодяй)

И в тот же миг ее убежденность в том, что он не Гэвин, рухнула. Снова. Странные, архаичные обороты речи — необычный цвет глаз — конечно, это слишком большое совпадение.

Брюнетка рассмеялась над чем-то, что сказал ГМ, делая шаг ближе к нему. Он улыбнулся в ответ, но улыбка не коснулась его глаз. С непринуждённой лёгкостью он стал отходить от нее, одновременно извиняясь, оставшись при этом неизменно вежливым. Не успела Вэл и глазом моргнуть, как он уже разговаривал с самым крупным из двух парней в белом, в то время как на лице девушки мелькали раздражение, обида и гнев.

Если это был Гэвин, то он изменился не только внешне. Гэвин, которого она помнила, был серьезным и задумчивым, ему не хватало светских манер, но он компенсировал это явной силой.

Вэл так и подмывало спросить мнение Лизы. Она знала неписанные правила поведения в обществе лучше, чем кто-либо другой. Но Лиза разговаривала с другим мальчиком в белом, блондином. Во всяком случае, он говорил. Лиза кивала во всех нужных местах, но судя по всему хотела сбежать, подумала Вэл. Они посмотрели друг другу в глаза, и Лиза одними губами произнесла:

«Помоги мне».

Ну и что мне делать? Вытащить ее за ухо?

Нет, спасибо. Вэл не хотела вмешиваться. Не потому, что она боялась высокого парня — во всяком случае, не сильно, — но он был жутким, и вызывал мерзкое, скользкое чувство. Она не хотела устраивать сцену. Она не любила конфликтовать.

Вэл почувствовала, как глаза подруги впились ей в спину, когда она отвернулась. Зарождающаяся головная боль жгла ей глаза, и она подумала: «Придется расплачиваться за это позже».

— Вэл? — позвал Джеймс, подходя со стаканом золотистой жидкости. — Что ты здесь делаешь одна?

Она повернулась к нему, благодарная за повод отвернуться от Лизы и ГМ.

— Меня бросили.

— Да, я видел, — он сделал глоток сидра, поморщившись от вкуса. Или, может быть, от ее слов. — О чем вы, ребята, говорили?

— О моем имени.

Стакан остановился в нескольких сантиметрах от его губ.

— Твое имя?

— Это и другое вещи. Он знал, что оно значит.

Джеймс пожал плечами и сделал глоток.

— Ну и что оно значит?

— Цветок. Символизм. Любовь, сон, что-то еще — я не могу вспомнить остальное. — Она чуть не добавила: «Он много знает о цветах». Но это прозвучало бы так, как будто она защищала ГМ или повторяла то, что он говорил раньше. — Довольно жутко, как будто он рассказывал даже не задумываясь.

— Ну и?

— Ну, цветы валерианы не так уж распространены. Джеймс, даже ты не знал, что это цветы.

— И ты удивлена, что он в курсе? Разве не видела сад перед домом? Парню серьезно нужно потрахаться.

— А еще он знал, что мы встречаемся... — Она позволила фразе повиснуть.

Джеймс глубоко вздохнул.

— Ну, да. Конечно, он знает. Я же позвал тебя с собой?

— Значит ты ему сказал.

В его словах сквозило нетерпение.

— Нет, я ему не говорил. Не совсем так. Но он не идиот, Вэл. Уверен, он просто соединил А и Б — не то чтобы мне нужно было объяснять ему все по буквам. В любом случае, какая разница? Почему ты так волнуешься из-за этого?

— Я... — Ее голос сорвался. Вэл хотелось встряхнуть его за непонимание того, что она не могла выразить словами, хотя это глупо и иррационально. Почему он не видит того, что видит она? Он настолько рассеян, или она настолько сумасшедшая?

«Мне не нравятся такие совпадения».

Сейчас ГМ разговаривала с Лизой. Похоже, у нее вообще не было никаких сомнений на его счет.

Какую тайну он скрывал за этим безупречным фасадом? ГМ — который не сказал им своего настоящего имени, и все же так много знал о значении ее имени. Гроссмейстер, чьи инициалы совпадали с инициалами гроссмейстера Гэвина Мекоцци.

Она чувствовала себя так, словно ей плеснули в лицо ледяной водой. ГМ было сокращением от «гроссмейстера», она знала, что это звание так сокращают. Три совпадения не могут быть просто случайностью. Это закономерность.

— Он называет себя ГМ, — сказала она вслух. — Кого еще ты можешь вспомнить с такими инициалами?

Джеймс посмотрел на нее мгновение, прежде чем медленно склонил голову набок и изучающе взглянул на ГМ.

— Я не уверен.

— Ну, я думаю, нам пора уходить. Прямо сейчас.

Джеймс выплюнул полный рот сидра, и его плевок привлек пристальные взгляды других гостей.

— Что?

— Джеймс, люди смотрят! Что с тобой такое?

— Что со мной такое? Что с тобой такое? Ты ведешь себя как полный параноик.

— Наш хозяин... хм... у меня от него мурашки по коже. Он напоминает мне моего преследователя. Я не чувствую себя в безопасности. Мне совсем не весело. Не хочу оставаться здесь, я просто хочу домой.

— Вэл, — сказал он очень мягко, — ты сегодня принимала лекарства?

Его слова прозвучали равносильно пощечине. «Он думает, я сумасшедшая».

Не говоря больше ни слова, Вэл бросилась к столу с закусками и схватила себе ролл «Калифорния». Потом второй, третий. Уксусная сладость риса и авокадо заставила ее почувствовать себя лучше, но она не могла избавиться от горечи во рту.

«Я что, сошла с ума? — Она еще раз взглянула на ГМ. — Не думаю».

Но опять же, сумасшедшие всегда уверены, что с ними все в порядке.

— Вкусно, да? — спросил Блейк. Он тоже жевал ролл «Калифорния». — Я их люблю.

Вэл кивнула, но держала рот на замке, не решаясь заговорить. Если она это сделает, то, как подозревала, может взорваться. Или расплакаться. Блейк многозначительно поднял брови в ответ на ее молчание, но не стал развивать тему, что она оценила. Из всех друзей Джеймса он всегда нравился ей больше всех. Большинство из них были шумными, спортивными золотыми мальчиками, такими же, как Джеймс, но Блейк был тихим, спокойным, задумчивым.

«Мне нравится Джеймс, — напомнила она себе. — Неубедительно. Просто иногда мне хочется, чтобы он не был таким придурком. Все время. Большую часть времени».

Но это не совсем справедливо. Вэл обвиняла хозяина вечеринки в том, что он психически ненормальный преследователь. Она тоже ведет себя как дурочка.

«Нет, если он это он и есть».

Все думали, что у нее паранойя. Они не могли заметить сходства. Думали, что все это у нее в голове, как и многое другое. Даже у нее имелись сомнения. Да, слова немного похожи, но поведение ГМ было совсем другим. И он в основном не обращал на нее внимания, завязав с ней разговор только для того, чтобы прочитать импровизированную лекцию о цветоводстве.

«Джеймсу все равно следовало отнестись ко мне серьезно. — Она посмотрела на своего парня, который присоединился к Лизе и ГМ в их обсуждении. — Предатель».

— Ты... все в порядке? — нерешительно спросил Блейк.

— Меня немного тошнит.

— Тогда этот сидр, вероятно, не поможет. Вот. — Он протянул ей бутылку воды, все еще холодной. — Выпей это.

Она с благодарностью приняла воду, залпом выпив четвертую часть.

— Лучше?

— Да, спасибо.

— Не за что. — Он снова повернулся к суши, его лицо стало немного розовее, чем раньше.

Вэл колебалась.

— Блейк, ты думаешь... — Он переехал сюда только в прошлом году. Он не вспомнит Гэвина.

Блейк наблюдал за ней с любопытством, но настороженно.

— Что я думаю?

— Ты, гм... думаешь, что ГМ странный?

— А кто нет? — Взгляд Блейка задержался на троице в другом конце комнаты. Что-то в его лице, какое-то смутное подозрение, дало ей надежду, что собственные страхи не были полностью необоснованными. Затем он пожал плечами. Его молчание казалось более отзывчивым, чем небрежное отмахивание Джеймса.

— Он мне кое-кого напоминает.

Блейк поднял брови.

— О? Кого?

— Кого-то... опасного.

Блейк открыл рот. «Заткнись». Вэл наблюдала, как он снова взглянул на ГМ и нахмурился. Она бы все отдала, чтобы узнать, что творится у него в голове.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда будь осторожна, — предостерег Блейк.

Немного, но это хоть что-то.

— Все уже перекусили? — спросил ГМ, заметив затишье в разговоре. На его вопрос не последовало никакого ответа. Он улыбнулся им всем. — В таком случае, не вернуться ли нам в гостиную для знакомства?

Его серые глаза, казалось, пристально изучали их лица, прежде чем он развернулся на каблуках и направился обратно в соседнюю комнату, не оставляя им выбора, кроме как следовать за ним.

Вэл все еще злилась на Джеймса. Когда он жестом пригласил ее сесть рядом, она села между одним из других мальчиков — высоким — и Блейком. Первый окинул ее критическим взглядом. Она посмотрела ему в глаза, и он переключил свое внимание на переднюю часть комнаты. Снова зазнается.

Джеймс что-то пробормотал, его лицо исказилось в озабоченной гримасе. Вэл проигнорировала его и посмотрела на ГМ. На этот раз Джеймс зашел слишком далеко. Она не могла поверить, что он только что обвинил ее в том, что она сумасшедшая на публике.

— Почему бы нам не начать с того, что мы назовем наши имена, а затем что-нибудь интересное о себе? Давай ты первый, — небрежно добавил он, указывая на Джеймса.

— Я Джеймс. — Он победно улыбнулся. «Привет, Я Большой Толстый Придурок». — Я хорошо разбираюсь в компьютерах. Еще я художник. Люблю рисовать, но считаю живопись пустой тратой времени, и недавно я занялся цифровым искусством.

— Ты считаешь живопись пустой тратой времени?

— Ну.. да, — подтвердил Джеймс. — Слишком грязно, не говоря уже о том, что отнимает много времени. Вы можете закончить быстрее и с гораздо большей точностью, используя компьютер вместо кисти.

— О, но Джеймс, время — это то, что делает живопись достойной нашего внимания.

Прозвучало жутко. ГМ начал поворачиваться в ее сторону. Вэл быстро отвела взгляд. «Не позволяй ему застать тебя за этим занятием».

Следующей стала Лиза.

— Je parle français. [[Я говорю по-французски]]

— Comme je l'fais, [[Как и я]] — проговорил ГМ.

Лиза оценивающе на него взглянула.

— Couramment? Votre accent est parfait. [[Бегло? Произношение идеальное]]

Не желая оставаться в стороне, вмешалась девушка из белой команды, бросив на Лизу суровый взгляд.

— Oui, il est. Je suis d'accord. [[Да, так и есть. Я согласна]]

— Non, — он скромно пожал плечами, что показалось не очень убедительно. — Comme si, comme ça. [[Нет. На самом деле]]

— Я знаю, что прошу слишком многого, — вмешался парень рядом с Вэл, — но может вы все-таки будете говорить по-английски?

— Прощу прощения, — извинился ГМ. — Двигаемся дальше.

Следующей стала брюнетка. Она представилась как Чарлин — Чарли, — и поделилась, что ее самое большое хобби — мальчики. Она смотрела на ГМ, когда говорила это, но он, казалось, не заметил. Однако ее заявление заслужило мрачный взгляд Лизы. Наверное,

злиться, что сама не подумала о подобной реплике первой.

Лиза никогда бы не посмотрела на Гэвина дважды, так что, возможно, это был не он. Вэл почти улыбнулась, пока не поняла, что скоро настанет ее очередь, и она понятия не имела, что сказать. Что она собиралась рассказать? Она не представляла ни малейшего интереса. Вэл подумала о том, чтобы сказать, что говорит по-испански и хочет поехать в Чили, но тогда это прозвучало бы так, как будто она скопировала Лизу.

Знакомство продолжалось, пока она волновалась. Более крупного мальчика звали Brent, и он любил спорт. Никаких сюрпризов. Очевидно, он получил стипендию в каком-то престижном университете на Востоке, чтобы играть в футбол. Brent серьезно сообщил им всем, как он взволнован.

Другого звали Джейсон, и он любил писать. В прошлом он получил несколько незначительных наград за какие-то из своих ужасных историй, о чем высокомерно поведал им всем. Он хотел стать «ведьмаком», по его собственным словам, и планировал посетить округ Колумбия этим летом, чтобы поучаствовать, если получится, в исследования или найти работу на время каникул.

Затем все выжидающе уставились на нее. Краска залила лицо Вэл. Одна пара глаз была бледно-серой.

— Хм... — Она облизнула пересохшие губы. — Я Валериэн. Вэл. Иногда работак волонтером в приюте для животных. — Она поморщилась, как же убого звучит.

— С каких это пор? — Лиза заинтересовалась.

— С начала выпускного класса. В качестве моей общественной работы.

— Дерьмо. Я совсем забыла об этом.

— Вы, ребята, должны выполнять общественные работы? Вот отстой. В Уайт-Оукс у нас есть программа стажировки. Это в основном рабский труд, но, по крайней мере, мы получаем опыт работы, — протянул Джейсон.

— Мне нравится работать в приюте для животных, — горячо возразила Вэл.

— Осторожно, — влез Джеймс. — Если ты заставишь Валериэн начать, она прочтет тебе лекцию о правах лучших друзей человека.

Она послала ему неприязненный взгляд.

— Что это вообще за имя, Валериэн? — Чарли сморщила нос. — Я слышала о Валери но не о Валериэн.

Вэл не думала, что девушки по имени Чарли должны придирааться к именам.

— Это мое имя.

— Латинское, я думаю, — вмешался ГМ, и на этот раз Вэл уловила силу ее мрачного взгляда.

Блейк был последним. Он снял очки, чтобы протереть их о футболку, и Вэл подумала, не для того ли это, чтобы ему не пришлось смотреть на них.

— Я играл на трубе восемь лет и на скрипке девять, — сообщил он, глядя в пол.

— Кто твой любимый композитор?

— Холст, — ответил Блейк. — За его «Планеты», Сен-Санс и Дебюсси за... ну, вообще за все. Они великолепны. Действительно здорово.

— Нам нравятся романтики и импрессионисты? А как насчет классиков?

— Не так много. Хотя все они прекрасны. Но ты спросил меня о любимых.

— Да, так и есть.

Вэл выжидающе посмотрела на ГМ, задаваясь вопросом, не было ли это своего рода

переходом к его собственному представлению. Но нет. «Конечно, нет — потерять эту жуткую таинственность?» Вместо этого ГМ спросил:

— Кто хочет поиграть в игру?

— В покер на раздевание? — сдохмил Джеймс.

— Нет. — Улыбка ГМ была натянутой. — Я думал о чем-то более знакомом. Прятки, например.

Он сделал паузу, и его глаза, казалось, изучали каждого из них по отдельности. Вэл посмотрела на свои руки, прежде чем их взгляды встретились, поэтому она не увидела выражения его лица, когда Блейк нерешительно сказал:

— Разве это не детская игра?

— Игра для малышей, — уточнил Джеймс, закатывая глаза. — Полный отстой.

— Ах, но, видите ли, в этой версии есть небольшое изменение. — ГМ выпрямился, положив руки на бедра. — Принцип, конечно, все тот же. Один человек будет считать, пока другие прячутся. Они должны быть все найдены, иначе раунд не засчитывается — но вместо того, чтобы просто оказаться «вне игры», первый найденный, получает штрафное наказание. Я называю эту конкретную версию прятков «Охота и Захват».

Кожу на затылке Вэл встревоженно покалывало. Штрафное наказание? Охотиться и захватывать?

— Значит ли это, что их поставят в угол? — Снова Джеймс, в очередном приступе юмора. На этот раз никто не засмеялся.

— Не совсем. Не смотрите так нервно. Там не будет никаких настоящих ловушек, моих дорогие. Просто так звучит интересней, вам не кажется?

— Какое наказание? — спросил Джейсон.

— Лучше прячься, и тебе не придется выяснять.

Вэл подумала, что это звучит зловеще. Настолько, что она вообще не хочет играть. Она предпочла бы оказаться дома, в постели, свернувшись калачиком с книгой.

Никто, казалось, не разделял ее опасений. Одно за другим выражение беспокойства исчезло с их лиц. Джеймс выглядел удивленным, Блейк слегка развеселился, а Лиза... ну, Лизу было трудно понять. Вероятно, она недовольна тем что ГМ выбрал настолько детское развлечение, но у нее появился азарт в глазах, поэтому было трудно сказать наверняка. Что касается остальных, тех, что были в белом, их реакция варьировалась от интереса до скуки, в случае с девушкой.

— Кто охотник? — спросил Джейсон, выглядя так, как будто он не прочь получить эту роль для себя.

И по какой-то причине, Вэл этого бы совершенно не хотелось.

— Я буду, — сказал Джеймс. — Конечно, почему бы и нет?

— Раз уж ты вызвался добровольцем. — ГМ решительно пожал плечами. — Начинай отсчет со ста. Остальные — я предлагаю вам бежать. Да?

Он тоже собирается бежать? Вэл с трудом его представляла убегающим от чего бы то ни было.

— Бежать? — Чарли поджала губы. Не очень хороший вид. От этого жеста у нее на зубах появилась помада. — Куда бежать?

— Прочь. Любая комната, которая не заперта, не является запретной. Вы можете прятаться там, где сочтете нужным.

Джеймс остановился на девяносто двух.

— Разве мы еще не начинаем?

— Технически игра продолжается уже десять секунд. На вашем месте я бы поторопился, — добавил ГМ, взглянув на преследуемых, все еще сидящих на своих стульях. — Никто не хочет, чтобы его поймали. Во всяком случае, обычно.

«Это он».

Вэл пристально смотрела на ГМ, но он не спешил встречаться с ней взглядом.

«Правда?»

Вэл показалось, что кто-то украл все ее чувства. Полы стали вращаться и наклоняться, отчего подъем на ноги превратился в такой же невозможный подвиг, как и восхождение на Эверест.

«Что со мной происходит? Приступ паники? О боже, пусть это не будет приступом паники. Не здесь. Не сейчас».

Джеймс уже дошел до восьмидесяти семи, а Вэл, спотыкаясь, шла на нетвердых ногах, в то время как остальные игроки разбежались.

Глава 6

«Взятие»

В шахматах — ход фигуры (или пешки) на поле, занятое фигурой (пешкой) соперника. Взятая фигура снимается с доски, что считается частью того же самого хода.

Вэл бродила по коридорам, охваченная детским, но вполне реальным чувством паники, что ее «поймают» первой. ГМ прав в одном — у этого варианта прятки имелось новое правило, и оно ей не нравилось. Вообще.

Каждый звук, будь то в ее голове или с верхних этажей, заставлял Вэл останавливаться, чтобы оглянуться через плечо, вслушиваясь в тишину, а биение пульса раздавалось в ушах, как выстрелы из пистолета.

Капли ледяного пота стекали по ее спине. Каждый раз, оглядываясь назад, она была уверена, что видела, как что-то выползло из тени, скользило по периферии, как призрак... но там никогда ничего не было.

«Я ненавижу эту игру. Я ненавижу эту вечеринку».

Она вспомнила ряд комнат, у которых ГМ на самом деле не останавливался, чтобы показать им в начале экскурсии. Наверняка там неплохое место, чтобы спрятаться? Лучше, чем бегать здесь, как курица с отрубленной головой. Вэл попятилась назад, пытаясь вернуться по своим следам в темноте, и ее лицо немного просветлело, когда она узнала поразительную вазу, стоящую на подоконнике одного из арочных окон.

«Да. Я ее помню. Я помню этот коридор. Кажется, он ведет в холл».

Вэл миновала еще несколько ваз, а затем, да, там, справа от входной двери, была винтовая лестница. В дальнем конце коридора послышался скрип шагов. На мгновение она подумала о том, чтобы сбежать — но нет, это действительно безумием. Куда она пойдет? На улице совсем темно, и ключи от машины у Джеймса.

Автобус? Нет, нет, автобус не заезжал так далеко. К черту все это. Она крепче ухватилась за перила и стала перепрыгивать через две ступеньки, радуясь, что ее туфли не слишком громко стучат по доскам. Лиза была на каблуках, и Вэл могла только представить,

какой шум она поднимала. «Скорее всего, ее поймают первой, — подумала она. — Только не меня».

Она остановилась, затаив дыхание, прислушиваясь к шагам, которые, как ей показалось, слышала.

«Там ничего нет. Никто за тобой не следит. Перестань вести себя как психопатка». — Она была так уверена в коварстве хозяина дома, и посмотрите, как быстро ее друзья отвергли ее догадку как еще одну идею Сумасшедшей Вэл. Кто такой этот ГМ? Она покачала головой, как будто это могло помочь ей яснее видеть сквозь тени и тайны. Такое впечатление что он появился из ниоткуда. Хотя практически так и было.

Даже если он не был Гэвином, он пугал ее. За этой невозмутимой маской в его глазах горел огонь.

Второй этаж стоял погруженный во тьму. Вэл нащупала острые края стеклянной пластины выключателя. Она зашипела, отдернув руку, как будто ее укусила змея, и прижала пораненный палец к большому. Жидкость заставила пальцы соскользнуть. «Черт возьми, у меня кровь». В доме было так грязно и пыльно, с ее удачей микробы уже притягивались к ране.

В любом случае, все было напрасно. Она не могла включить свет. Зажечь его в комнате, что раньше находилась в темноте все равно что просто повесить неоновую вывеску «Приди и схвати меня!» над головой. Вэл сжала поврежденные пальцы в кулак и двинулась дальше. Чем скорее она найдет укрытие, тем скорее сможет успокоиться и позаботиться о том, чтобы предстоящая атака прошла мимо нее.

В конце концов, она нащупала дверную ручку на уровне бедра. Облегченно выдохнув, открыла дверь и оказалась в другой комнате. Спальня — или, может быть, кабинет. Ее глаза немного привыкли, и она могла различить силуэты мебели. На длинном столе в центре в слабом освещении угадывались очертания прямоугольников, наводящие на мысль о резервуарах или аквариумах. Вэл задалась вопросом, какие виды ползучих тварей они содержат, а затем решила, что не хочет оставаться здесь достаточно долго, чтобы выяснить это.

Она начала пятиться из комнаты и наткнулась на что-то твердое, подвижное и очень живое. С шипящим криком испуга Вэл отпрянула назад и с тяжелым стуком упала еще дальше в комнату. Она была уверена, что звук донесся до нижних этажей, но ее гораздо более острым страхом было то, что незванный гость теперь находился между ней и дверью.

— Кто там? — спросила Вэл. — Дж-Джеймс? Это ты?

— Боже мой, как ты шумишь, — раздраженно произнес женский голос, закрывая дверь с приглушенным щелчком. — Топаешь, как гребаный слон. Как тебя еще не схватили?

— Ч-Чарли?

— Нет. Зубная фея.

— О, слава богу, — Вэл потерла бедро. Завтра у нее там будет синяк. — Я думала... Думала, что ты кое-кто другой.

Чарли не стала комментировать, хотя, если тишина была способна звучать так, будто она закатывает глаза, у нее был этот особый талант.

Вэл почувствовала холодный воздух, когда Чарли прошла мимо нее. Тусклый свет упал на белую одежду, заливая жутким голубым сиянием, прежде чем тени снова поглотили ее. Она села на край какой-то поверхности — возможно, кровати или дивана — скрестила ноги и откинулась слегка сутулившись, каким-то образом умудряясь сделать этот жест

царственным.

— Хм. Ты действительно напугала меня, — голос Вэл прозвучал слишком громко в тишине. — Извини, я немного испугалась там на мгновение... но не ожидала, что здесь будет кто-то еще.

— Ну, я тоже не ожидала, что кто-нибудь захватит мое убежище.

— Захватит? Как я его захватила? Я была здесь первой. Почему это твое убежище?

— Я подумала об этом комнате, когда он впервые упомянул об игре. Когда ты это сделала?

«Тут она меня опередила. Хотя я бы не стала отрицать, что она лжет».

— Не знаю, — наконец ответила Вэл. Получилось достаточно нейтрально, и не скажешь, что она уступила.

Последовало долгое молчание, пока Чарли изучала ее в темноте. Слишком агрессивно она смотрела, что Вэл решила перебраться ближе к двери, остановившись только тогда, когда Чарли внезапно спросила:

— Тебе нравится ГМ?

Ее тон был другим — приятным, низким, доверительным. Это мгновенно заставило Вэл нервничать.

— Ты шутишь, да? Я его почти не знаю. У меня есть парень.

— Это не имеет к вопросу никакого отношения.

И Вэл предположила, что для такой девушки, как Чарли, это действительно так.

— Нет. Он мне не нравится, — сказала она слишком горячо, прозвучало так будто она защищается.

— Мне показалось, вы с ним очень мило беседовали...

«Когда он вторгся в мое личное пространство?»

— Ты ошибаешься. Между нами ничего нет.

— Ничего?

(Я хотел ее.

И до сих пор хочу)

— Ничего, — повторила Вэл.

— Хорошо. Убедись, что так оно и останется. — Слова прозвучали скорее, как угроза, чем добрый совет.

«Эти двое созданы друг для друга».

— Я собираюсь найти другое укрытие, — сказала Вэл, изо всех сил стараясь скрыть свои истинные чувства, в то время как старые страхи поднимались из ее подсознания, как монстры из глубины. — Ты можешь оставаться здесь. О, и удачи с ГМ и всем остальным. Я думаю, она тебе понадобится.

Чарли хмыкнула. Удивительно непривлекательный звук для такой симпатичной девушки. Вэл осторожно закрыла за собой дверь. Через холл находилась еще одна дверь, так что ей не пришлось бы бегать по огромному дому в поисках другого укрытия. И это определенно хорошо, поскольку Джеймс все еще искал — охотился...

Было ли это действительно развлечением, тематической вечеринкой, или ГМ на самом деле опасен? До сих пор, за исключением неловкого молчания, надменных гостей и загадочных разговоров, все казалось достаточно похожим на нормальную вечеринку. ГМ мог сойти за пресыщенного, уставшего от мира богатого мальчика. С другой стороны, поначалу и Гэвин казался таким же.

Письмо, которое она получила, было убедительной имитацией стиля Гэвина. Слишком убедительно, гораздо лучше, чем другие. Если она не знала автора, почему он посылал ей письма, в которых рассказывал, как сильно хочет поохотиться на нее? Поиграть с ней? Может быть, это была шутка — но тогда почему письмо так хорошо вписывалось в тему вечеринки?

В этом нет никакого смысла. Все это не имело никакого смысла. Она начала сомневаться в здравомыслии других гостей, не говоря уже о своем собственном. Особенно этой Чарли. Кажется, она способна на все.

Вэл достала телефон, пытаясь понять, может ли она позвонить матери и договориться о раннем возвращении. Джеймс подумал бы, что она слабачка, но она могла притвориться больной. Например, болит голова. От яркого света телефона ее глаза наполнились слезами, и она раздраженно смахнула их. «Нет сигнала?»

— Ну, здравствуй, Вэл.

Она закричала, поспешно отступая от двери. Как он оказался здесь так быстро, человек, которого она больше всего хотела избегать? Как она оказалась так близко к тому, чтобы врезаться прямо в него?

«Может быть, это он следил за мной в коридоре».

— Откуда ты взялся?

— Из-за двери, полагаю.

— Это н-не то, что я имела в виду. — Она захлопнула телефон и сунула его в карман джинсов. — Я про то, ч-что ты здесь делаешь?

— Это мой дом. Почему я не могу приходить и уходить, когда мне заблагорассудится?

Она не наплась, что на это ответить. В его словах был смысл.

— Почему ты не прячешься? Хочешь, чтобы тебя поймали?

Вэл сделала еще один шаг назад.

— Нет.

— Интересно.

— Чарли ищет тебя, — выпалила Вэл. Он вопросительно наклонил голову, побуждая ее продолжать.

— Я думаю, она в одной из спален — в той, где стоят емкости. Может быть, тебе стоит пойти и узнать, чего она хочет.

— Я знаю, чего она хочет.

— Ты знаешь? Но ты... — И тут она в ужасе замолчала, когда загадочные замечания Чарли и ее прежняя ревность стали очевидны. О... боже.

— Подумать только. — Он сделал еще несколько шагов к комнате, прислонившись к дверному проему. Блокируя выход, она не могла этого не заметить. — Если это очевидно для тебя, то, конечно, это очевидно и для меня. В любом случае, думаю, ей придется остаться разочарованной, потому что у меня нет желания ее видеть.

Он выдержал паузу.

— Но ты ведь не об этом хотела со мной поговорить?

— Я вообще не хочу с тобой разговаривать. — Вэл поискала другой выход, но он заблокировал вход, и его поза подсказывала, что он последует за ней, если она побежит.

— Мне показалось, что раньше ты очень хотела поговорить со мной.

— Я передумала. — Где все? Только не говорите, что я с ним наедине. Здесь, наверху. В темноте. — Ты что-то от нас скрываешь.

— Нам всем есть что скрывать, не так ли, Вэл?

— У тебя, должно быть, в шкафу лежат огромные скелеты, учитывая, что ты даже не хочешь назвать нам свое имя. — Она скрестила руки на груди, пытаясь снова сосредоточиться на нем самом. Чтобы отвлечь его от своей персоны. — Есть ли для этого причина, ГМ? Или я должна обращаться, гроссмейстер?

Она подумала, не слишком ли быстро разыграла свои карты. Или она вообще ошиблась. Она не знала.

— Ты молодец. — Он не выглядел обеспокоенным или сердитым (о том, что ее очевидный дискомфорт позабавил его, она вспомнит позже). — Но боюсь, тебе придется стараться лучше. — Пауза. — На этот раз.

И в тот момент, когда он прижал ее к стене, ее мир рассыпался на части.

— Это ты, — тихо проговорила она. — Это ведь ты?

Он не ответил, но уголки его рта слегка приподнялись. Ее чуть не стошнило. На мгновение она искренне поверила, что так и будет.

— Скажи мне свое имя.

— Попроси меня вежливо — ты задолжала мне такую любезность, тебе не кажется? — Он оперся рукой о стену. — Или, может быть, ты хочешь сделать еще одно безумное предположение. Я даже не буду припоминать тебе первые два.

Нет. Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

—Т-ты сказал... ты сказал, что тебя зовут не Гэвин.

— Нет, — Он коснулся другой рукой стены рядом с ее плечом, и ее колени подогнулись. — Я этого не говорил. Если помнишь, я просто сказал, что ГМ означает что-то другое. О чем ты уже догадалась.

— Гроссмейстер. — Она произнесла это слово одними губами. Внезапно Вэл поняла, как близко его лицо оказалось к ней. Ее сердце дрогнуло, и она сказала:

— Ты шел за мной по коридору.

— Возможно.

— Нет, — прошептала она, и это «нет» значило так много для нее — и абсолютно ничего для него. Она почувствовала, как наворачиваются слезы на глазах и отвернулась, не желая смотреть на него. Не желая видеть, как он смотрит, что она плачет. — Я закричу.

— Пощади меня, дорогая. Ты не сделаешь ничего подобного. — Его пальцы прошлись по следам ее слез. Они были грубыми, теплыми — настоящими. Он приподнял ее голову. — Не заставляй делать тебе больно, — мягко сказал он. — Не вынуждай меня причинять боль твоим друзьям.

— Ты бы не стал... — Она сделала глубокий вдох. Он бы так и сделал. — Отпусти меня. Отпусти меня прямо сейчас.

Дверь позади них открылась, и по комнате пронесся луч желтого света.

— Как пожелаешь.

Прежде чем Вэл успела возразить, он небрежно толкнул ее, и она растянулась на свету. Роза в ее волосах (она забыла о ней) высвободилась и беззвучно упала на пол. Вэл не испытала такого удовольствия. Она свалилась на бок — тяжело и с громким стуком, от которого содрогнулись доски, — ощутив немедленную пульсирующую боль.

Она почувствовала, как две руки сжали ее плечи, испугав ее окончательно. Она резко вдохнула, издав странный звук, похожий на крик чайки.

— Вэл? Господи, Вэл. С тобой все в порядке?

Вэл смутно осознавала присутствие своего парня, когда он опустился на колени рядом с ней.

— П-прекрасно, — проговорила она, приподнимая край блузки на несколько дюймов. Прямо над бедром у нее образовался отвратительный синяк. Своими зелеными глазами она уставилась на ГМ — Гэвина, который все еще стоял, прислонившись к стене, молчаливый, как смерть.

«Почему он толкнул меня? Он не...»

О нет, нет.

Она повернулась к Джеймсу с колотящимся сердцем.

— Ты нашел еще кого-нибудь?

— Что?

— Ты нашел еще кого-нибудь?

— Нет. Это единственное место, куда я не заглядывал. Я...

Вэл всхлипнула.

— Вэл? Что случилось?

Он точно рассчитал. Он все спланировал.

Она открыла рот, чтобы сказать Джеймсу, предупредить его, но не успела. Мягкий звук, похожий на звон колокольчиков, привлек ее внимание обратно к затененному дверному проему, когда ГМ вышел из тени. Едва заметная улыбка появилась на его губах, когда он сказал:

— Боюсь, ты проиграла. Штраф, Вэл.

Глава 7

«Висячие пешки»

Висячие пешки — шахматный термин, означающий пару расположенных на смежных вертикалях пешек, не защищенных другими пешками.

«Штраф, Вэл».

Эти слова потрясли ее до глубины души.

Джеймс сжал ее плечо. Вэл прислонилась к нему, благодарная за успокаивающее присутствие. Гэвин изучал сначала Джеймса, затем ее, начав с балеток и медленно поднимаясь к лицу. Он не стал утруждать себя тонкостями, и очевидная оценка заставила Вэл покраснеть от гневного унижения и страха.

(Я бы не возражал, если бы она разглядела во мне животное)

Похоже, его больше не волновало, видит ли она его темную сторону. Да и зачем? Она уже здесь.

Когда он посмотрел Вэл в глаза, она не смогла прочесть ничего о его намерениях. Но могла догадаться, о, она догадывалась. Не отводя взгляда, он обратился к Джеймсу:

— Ты сослужил свою службу. Иди и найди остальных. Пусть они соберутся для следующего раунда. Скажи им, что я спущусь... скоро.

«О нет».

— Джеймс, пожалуйста... — Пожалуйста, не оставляй меня с ним наедине!

— Не сейчас, Вэл, — он слишком крепко переплел свои пальцы с ее. Она поморщилась.

— Позже.

— Но...

— Позже, — повторил он. — Расскажешь на обратном пути.

Вэл охватило облегчение. Да. На обратном пути. Подальше от этого темного и отчаянного места. Она скажет Джеймсу правду, а потом они все сядут в его машину и уедут.

— Можешь идти, — дернув пальцами, ГМ откинул волосы с глаз. — Она остается.

Облегчение Вэл испарилось, оставив после себя пары чистого, неподдельного ужаса. Что бы он ни собирался с ней сделать, он не хотел, чтобы Джеймс при этом присутствовал.

Она крепче вцепилась в его руку.

— Ох, прекрати, Вэл, ты делаешь мне больно. Что? — проговорил Джеймс, и, хотя в его голосе не слышалось ни страха, ни беспокойства, он определенно был раздражен.

— Ты меня слышал.

Джеймс бросил на нее быстрый взгляд.

— А что, если она не хочет оставаться? Кто назначил тебя боссом?

«Я могу говорить за себя».

Но нет, она не могла. Ее рот не двигался. Ее язык был скован старыми воспоминаниями.

(Думаю, что могу причинить ей боль, если подойду слишком близко)

Его голос звучал в голове Вэл и за ее пределами, и она не могла дышать. «Не заставляй причинять тебе боль, — сказал он, — не заставляй меня причинять боль твоим друзьям». Во что она ввязалась? Что она сделала?

У Гэвина вырвался смешок, проскользнувший сквозь его идеальную маску, как вода сквозь треснувший камень. Затем он выпрямился, все следы смеха внезапно исчезли с его лица, прежде чем кто-либо из них успел спросить, что именно он нашел таким забавным.

— Ты тоже хочешь наказание?

— Нет, — Джеймс отпустил пальцы Вэл, но по-прежнему не собирался уходить. Теперь, когда он отвернулся от нее, она могла только представить себе выражение его лица: надутое, непокорное, уязвленное. Гэвин знал, на какие кнопки давить. — Но...

Черные ботинки Гэвина глухо стучали по деревянным половицам, когда он приближался. Он не смотрел на нее, но Вэл знала, что он помнит о ее присутствии так же, как мышь знает, что кажущееся равнодушие кошки — всего лишь притворство.

— Пошел. — Одинокое слово камнем упало в темноту. Она почувствовала, как Джеймс дернулся. Никто никогда не говорил ему, чтобы он просто убирался — особенно в таком тоне. — Живо, Джеймс — отдал оскорбительный приказ Гэвин. Вэл почувствовала, как ее парень вздрогнул от неожиданности.

Как и у нее, его язык, казалось, заледенел от шока. Она сама не могла противостоять Гэвину. Не так часто и не так хорошо, как следовало бы. Теперь она ожидала, что мальчик будет сражаться за нее? И кроме того, именно этого Гэвин и хотел. Драка, прежде чем он уничтожит ее.

Момент недоумения прошел, и Джеймс собрался возмутиться.

— Что ты...?

— Убирайся.

Джеймс отдернул от нее руку. Вэл развернулась к нему лицом. Он раздраженно смотрел на нее, но, к ее ужасу, выражение злости на его лице не исчезло и не смягчилось, когда он повернулся к ней.

— Джеймс...

— Все в порядке. Все просто отлично. — Она чувствовала напряжение за каждой буквой, пока он говорил. Недели раздражения и мелких обид, стояли за его словами, сила его гнева заставляла Вэл вздрагивать также, как она это делала от слов Гэвина. Джеймс был так зол. — Останься. Я буду ждать снаружи.

— Но я не хочу! — Джеймс зашагал прочь. — Джеймс! Джеймс, нет! Пожалуйста. Вернись! Не оставляй меня...

Дверь за ним захлопнулась.

—...наедине с ним, — шепотом закончила она.

— Знаешь, он тебя не ценит.

Его слова задели струну глубоко внутри нее; атональный аккорд, который идеально соответствовал ее собственным тайным страхам по тону и высоте и глухо отозвался в ней.

— Заткнись.

Она сделала быстрый шаг назад, когда Гэвин направился к ней, но он внезапно свернул влево, подойдя к стене, к которой прислонился спиной. — Храбро с твоей стороны так со мной разговаривать, — мягко заметил он. — Или глупо.

— Ты все спланировал, — сказала она. — Все.

— Ты слишком меня переоцениваешь. — Он улыбнулся и опустил руки в знак мира. — Хотя теперь, когда ты упомянула об этом, признаюсь, я уже довольно давно хотел поговорить с тобой... наедине.

— О чем? — Ее голос прозвучал сдавленно.

— О, я думаю, ты догадываешься.

Он прав, Вэл предполагала, о чем. Она придвинулась ближе к двери.

— Ты хотел, чтобы я проиграла этот раунд.

— Близко, но нет. Ты не знаешь, чего я хочу. — Он говорил тихо, но его голос разносился в тишине комнаты, и в нем звучал намек на угрозу. — Ты никогда этого не знала. Потому что не спрашивала. Хочешь узнать?

— Чего ты хочешь? — спросила Вэл, несмотря на испуганный голос в своей голове, который предупреждал, чтобы она прекратила, пока еще может сбежать. Она смотрела в его бледные глаза, пытаясь найти что-то, за что можно было бы ухватиться: гнев, жестокость или, возможно, безумие — какая-то знакомая опасность, которая, по крайней мере, частично сняла бы ее страх перед неизвестным, — но там не было ничего, кроме теней комнаты.

Вместо ответа Гэвин наклонился, чтобы поднять желтую розу, выпавшую из ее волос... когда она успела распуститься? — и покрутил в пальцах.

— Думаю, — начал он, — что ты слабая пешка. Неспособная защитить и атаковать... Думаю, мне нужно снять тебя с шахматной доски... по крайней мере, сейчас.

— Т-ты собираешься убить меня.

— Убить тебя? — повторил он. — С каких пор ты стала такой болезненно впечатлительной? — Хотя между ними не было реального физического контакта, он все еще стоял достаточно близко, чтобы дыхание от его маленькой речи шевелило выбившиеся пряди волос вокруг ее лица. Вэл с трудом сдерживала желание опустить глаза, ведь инстинктивно ей хотелось отвернуться, разорвать зрительный контакт с ним. Прошло много времени с тех пор, как мальчик, кроме Джеймса, оказывался так близок с ней, и он не вызывал у нее теплых воспоминаний.

— Нет, думай об этом как о возможности расставить приоритеты.

— Держись от меня подальше.

Он застыл, изучая ее лицо, а затем открыл одну из дверей рядом с ней — возможно, это была та, через которую он вошел первым в эту комнату. Скрип ржавых петель заставил Вэл посмотреть в полную темноту, готовясь к толчку, которого не последовало.

— Ты ведь в ужасе?

А потом Гэвин обнял ее, и Вэл почувствовала, как он дышит ей в волосы. Какое-то долгое мгновение она неподвижно стояла в его объятиях, опустив руки по бокам. На ум пришла картинка мухи, завернутой в паучьи лапы.

— Нет! — воскликнула она.

— Не лги мне, — в его голосе просочились новые эмоции, как тьма после заката. Болезненная заминка пронзила ее дыхание, как нож, когда его рот невесомо коснулся того места, где он укусил ее почти четыре года назад. Пометил ее, как животное.

— Меня не обманешь, — проговорил он, прижимаясь к ее коже. — Я чувствую твою дрожь. Знаю, что ты боишься.

(Ты должна)

Вэл не была уверена, произнес ли он это вслух или слова прозвучали у нее в голове. В данный момент это едва ли имело значение. Здравый смысл вернулся к ней, и она оттолкнула его — сильно, сердито, в ужасе от того, что ему снова удалось подобраться к ней так близко. И что она позволила ему. Снова.

— Я собираюсь рассказать всем, что это ты, — пригрозила она. — Кто ты такой. И что ты сделал.

— Это было бы очень неразумно с твоей стороны.

Вэл придвинулась ближе к стене.

— Ты угрожаешь?

— Только если ты сделаешь это. — Он задумчиво приложил палец ко рту. — Кроме того... Я почему-то сомневаюсь, что они тебе поверят. Насколько понимаю, у тебя репутация... параноика.

— Что? — Возмущенный вопрос сорвался с ее губ.

— Хм, да. Боюсь, что да. Бедная травмированная Вэл. Думает, что каждый сероглазый черноволосый незнакомец — ее злой преследователь. Ты изменилась так же сильно, как и я, моя дорогая, и не в лучшую сторону. Ты стала трусливой и слабой.

— Ты сделал меня такой. Ты свел меня с ума.

— Полагаю, что да... — задумчиво произнес он. — В каком-то смысле это очень тебе к лицу. Очень готично. Тебе идет, правда.

Вэл ударила его по лицу дрожащей рукой. Теперь он рассмеялся, и она пришла в ярость, а еще испугалась. Он поймал ее вторую руку прежде, чем она успела нанести очередной удар. Гэвин провоцировал ее, как и Джеймса. Намеренно уговаривал дать отпор, потому что ему нравилось, когда она сопротивлялась.

— Ты такой...

Он сжал ее запястье с такой силой, что у Вэл перехватило дыхание.

(Ее запястье такое маленькое, что мои пальцы с легкостью обхватывают его и между ними все еще остается место. Я могу ощущать хрупкие кости, и между ними ее пульс бьётся так же быстро, как взмахи крыльев колибри)

— Я сильнее, — предупредил он, и давление усилилось, заставив ее пальцы непроизвольно разжаться. — Перестань бороться, и я тебя отпущу.

Вэл вцепилась в его руку, чувствуя тошноту.

— Пошел ты.

Гэвин сделал шаг ближе, прижимая ее к себе. Другой рукой он легонько обхватил ее горло, большим пальцем нащупал пульс.

— Иногда, — произнес он тем же тоном, что и раньше, — я почти верю, что ты хочешь, чтобы я причинил тебе боль.

Ее глаза расширились. Она открыла рот и обнаружила, что не может произнести ни слова.

(Интересно, каково это — иметь такую власть над женщиной? Чувствовать ее под собой, такую же красивую, золотую и прекрасную, как солнце, и знать, что ты держишь ее за горло?)

— Это очень странно. Ты снова и снова попадаешься в мои ловушки и, похоже, совсем не учишься на своих ошибках.

(Возможно, ты даже обнаружишь, что не хочешь сопротивляться моему контролю)

— Ты настоящая мазохистка. Есть что обсудить с твоим психотерапевтом, а?

«Откуда он об этом знает?»

— Убери от меня свои гребаные руки. Перестань меня трогать. Перестань морочить мне голову. Просто... просто остановись.

— Но ты делаешь это так легко, — прошептал он, наклоняясь. — Зачем вообще мне сопротивляться?

Вэл хотела отвернуться, но не смогла. Не тогда, когда он сжимал ее горло. Его глаза гипнотизировали. Его губы соблазнительно скользнули по ее губам. Она зажмурилась и сосредоточилась на дыхании, пытаясь справиться с комком, внезапно образовавшимся в горле.

— По тому, как ты на меня смотришь, можно подумать, что я тебя съем. — Но он убрал руку с ее шеи, коснувшись щеки костяшками пальцев, прежде чем опустить. — Следующий раунд не начнется, пока я не дам команду. А до тех пор, давай, покажу тебе, чего я хочу?

Вэл понимала, что должна бежать, но ноги не слушались. Она знала, что должна бороться, но руки больше не подчинялись ей. Она все еще могла сопротивляться, но даже желание противостоять ему медленно начинало исчезать. Он оставил ее мертвой внутри; как нейротоксин, он убивал ее чувства одно за другим.

— Если ты что-нибудь со мной сделаешь, — ответила она, — Что угодно, я закричу.

— Так и думал, что ты это скажешь.

Она прикусила щеку изнутри и почувствовала вкус крови. «Я должна выбраться отсюда, пока не стало слишком поздно».

Может быть, уже поздно.

— Никакого шанса, что ты передумаешь?

— Отведи меня обратно к Джеймсу.

Он вздохнул.

— До свидания, Вэл.

Она почувствовала, что падает. Он толкнул ее! Вэл вскочила на ноги и ударилась обо что-то твердое. Очень далеко за толстым дубом щелкнул замок.

Глава 8

«Компенсация»

Компенсация в шахматах - наличие определённых выгод взамен известных уступок в материале или позиции.

Власть являлась ценным товаром именно потому, что ее так трудно получить и еще труднее использовать — эффективно использовать. Однако многолетний опыт сделал запугивание его второй натурой. Он орудовал своим умением с легкой грацией, которая со временем проникла во все аспекты его жизни.

Время не было так великодушно к Валериэн. Те же самые годы, которые благоприятствовали ему, отравили ее, и дикая красота, которую он помнил, теперь жила в клетке ее собственного дизайна. У него были планы на нее, но она лишила его удовольствия. Настоящим разочарованием стало то, как легко она поддалась таким банальным методам запугивания. Едва отбивалась от него, притворяясь мертвой, как испуганный кролик, даже когда ее пульс яростно бился о его ладонь. Ее слабая атака походила на последнюю дрожь пойманной бабочки, отравленной цианидом в своей банке.

Подчинение — это хорошо, но ему не слишком нравилась форма «притвориться мертвой». Он ожидал действий в ответ или, по крайней мере, участия. Он хотел, чтобы она боролась. Не бежала и уж точно не застывала на месте. Во всяком случае, пока. Не так рано в этой игре.

И, возможно, со временем она научится доставлять ему удовольствие, не сопротивляясь.

До этого дня он собирался держать ее на очень коротком поводке. Он сунул ключ в карман рубашки и провел рукой по обшитой панелями дубовой двери. Очень тонкое мастерство. Современные двери не были такими же толстыми или хорошо обработанными. Эти же уменьшили стук и крики Вэл до почти неслышимой громкости.

Затем она нашла замочную скважину.

— Помогите! — прокричала она громче. — Помогите! Кто-нибудь, пожалуйста, помощи...

Ну, этого он не мог допустить. Он резко постучал в дверь.

— Если будешь продолжать в том же духе, ты вынудишь меня. А это не в твоих интересах.

Она выругалась на него с искрой старого огня, и он почувствовал, как в ответ у него зашевелились чресла. Да, так намного лучше. Он предпочитал, чтобы она была злой.

— Ты не можешь держать меня здесь вечно!

На самом деле он мог бы. В теории. Если только она не преодолеет свое отчаяние настолько, чтобы найти выход. Как же она удивится, когда узнает, к чему это приведет. Он усмехнулся при этой мысли.

— Кто-нибудь найдет меня, — настаивала она. — А потом я расскажу им все о тебе!

— И что потом? — любезно спросил он, наклоняясь к ней. — Что дальше в этом твоём хитром плане? Ты собираешься связать меня? Убить? Вывести, так сказать, из строя? Если, конечно, твои друзья поверят, тебе все равно придется иметь дело со мной. А что касается физической борьбы, то думаю, я превзошел тебя. Это при условии, в первую очередь, что позволю тебе зайти так далеко. Чего я бы не сделал. Я же не могу допустить, чтобы ты бегала вокруг, вызывая ужас и страх среди моих гостей?

— Тебя это не волнует, — холодно заметила она.

— Но тебя, да. И было бы наверно жаль, если бы с кем-нибудь из гостей произошел несчастный случай? И как не ужасно, это бы оказалось на твоей совести.

— Ты угрожаешь мне, — теперь за гневом слышалась нотка паники.

— Просто небольшой дружеский совет. Эти дома такие старые. Неизвестно, какие несчастья могут обрушиться на человека, если он, скажем так, впадет в панику.

Услышав, как у нее перехватило дыхание, он почувствовал возбуждение.

— Кроме того, — продолжал Гэвин, — у меня есть свои секреты. Подозреваю, кое-кому узнать их будет куда интересней, чем твои тайны. Этот твой парень, например, он знает, что ты чувствуешь, когда находишься под ним? Как выгибается твоя спина, когда запястья зажаты над головой? — И затем, более гортанным голосом. — Он знает, какова ты на вкус, Валериэн? Хотел бы попробовать? Думаю, хотел бы. Возможно, я расскажу ему и избавлю от любопытства.

— Нет! Прекрати это! Прекрати, прекрати, прекрати!

Острая боль заставила его опустить взгляд. Он впился ногтями в ладонь. Сделал быстрый вдох и на мгновение успокоился, расслабив сжатую руку. Вэл принадлежала ему. Если не телом, сердцем или душой, то, по крайней мере, разумом. И вскоре за ним последует и остальное.

— Что... чего ты хочешь от меня? Ради бога, зачем ты нас пригласил? Почему ты вернулся? Как ты вернулся? Кто эти люди в белой команде? Откуда ты знаешь ребят из академии Уайт-оукс? И почему... почему ты не можешь просто оставить меня в покое?

— Неужели ты думаешь, что все это какой-то зловещий заговор? Разве не можешь принять за чистую монету?

— Нет, — мрачно ответила Вэл.

Ее ответ почти заставил его снова рассмеяться.

— Похвально мудро. Тогда, похоже, ты способна учиться. Это возвращает мне веру в тебя.

— Отвечай на мои вопросы, больной ублюдок, — твердо сказала она. Он подумал, была бы она такой же храброй, если бы между ними не стояла массивная дубовая дверь.

— Давай просто скажем, что на этот раз все будет совсем по-другому.

— Ты уже говорил раньше. Что это значит?

— Это значит, Вэл, — сказал он, поднимаясь с корточек, — что эта восхитительная беседа останется нашей маленькой тайной. Пока. Поняла? А сейчас мне есть куда пойти. Люди, на которых можно посмотреть. Не стесняйся чувствовать себя как дома. Расслабься. Наслаждайся. Потому что я, конечно, не хотел бы, чтобы ты сделала что-то... опрометчивое.

Она ударила кулаком в дверь, но не ответила. Не на словах. Он не ожидал от нее этого; ее действия говорили о многом, она никогда не умела проигрывать. Кстати говоря, пришло время позаботиться об этом раздражающем типе, ожидающем за другой дверью.

Его губы скривились. Действительно, проигравший.

Джеймс мерил шагами коридор, заставляя пыль подниматься с древних половиц при каждом движении. Он чихнул. Отвратительный старый дом. Взглянул на высокий потолок, усмехнулся пыльным стропилам, а затем скрестил руки на груди и прислонился спиной к стене, чтобы дверь была хорошо видна. Какого черта Вэл и ГМ так долго?

ГМ. Лицо Джеймса потемнело. Что за создание! Даже Вэл он не нравился, а ей, похоже нравились все — не то чтобы он считал этого парня психом, как она. И он, конечно, не собирался уходить (и не только потому, что это позволило бы ублюдку победить).

Но он мудака. Самовлюблённый. Расхаживал с таким видом, будто считал себя лучше всех остальных. «Наверное, компенсирует что-то», — подумал Джеймс.

Дверь слева от него открылась, и он выжидающе повернулся на звук. Не Вэл. Девушка из белой команды. Черри. Или как там ее звали. На самом деле он не обратил внимания. Мелочность Вэл отвлекла его во время представления. Он не мог понять, в чем ее проблема. Это она выдвигала дикие обвинения. Да, и она принимала лекарства. Возможно, паранойя была побочным эффектом. Но все же, почему она так злилась на него за то, что он был голосом разума?

Женщины.

Черри, с другой стороны, выглядела удивительно собранной по сравнению с Вэл — как будто она только что сошла со страниц европейского журнала мод. Черт, у нее классные сиськи. Он знал, что так думать неправильно, но, боже, она практически выставляла их на всеобщее обозрение.

Джеймс облизнул губы, разрываясь между желанием объявить о своем присутствии и ожиданием, когда она его заметит. Он неохотно оторвал взгляд от ее груди и сказал:

— Привет.

Она скользнула своими голубыми глазами вверх и вниз по его фигуре, прежде чем бросила в ответ короткое, пренебрежительное:

— Привет.

О, одна из этих. Джеймс почувствовал, что почти автоматически теряет интерес. Такие девушки, как она, были похожи на кусок дорогого хрусталя — красивые, холодные, дорогие и абсолютно бесполезные в долгосрочной перспективе.

Тем не менее, у Черри чертовски хорошая задница. Хотя и не такая большая. Слишком костлявая. У Вэл тело было лучше, после всех этих тренировок по бегу, но его невозможно рассмотреть, так как сейчас она практически жила в толстовках и мешковатых джинсах. Но эта блузка, что была на ней сегодня вечером, казалась другой. Он хотел выяснить, что скрывается под ней. Почти пять месяцев, а он все еще не видел свою девушку без рубашки. А когда он снял свою, Джеймс мрачно вспомнил, что она почти выбежала из комнаты, чтобы спрятаться.

Возможно, в этом есть его вина. Он знал, что она пережила травмирующий опыт, но все равно настаивал на том, чтобы пригласить ее на свидание. И какое-то время она даже казалась в порядке. Только недавно ей стало хуже. Чертов преследователь. Джеймс был бы не прочь добраться до этого чертового уroda. Ему не нравилось быть плохим парнем. Ему не нравилось уговаривать и подталкивать свою девушку к близости с ним.

Да, его конечно возбуждало, что она все еще оставалась тугой маленькой девственницей и все такое, но в конце концов, он вроде как хотел это исправить.

— Ты нашел кого-нибудь? — нетерпеливо спросила Черри, скрестив руки на груди, застав его за рассматриванием своего декольте. Дети из Уайт-Оукс должны быть раскрепощенными. Может быть, они ненастоящие?

— Ага, Вэл, — ответил он.

— Понятно. Знаешь, где ГМ?

— Он сейчас занят. — Джеймс хотел бы вспомнить ее имя. Он был почти уверен, что это не Черри. — Полагаю, озвучивает наказание Вэл.

Черри моргнула.

— Вэл? Но я подумала...

— Он сказал, что мы должны встретиться в гостиной, или как там она называется. — Джеймс засунул руки в карманы и кивнул в сторону закрытой двери. — Ты можешь обсудить это с ним, если не веришь мне. То есть, если сама не боишься получить штраф, — добавил он, насмехаясь над их хозяином.

Девушка выглядела так, словно раздумывала именно об этом. Затем она покачала головой.

— Я могу подождать.

Джеймс смотрел ей вслед, следя за покачиванием бедер под юбкой с оборками, пока она не скрылась из виду, а потом нетерпеливо взглянул на дверь. Где, черт возьми, Валериэн?

Словно в ответ на незадаанный вопрос, дверь перед ним открылась с ржавым скрежетом, и ГМ вышел, закрыв ее за собой, почти захлопнув. Джеймс открыл рот, готовый разразиться тирадой отборных ругательств, но что-то в выражении лица взрослого парня остановило его.

— По-моему, я велел тебе найти остальных.

— Я нашел. Черри.

— Чарли.

— Без разницы. Я ждал Вэл. Где она?

На лице ГМ промелькнуло непроницаемое выражение, из-за которого Джеймсу с каждой минутой, проведенной в его присутствии, все больше и больше хотелось ударить хозяина вечеринки.

— Она пропустит этот раунд.

Джеймс стиснул зубы.

— Я не об этом спрашивал.

— Вдруг, ты решишь освободить ее. Я не могу этого допустить.

— Я не жульничаю, — прошипел Джеймс.

— Интересно, — последовал холодный ответ. И что-то в его тоне заставило Джеймса задуматься, не имеет ли он в виду что-то другое — но нет, это было смешно. — Как бы то ни было, — продолжал ГМ, — в любом случае я тебе ничего не скажу. Так почему бы тебе не уйти сейчас, а? — Он изобразил натянутую улыбку, которая, казалось, превратилась в дикую усмешку, но ГМ отвернулся, прежде чем Джеймс смог убедиться, что это не тени или его воображение. Он подозревал, что ни то, ни другое.

— Придурок, — пробормотал он, бросив быстрый взгляд через плечо, прежде чем направился к двери и решительно повернул ручку. Заперто. Может быть, одна из других дверей?.. Джеймс с сомнением оглядел длинный коридор. Он не сомневался, что сможет найти Вэл, если у него будет время. Проблема заключалась в том, что ГМ уже ушел. Часы тикали, и он не был уверен, что успеет к следующей игре. Вэл выбыла, и да, конечно это его вина, но нет никакого смысла ставить в неудобное положение остальную часть их команды за эту ошибку. Он ни за что не проиграет. Особенно ГМ.

Вэл едва слышала голоса, доносившиеся из коридора снаружи. Один из них был Джеймса, а другой, судя по более глубокому тембру, принадлежал Гэвину.

— Джеймс! — закричала она. — Отойди от него!

Но он ее не слышал. Конечно. Дверь обшита массивными деревянными панелями, такими глухими, что через нее не проходил никакой звук. Гэвин ясно дал это понять. Вэл ударила по ней кулаками, зная, что это бесполезно. Она уже слышала, как затихают голоса.

«Пожалуйста, Джеймс, не делай глупостей. Он опасен».

Вздыхнув, она прислонилась к двери, чтобы осмотреться. Вэл смогла разглядеть, что это спальня, и если отсутствие личных вещей являлось каким-либо признаком, то, вероятно, спальня мальчика. Мужчины.

Она еще несколько минут колотила в дверь, производя столько шума, сколько осмеливалась. Когда стало ясно, что никто не придет, она обратила свое внимание на остальную часть комнаты. Кровать была застелена черными простынями, что еще больше подчеркивало мрачную атмосферу. Несколько плакатов покрывали стены, но она не могла разглядеть изображения в темноте. У дальней стены стоял стол с шахматами, расставленными и готовыми к игре. Фигуры казались тяжелыми и холодными на ощупь — какой-то камень. Она взяла коня, который, когда-то был ее любимой фигурой, и провела рукой по искусно вырезанной гриве. У нее почти не осталось сомнений, чья это комната.

Она отложила фигурку с лошадиной головой. К чему, черт возьми, клонит Гэвин, запирая ее в своей спальне? Неужели он вернется к ней? Это его план? Увести всех прочь, а затем продолжить с того места, на котором они остановились годы назад? От подобной мысли ей стало плохо, хотя это объясняло его загадочные заявления о толщине дерева и секретности.

Вэл издала звук, нечто среднее между криком и всхлипом, и откинулась на стену. К своему удивлению, она почувствовала, как стена прогнулась под ее весом. Вэл быстро выпрямилась, пока не упала, и обернулась, чтобы посмотреть, что случилось. Это дверь! Потайная дверь?

Нет, ничего таинственного. Обычная дверь. Она просто не заметила ее, потому что так хорошо сливалась с окружающей стеной. Гэвин даже повесил на нее плакат. Ладно. Идти все равно некуда, кроме как вперед. Вэл только надеялась, что не попадет в очередную ловушку.

Глава 9

«Разменный вариант»

В шахматах разменный вариант — это вид дебюта, в котором происходит ранний добровольный размен пешек или фигур.

В плохо освещенной комнате тускло поблескивали стекла. Основным источником света служили два старинных торшера. Слабые лучи ловили и освещали капли конденсата, образующиеся на окнах, и заставляли их светиться, как раскаленный металл. Начинался туман.

Лиза, спрятавшаяся за растением, вообще не замечала погоды. Ей было бы трудно описать комнату, в которой она находилась, за исключением того, что в ней имелись окна и растения, а также отсутствовал термостат. Ее колени и лодыжки болели от долгого пребывания в согнутом положении на каблуках. «Если так пойдет дальше у меня появится горб».

Тот факт, что в комнате было пронизывающе холодно, ничуть не помогал ее сведенным судорогой мышцам. Она пожалела, что одолжила Вэл свой свитер. С глубоким вырезом или без, по крайней мере, у ее блузки имелись рукава!

«Если бы знала, что мне придется ползать по пыльным полам, я бы не потратила сорок баксов на это платье, которое даже не выглядит на мне так хорошо, как должно. Похоже я

перестаралась, пытаясь поразить Томаса».

Ближайшие к лицу Лизы листья зашуршали, когда она раздраженно выдохнула. Фикус, подумала она. Она узнала большие листья в форме стручков; у ее матери дома был такой же. Поблизости стояли и другие растения в горшках, из-за чего казалось, что джунгли каким-то образом сумели проникнуть в то, что в остальном было совершенно безобидной комнатой. «Как в том фильме, - рассеянно подумала она. - Тот, со слонами и цветами-убийцами».

Вот только, слава Богу, они были фальшивыми. Листья имели шершавую текстуру грубой ткани, запечатанной пластиком, чтобы предотвратить затхлость и плесень. Растения, которые всегда оставались зелеными и совсем не нуждались в поливе. Она фыркнула. Как безвкусно. Конечно, если он мог позволить себе этот дом, он мог бы позволить себе настоящие растения и настоящего садовника? И какое-нибудь настоящее развлечение, если уж, на-то пошло, вместо дурацких старых игр в прятки.

Она почти слышала, как ее гнев потрескивает, разгораясь, как раскаленные угли в камине. «Охота и Захват» быстро становилась полной скукой. Сначала Лиза была слегка заинтригована — думала, что это будет «взрослая» игра, как «семь минут в раю» или «раскрути бутылку», — а потом узнала, что нет, он действительно намеревался заставить их бегать, как испуганных детей в темноте.

Это просто так... так глупо. Ей восемнадцать, а не восемь, и она слишком взрослая для подобных игр!

Внезапный скрип привлек ее внимание к единственной двери в комнате: массивной дубовой плите с блестящей медной ручкой. К тому же тяжелой. Лиза едва смогла открыть ее, и когда эта чертова штука захлопнулась за ней с тяжелым стуком, она чуть не обделалась.

Дрожь пронзила ее, затмевая раздражение. Она замерла, несмотря на то, что адреналин хлынул в ее вены. Несколько секунд она стояла неподвижно, балансируя на носках своих туфель на этих высоких каблуках, едва осмеливаясь дышать из страха, что малейший звук или движение привлекут внимание... нет, не Джеймса. Кого-то другого. Кого-то гораздо более страшного.

«Охотник — Джеймс, — нетерпеливо напомнила она себе. — Вряд ли ты боишься Джеймса».

Нет. Она не боялась Джеймса. Потому что, несмотря на свою брутальную внешность, он хотел, чтобы над ним доминировала женщина. Лиза знала, потому что он сказал ей об этом, когда поделился тем, что Вэл не та девушка, за которую он ее принимал. Ах, ах, ах, это было не то, на что он рассчитывал, когда приглашал ее на свидание. Может она делает это назло ему? «Присяжные оплакивают тебя, Джеймс», — подумала Лиза без сочувствия.

Проблемы Вэл тоже давались Лизе нелегко, но она, не собиравшись жаловаться на это. Можно конечно обвинить жертву и сказать, что ей вообще не следовало связываться с этим парнем, но Вэл всегда была слишком доверчивой. Когда люди неизбежно причиняли ей боль, она смотрела на них ранеными глазами побитого щенка. Лиза решила, что такое поведение Вэл результат отсутствия подозрительности и цинизма, присущие ей самой.

На самом деле, если подумать, казалось удивительно, что Вэл не стала еще более невротичной, чем она уже была.

Но Джеймс так не думал, он считал ее холодность личным оскорблением. Он не мог забыть, что Вэл изначально бросила его ради кого-то другого. Несмотря на то, что Гэвин напугал глупую подругу до полусмерти, он оставил неизгладимое впечатление, гораздо более неизгладимое, чем любой парень мог надеяться оставить. И Джеймс обижался на нее

за это тоже: за то, что она заставила его чувствовать себя неполноценным. Да, Лиза знала гораздо больше, чем ей хотелось бы о том, что происходило между Джеймсом и Вэл.

Ручка двери, за которой она все это время пристально наблюдала, не двигалась. Звук вместе с тем, что его вызвало, исчез. Лиза медленно перевела дыхание. Ближайшие к ее лицу листья задрожали, выпустив клубы пыли. Она чихнула и непроизвольно вздрогнула, затем нервно рассмеялась. «Охота и Захват», в самом деле. Игра заставляла разум вызывать в воображении всевозможные странные образы.

И ГМ, ее так называемый изобретатель, сам был более чем странным... Он тоже мог бы выйти сухим из воды, если бы выглядел так, как сейчас. Широкие плечи. Большие руки. Великолепные глаза. Она могла сказать, что под этим нелепым белым костюмом скрывалось красивое тело. Это мужчина, которому не нужно постоянно оценивать других, чтобы поднимать собственную самооценку.

К тому же очаровательный. Она все еще была благодарна ему за то, что он потрудился спасти ее от этого придурка Джейсона. После того, как Вэл решила не обращать внимание на ее мольбы о помощи. Вот же подруга. Она вела себя так подозрительно. Когда ГМ начал непринужденно болтать с ней за столом с едой, Вэл выглядела так, словно увидела привидение.

Ее собственный разговор с ним казался достаточно невинным. Он расспрашивал ее об игре, о ее друзьях, о том, где они учатся — ничего особенного. Она не могла вспомнить больше, чем это; ее облегчение из-за побега от Джейсона затмило в осознании их разговора, поэтому воспоминания Лизы об обмене словами были в лучшем случае туманными. Она помнила, что он оставался необычайно отстраненным, демонстрируя лишь тончайшую видимость вежливого интереса к тому, что она хотела сказать.

И ГМ уклонялся от каждой ее попытки повернуть разговор к его персоне, последовательно переводя беседу на ее интересы. Это казалось немного странно. В первый раз она подумала, что это случайность или вежливость. Однако после третьего раза Лиза начала задаваться вопросом, не скрывает ли что-то их очаровательный хозяин.

Может быть, Вэл все-таки права, что опасается его.

Каким бы привлекательным, обаятельным и бесцеремонным он ни казался, ему явно нравилось манипулировать людьми. Неясные и таинственные приглашения были достаточным доказательством. О, он казался довольно милым и безобидным — Лиза не считала его опасным, несмотря на то, как Вэл реагировала на него, — но он определенно был очень, очень странным. Экцентричным.

Держащим все под контролем.

Интересно, каково было бы переспать с ним?

Лиза вздрогнула, наполовину ожидая увидеть ГМ, притаившегося где-нибудь в темном углу, когда она бегло осматривала комнату. Эта мысль пришла ей в голову непрошеной, как сцена из плохого порно. Или хорошего. Она снова рассмеялась, и в ее голосе звучало немного меньше паники, чем раньше.

Ему, наверное, нравится быть странным и грубым.

Она снова хихикнула над своими пошлыми мыслями, а затем виновато огляделась. Лиза боялась, что кто-нибудь прибежит, а когда никто не появился, вместо этого разозлилась.

Почему ее до сих пор никто не нашел, черт возьми?

Дверь спальни вела во второй коридор, предположительно в другое крыло дома. Вэл

подумала, что странно, что спальня выходит не в один, а в два коридора, хотя и не стала заикливаться на этом. У нее имелись другие заботы. Свет здесь тоже был выключен, и ей пришлось крепко прижаться к стене, чтобы не заблудиться или, что еще хуже, не упасть с лестницы.

В этой части дома воздух казался холоднее. Может быть, это та половина, которая весь день лишена солнца — не то чтобы его было много, учитывая дождь и тяжелые темные тучи. Под ее пальцами обои облупились, запылились и слегка вздулись от влаги и старого клея. Прикосновение к ним вызвало у нее зуд.

«Они как мертвая кожа, — подумала она. — Как труп».

Вэл отдернула руку от стены, чтобы вытереть ее о джинсы, и ее нога зацепилась за что-то твердое. Она упала на половицы с тяжелым стуком, ободрав кожу на ладонях и коленях. Протянув руку, пошарила по деревянным панелям, но не обнаружила и следа предмета, из-за которого упала. «Я ведь что-то почувствовала?»

— Отлично, — пробормотала Вэл, хлопнув ладонью по доскам. — Теперь я не только заблудилась, но и брежу. — Ей показалось, что она слышит в темноте слабый смех.

— Здесь есть кто-нибудь?

«Глупость. Твой психотерапевт прав. Ты действительно сходишь с ума. Тебе уже мерещится смех».

Резко вскочив с пола, Вэл сразу потеряла равновесие. Она упала на отвратительную стену и почувствовала, как что-то твердое с силой ударило о ее правое бедро. Она удивленно зашипела от боли. Дверная ручка. Она буквально наткнулась на другую дверь. Внизу, в щели между дверью и полом, горела неоновая полоска желтого света.

«Не думаю, что этот свет был включен минуту назад. Я бы заметила».

Быстро, прежде чем здравый смысл смог управлять ею, она повернула ручку. Дверь распахнулась, и она отшатнулась, когда глаза ослепил яркий свет. На самом деле виновником стала единственная голая лампочка, беспорядочно раскачивающаяся от сквозняка, который она впустила, но после непроницаемой темноты холодного, затененного коридора лампочка казалась такой же яркой, как палящее жаркое солнце.

Вэл отвернулась, глаза слезились, она быстро моргала, ожидая, пока ее зрение восстановится. Эта «новая комната» на самом деле казалась шкафом среднего размера в прихожей, достаточно большим, чтобы его можно было назвать «гардеробной». Когда она протянула руку, то смогла лишь слегка коснуться обеих сторон кончиками пальцев. Хотя стены казались странными — определенно бумажными, но слишком скользкими и гладкими, чтобы быть обычными обоями. На самом деле гладкая поверхность больше походила на глянцевые страницы журнала.

«Что? — Она опустила руки. — Обои? В шкафу?»

Вэл открыла глаза. Последовала короткая вспышка жгучей боли, но она смогла разглядеть шкаф сквозь слезы. Она моргнула, ее глаза расширились, но образы перед ней не исчезли. По стенам были расклеены десятки и десятки шахматных досок в миниатюре, каждая из которых изображала разные позиции — дебюты, промежуточные партии и эндшпили.

Она ахнула и развернулась, только чтобы удариться о закрытую дверь, когда увидела рычащую пасть волка, нависшую над ней. Тот факт, что это была фотография, никак не успокоил ее нервы. «Он пытается напугать меня», — подумала она болезненно.

Это сработало.

Боже мой. Хищники. Целая стена хищников. Пауки. Змеи. Леопарды. Львы. Акулы. О одного взгляда на них у нее по коже побежали мурашки. Она протянула дрожащую руку, которую тут же отдернула. Не хотела прикасаться к ним, чтобы какой-нибудь отдаленный след их смертоносной природы не передался ей.

Вэл посмотрела на другую стену, страшась того, что увидит. Грубое оружие и орудия пыток? Порнография? Какая-то их комбинация?

Нет.

На этот раз цветы. Красные розы. Желтые розы. Белый жасмин. Оранжевые лилии. Пар других разновидностей, которые она не надеялась назвать. Рядом с изображениями свирепых зубов их вынужденные партнеры — цветы были обескураживающе неуместны. И все же... В них тоже было что-то зловещее.

Вэл медленно повернулась лицом к последней стене — той, что была за ее спиной, по другую сторону двери. Она повернулась... и зажала рот рукой, чтобы не закричать. Вэл смотрела на свое собственное лицо.

Ее фотографии покрывали заднюю сторону двери, изрешеченные десятками крошечных отверстий, которые проходили сквозь тонкое покрытие лака и глубоко в сердце узловатого дерева. «Он убивает меня на фотографии». Она побледнела еще больше. Дверь открывалась наружу — она легко могла представить Гэвина, вооруженного стрелами или дротиками, небрежно стреляющего один за другим, когда использовал ее образ в качестве мишени.

— Черт, — прошептала она. Слова отдавали кислотой в ее внезапно пересохшем рту.

Свет над головой погас.

Ужасное чувство клаустрофобии и головокружения накрыло ее в темноте, увлекая под тяжестью собственной паники со всей катастрофической силой цунами. Вэл споткнулась о собственные ноги, торопясь выбраться из этой ужасной комнаты. Она чувствовала, как глаза тварей с бумаги сверлят едкие дыры в ее спине. Что, если дверь заперта?

Она сойдет с ума.

Вэл дернула за ручку. Дверь открылась, и она оказалась в коридоре с потоком холодного воздуха, который казался еще холоднее на ее лихорадочной коже. «Он знает, что я здесь. О боже».

Она не могла вспомнить, какой дорогой пришла. В страхе и панике она полностью потеряла все ориентиры. Вэл уперлась рукой в стену, беззвучно плача.

Он играл с ней, ублюдох. Следил за ней. Вероятно, это он смеялся раньше.

Она стиснула зубы и сделала маленькие осторожные шаги сквозь пелену пыли и темноты, крепко прижимая руку к оклеенной обоями поверхности. В конце концов она доберётся до лестницы. Тогда она сможет найти своих друзей и показать им этот шкаф. «Посмотрим, как они тогда усомнятся во мне».

(было бы наверно жаль, если бы с кем-нибудь из гостей произошел несчастный случай? И как не ужасно, это бы оказалось на твоей совести)

Или... нет.

Грубая бумага под ее рукой уступила место мягкой, податливой ткани. Ее пальцы дернулись. Какое-то мгновение она могла только невидяще смотреть в темноту, впитывая жар теплого, дышащего тела под своей ладонью.

Ее мозг остановился, отмотал назад и вышел из-под контроля. Запоздалый крик сорвался с ее губ, и Вэл отдернула руку, как будто ее обожгло — и в каком-то смысле так оно и было. Он опалил ее пронзительной вспышкой страха, закоротив нервные окончания и

вызвав паралич.

Она медленно отступила назад, прекрасно понимая, если побежит, он легко сможет проследить за звуком ее шагов по деревянному полу. Она молча проклинала собственную глупость, даже когда ее ладони начали потеть, а сердце бешено колотилось. Вэл оглянулась через плечо, как загнанное в угол животное, которое оказалось лицом к лицу со своим охотником и которому больше некуда бежать. В любом случае это не имело значения, он поймал ее.

— Нет, — тихо простонала она, когда его рука крепко сжала ее запястье. Его прикосновение было как клеймо на ее коже. Вэл вспомнила, как он схватил ее за горло, когда целовал, удерживая с силой, лишь едва не переходящей в боль.

— Ты дрожишь. Не любишь темноту, Вэл?

— Отведи меня к моим друзьям. Я прошла через твой дурацкий штрафной раунд. Я видела это ужасное... — она замолчала, запинаясь, пытаясь подобрать подходящее слово, чтобы описать то, что она видела в шкафу, но не нашла ни одного. — То, ради чего ты привел меня сюда. И знаешь, что? Я все еще думаю, что ты чудовище.

— Это был не штрафной раунд.

И прежде чем Вэл успела возразить или отказаться, она оказалась в его объятиях, и он закружил ее, закружил в темноте и заставил потерять всякое чувство направления. Она болезненно ощущала его руку на своей талии, играющую с краем ее блузки с собственнической наглостью, которая беспокоила ее. Она начала извиваться, и он превратил ее толчки и борьбу в шаги.

— Что ты делаешь? — она взвизгнула.

Он опустил ее обратно и держал там, готовую упасть.

— По-моему, это вальс.

— Нет. Ты бросал дротики в мои фотографии. Ты не имеешь права прикасаться ко мне.

— Опять ошибаешься, дорогая. — Он рывком поднял ее на ноги, крепче сжимая ее руку другой рукой. — Если бы я хотел причинить тебе боль, мне не нужно было бы разрешение на это.

Вэл дернула рукой и почувствовала острую боль в локте, ударившись о стену.

— Я думал, что, возможно, некоторое время в темноте, в одиночестве, охладит тебя, но сомневаюсь, что ты усвоила этот урок.

Звук его голоса, до сих пор действовал на нее гипнотически, от чего Вэл чувствовала глубокое унижением, не способная противостоять ему. Она могла представить себе эту снисходительную улыбку, скользящую по его лицу, и его глаза, которые могли меняться от спокойных до непокорных, в зависимости от освещения. Вэл задумалась, какого оттенка они сейчас. «Темные, — решила она, — такие темные, что нет никакой надежды измерить глубину...»

Не тогда, когда ты уже наполовину утонула.

— Какой урок?

— Что ты не можешь обыграть меня.

— Урок усвоен, — резко сказала она, еще раз пытаясь выдернуть свою руку. Он все еще не отпускал ее.

— Я так не думаю.

— Тогда почему? Если ты так сильно презираешь меня, если ты так одержим желанием уничтожить меня, тогда почему ты поцеловал меня? Что за экстравагантное шоу?

— Шоу, — повторил он. — Это то, о чем ты думаешь, Вэл? Какой-то пустяк, который я устроил, чтобы развлечься?

— С тобой это всегда игра.

— Во всех смыслах этого слова. — Теперь в его голосе слышалось рычание, и она вздрогнула от его тона. Горький, как полынь, смертоносный, как болиголов. Он говорил так, словно намекал, что во всем виновата она.

— Я ничего тебе не сделала, — возмутилась Вэл, перестав бояться или смущаться, она тоже начала злиться. Кто он такой, чтобы обвинять после того, как толкнул, угрожал, запер ее? После того, как разрушил ее жизнь, предал доверие и разбил сердце?

Он не имел права. Никого.

Гэвин убрал руку с ее талии, как раздраженный кот, отбрасывающий игрушку, которую презирает.

— Ты действительно в это веришь? — спросил он, и, хотя его голос был спокойным, даже приветливым, она почувствовала, как его рука на ее запястье напряглась, как будто он думал, что она убежит. — По-моему, ты много чего сделала. Думаю, ты точно знаешь, что ты...

Его голос, который неуклонно повышался, оборвался. «Он совершил ошибку», — поняла Вэл. Повысив голос, он позволил бесстрастной маске соскользнуть, выдав свое настоящее лицо.

— Что? — прошептала она, дрожа.

— Не важно. Итак, ты считаешь себя невиновной, трагической жертвой обстоятельств. Делает ли это меня бессердечным злодеем? Полагаю, мне не следует удивляться. Мы всегда очерняем то, чего не понимаем. Plus ça change, plus c'est la même chose. [[*Ничто не ново под луной*]] Не так ли, Валериэн?

— Я... я не знаю.

— Нет, еще нет. Но узнаешь. Ты узнаешь.

А потом они побежали, мчась по темным коридорам с головокружительной скоростью. Вэл почувствовала, как страх взорвался внутри нее, когда сухой, холодный воздух хлестнул по лицу. Хотя она была прирожденной бегуньей, приходилось прикладывать усилия, чтобы не отстать. Она была так напугана — боялась, что он потащит ее вниз по лестнице или втолкнет прямо в стену.

«Пожалуйста, пожалуйста, не позволяй ему причинить мне боль».

Пол исчез у нее из-под ног, и она закричала, но только для того, чтобы приземлиться с тяжелым стуком, который, казалось, сотряс стены дома. Как раз в тот момент, когда она подумала, что ее сейчас стошнит, или она упадет в обморок, или и то и другое вместе, он остановился.

Дрожащей рукой она потянулась и нащупала пятнистые обои в нескольких дюймах от своего лица. Ее пальцы скользнули вниз и ударились о твердый полированный металл.

Дверь.

Он подвел ее к двери.

Почти прямо в дверь.

Чистый, немой шок окутал ее, как туман. Она упала на колени, когда ее ноги подкосились, и обхватила живот.

— Ты... — «Ты мог убить меня», — вот что она почти сказала, пока не поняла, что рука, сжимавшая ее руку, исчезла.

В любом случае, не было ничего, чего бы он уже не знал.

Глава 10

«Дикая игра»

В шахматах чрезвычайно рискованная игра.

Одетые в черное и белое молодые люди неуклюже вошли в комнату, ожидая хозяина дома, и у Лизы возникло неприятное ощущение, что она вернулась в начальную школу, скоро получит выговор от учителя. Джеймс подошел к буфету, чтобы налить себе выпить, несомненно, желая, чтобы там был алкоголь. Последовала короткая схватка за стулья.

Она обнаружила, что сидит в стороне, на краю, рядом с крупным мальчиком из белой команды. Джеймс сидел через три места, между Блейком и Чарли. Джейсон сел по другую сторону от Brenta, пытаясь поймать ее взгляд. Поскольку стулья были расставлены в форме буквы U, она могла легко игнорировать его, особенно учитывая, что ее друзья оказались прямо на против.

Блейк смотрел на нее с недоумением сквозь очки. Она выгнула бровь в ответ, прежде чем обратить свое внимание на Джеймса, который угрюмо уставился на стену, словно пытаясь прожечь дыры в штукатурке. Передавая очередному припадку гнева, он так крепко сжимал свой пластиковый стакан, что тот время от времени протестующе скрипел. И как только Джеймс впадал в дурное настроение, его уже было сложно успокоить.

Вэл иногда это удавалось. Редко. Но Вэл здесь нет. И ГМ тоже. «Интересно, есть ли в этом какая-то связь», — лениво подумала Лиза. Даже если ее и нет, Джеймс достаточно не уверен в себе, чтобы вообразить, что она существует.

— Джеймс! — Он, казалось, не слышал. Или, может быть, игнорировал ее. Мудак. Чарли бросила на нее свирепый взгляд. — Джеймс!

Джеймс вздрогнул.

— Что? — Если он и игнорировал ее, то хорошо это скрывал.

— Где Вэл?

Его лицо превратилось в угрюмую гримасу. Он пожал плечами.

— Ты не знаешь?

Как он мог не знать? Что еще более важно, почему он не знал? Джеймс лучше, чем кто-либо другой, понимал, насколько взвинченной была Вэл. Заблудиться в темном и пыльном особняке — не самая лучшая ситуация для человека так сильно переживающего по любому поводу.

«И почему, — подумала она, — он сидит так близко к Чарли?» Его брюки почти касались ее ноги.

— Я ей не сторож.

«Вижу».

— Значит, ты ее не нашел, — проговорила она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

— Нашел. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — В последний раз, когда я видел ее, она, казалось, предпочитала компанию ГМ моей.

Чарли напряглась. Джеймс — придурок — ничего не заметил. Осознавая, что почти все в комнате теперь смотрят на них, Лиза прорычала:

— О чем ты говоришь?

— Я нашел Вэл первой, поэтому ее отправили в штрафной раунд. Они казались довольными, — кисло сказал он.

— Так и знала, — пробормотала Чарли себе под нос. — Сука.

— Ты идиот, — припечатала Лиза. — Она его боится. Ты не заметил? Боже, Джеймс, как ты мог так поступить с ней?

— Эй! — Джеймс поднял руки. — Я пытался вытащить ее из этого, но, ты же знаешь.

— Нет, не знаю. Как сильно ты старался? Сильнее, чем «не очень»?

На его щеках появился румянец. Он ничего не сказал. Джейсон злобно рассмеялся; и Лиза, и Джеймс проигнорировали его.

— Ты бросил ее на растерзание волкам, потому что ГМ угрожал лишить тебя баллов?

— Заткнись.

— Ты это сделал! — выплюнула Лиза. — Я так и знала. Что это с вами, спортсменами, которые разлетаются на куски перед авторитетными фигурами? Ты тоже его боишься?

— Я его не боюсь!

— Конечно, так я и поверила.

— Хватит, — тихо сказал Джеймс. — Клянусь богом...

Она недоверчиво рассмеялась.

— Так и есть. Так ведь оно и есть? Иначе с чего бы тебе так мучиться?

Джеймс был спасен от ответа, когда тяжелая дверь гостиной со скрипом открылась. Шесть голов повернулись в ту сторону. ГМ вошел в комнату, выглядя довольным собой; его щеки окрасились в слабый, но отчетливый румянец, а дыхание было быстрым и поверхностным, как будто он бежал. «Или участвовал в каком-то другом упражнении», — подумала Лиза, когда он перевел дыхание.

Вэл по-прежнему не было видно.

«Он бы не стал...»

— Ну что ж, — наконец проговорил ГМ, глядя на каждого из них по очереди, хотя его глаза, казалось, задержались, когда он встретился с ней взглядом. — Как вам первый раунд?

«Он бы мог».

— Долго? — рискнул Блейк. — Сколько времени это заняло?

— Час.

Лиза с негодованием вспомнила те, казалось бы, бесконечные минуты, которые провела, скорчившись за искусственным фикусом. Пятна пыли все еще были заметны на ее платье, как она ни старалась стряхнуть их. Колени все еще болели.

Час.

Где скрывался Блейк? Джеймс даже не нашел его; если не считать ГМ, он был последним, кто вошел в комнату, и вышел из укрытия, только когда услышал их шаги по половицам.

— Меня никто не нашел, — надулась Чарли.

ГМ развернул один из стульев. Деревянные ножки ударились об пол с треском, заставившим их подпрыгнуть.

— Охотник хорошо справился со своей ролью. — Он оседлал сиденье, сложив руки на спинке. — Однако следующая игра будет отличаться как по теме, так и по содержанию, что должно порадовать тех, кто не остался... — он сделал паузу, словно пробуя слово на вкус, — удовлетворен.

Это побудило Лизу вмешаться:

— Где Вэл?

— Валериэн пропускает этот раунд. — Он обратил все свое внимание на нее и очаровательно улыбнулся, но в его улыбке проскользнуло что-то холодное, что заставило Лизу насторожиться. Это была улыбка человека, который знал всю меру своих сил и не боялся злоупотреблять ими. — Она присоединится к нам в следующий раз.

— Где? — повторила Лиза с легким нажимом.

Он взглянул на Джеймса, и его улыбка стала загадочной и слегка насмешливой.

— Не могу сказать.

— Вот видишь? Он не знает, Лиза, — влезла Чарли. — Брось уже это.

— Он не говорил, что не знает, — мрачно возразила Лиза. — Он сказал, что не собирается нам рассказывать.

Выражение его лица почти заставило ее вздрогнуть. Оно выражало неприязнь, но в то же время своего рода оценку. А потом эти эмоции исчезли, заставив Лизу задуматься, видела ли она вообще что-нибудь. Не сказав больше ни слова, ГМ сунул руку в карман и достал что-то похожее на маленькую пластиковую игрушку. Лиза вздрогнула на стуле, когда игрушка со свистом полетела ей в лицо, и закричала: «Господи!», даже когда та безвредно грохнулась у ее ног.

Последовало очень долгое молчание.

Лиза взглянула на ГМ, не в состоянии осознать, что только что произошло. Он наклонил голову, переводя взгляд с нее на игрушку, словно говоря: «Давай».

Она подтянула лиф платья, прежде чем нагнуться, чтобы поднять игрушку, чувствуя, что за ней наблюдают. «Он швырнул ее в меня».

Игрушка оказалась шахматной фигурой: белой пешкой. Лиза нахмурилась. В углублении внизу был свернут листок бумаги. Она с любопытством вытащила его, бросив при этом еще один взгляд на ГМ. Почерк был мелким, но разборчивым, текст написан дорогими блестящими чернилами.

— «*Время*», — прочитала она. — Время для чего? Что это такое?

— Я спрятал тридцать одну шахматную фигуру где-то в этом доме. Каждая из них содержит подсказку, и, если их все собрать, можно прочитать сообщение. Оно будет иметь решающее значение — хотя вы не сразу поймете почему, только много, много позже. — И он снова улыбнулся. Глядя на нее.

— Значит, это похоже на охоту за сокровищами? — осторожно спросил Джеймс. *[[Scavenger hunt – «охота мусорщиков», «охота за сокровищами» — игра, участники которой должны найти и собрать за ограниченное количество времени определённые предметы]]*

Это был достаточно разумный вопрос, но он заставил ГМ запрокинуть голову и рассмеяться.

— Именно.

Вэл глубоко вздохнула и открыла дверь.

Она не была уверена, чего ожидала — возможно, еще одного мрачного музея ужасов. После того шкафа и вальса в темноте ее бы ничто не удивило.

Комната была освещена, но тускло. Центром комнаты являлся потертый письменный

стол, знававший лучшие времена. В нем стоял компьютер, хотя монитор и клавиатура пожелтели от времени. На стене висело несколько картин, написанных маслом, но ни на одной из них не изображались люди.

Чувство дежавю охватило ее, как большая птица с полуночными крыльями. Ей вспомнилась другая комната, четыре года назад, где она впервые обнаружила глубину извращенной одержимости молодого человека в его дневнике в кожаном переплете в незапертом ящике.

Все не так, как было раньше.

На этот раз все будет по-другому. Он сам так сказал.

Она наклонилась, чтобы изучить содержимое ближайшей книжной полки. Среди авторов были Чарльз Дарвин, Никколо Макиавелли и маркиз де Сад. Те, что она видела раньше. Но эти книги казались здесь неуместными, больше похожими на реквизит.

Она прикусила губу, уставившись на трехмерный футляр, в котором было несколько бабочек. Бабочки Европы. Бедняжки. Она печально посмотрела на них. Они напоминали ей... о чем-то неприятном.

(Скажи мне, что ты принадлежишь мне)

Казалось, ее рука сама по себе коснулась горла. Вэл нервно сглотнула, оглядываясь по сторонам, задаваясь вопросом, не было ли это еще одной демонстрацией, призванной напугать ее до безумия. Возможно, что он находился здесь, скрытый в тени, наблюдая за ней, ожидая подходящего момента, чтобы застать врасплох.

У него это хорошо получалось. Он всегда был таким.

В комнату ворвался сквозняк, и Вэл повернулась лицом к двери, ее сердце билось так быстро, что она подумала, что может задохнуться. Но в дверях оказалось так же пусто, как и тогда, когда она вошла.

Или нет?

Она отвела взгляд от бабочек, когда тошнота заставила ее желудок забурлить, как ведьмино варево. Они были в его доме в первый раз. «Черт бы тебя побрал, — подумала она, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Что ты со мной делаешь?»

Она почти могла представить себе ответ, темный и мягкий, как бархат. Что у тебя на уме?

Вэл упала на колени, сложив руки, словно в молитве. Она не могла этого сделать. Только не снова. Хуже всего было то, что она даже не могла никому рассказать — потому что, если она это сделает... если она это сделает... он сотворит что-то ужасное с Блейком, Лизой или Джеймсом. Он уже говорил это раньше, когда спросил ее так небрежно, пожертвует ли она собой ради своих друзей.

(ты бы сделала это?)

— Нет! — выдохнула она, с трудом поднимаясь на ноги. Она перевела дикий взгляд на книжный шкаф и швырнула книги в коридор, почти ожидая услышать приглушенный вздох боли.

Но там никого не было.

Она здесь одна.

В основном одна.

Его поцелуй все еще обжигал губы. Его голос все еще звучал в ее голове. И все, о чем она могла думать, это то, что Он целуется не так, как Джеймс. Джеймс не был ни таким решительным, ни таким основательным. Джеймс не мог парализовать ее взглядом. Джеймс

не заставил ее почувствовать, что она стоит спиной к пропасти. Ей хотелось, чтобы Джеймс оказался здесь. Дерзкое поведение или нет, но ей хотелось свернуться калачиком в его объятиях и исчезнуть.

«Ну, ты не можешь. Так что смирись с этим, если только не хочешь подождать здесь... его». Вэл судорожно выдохнула, отворачиваясь от книжной полки.

— Хорошо, — прошептала она. — Смириться.

Она нажала кнопку включения компьютера. Ничего не произошло. Посмотрела поверх монитора и сразу поняла почему: задняя часть компьютера была грубо оторвана, вероятно, тупым инструментом, судя по глубоким выбоинам в корпусе. Оттуда посыпались провода, чипы и блестящие куски металла. Компьютер был выпотрошен.

Дождь забарабанил по закрытым ставнями окнам, звуча как топот крошечных ножек, и она подпрыгнула, бросив острый взгляд в его сторону.

Ночь была темная и бурная.

Вэл снова вздрогнула и повернулась, чтобы уйти, готовая бежать, если понадобится, но что-то в клавиатуре заставило ее остановиться.

Что это такое?

В углублении между пробелом и буквами лежала черная королева из шахматного набора. Не та, что была в его спальне, а дешевая пластиковая копия.

(Королева, возможно, самая сильная фигура в игре)

Дрожащей рукой она подняла ее. Фигурка была слегка теплой на ощупь. Внизу лежал листок бумаги, сложенный в несколько раз, напоминая ей о секретных записках, которые она обычно передавала своим друзьям в начальной школе. Нет никаких сомнений в том, кто написал эту записку. Почерк тот же, что и на конверте, который она получила по почте.

В центре смятой бумаги было написано одно единственное слово. Всего одно слово, но оно заставило мороз покрыть ее кожу, кристаллизовав воздух в легких и остановив сердце, заставив ее замерзнуть снаружи и внутри.

Слово гласило: «*опасная*».

Смех ГМ был глубокий и безудержный, Лиза нашла бы его привлекательным при обычных обстоятельствах; в нем звучало немного дикости. Но сейчас не обычные обстоятельства, и в данном контексте он пробирал ее до костей.

— Что тут смешного? — спросил Джеймс.

Все еще посмеиваясь, ГМ ответил:

— Ты не поймешь.

Но Лиза думала, что поняла. Охота падальщиков. Игра слов. Снова хищники. Блейк толкнул локтем, и ее мысли рассеялись, как дым.

— Да? — Она пристально посмотрела на него. — В чем дело?

— С тобой все в порядке?

— А что такое?

Слабый, розоватый румянец окрасил его щеки, когда он кивнул на шахматную фигуру, все еще находящуюся в ее руке. Лиза так крепко сжимала пешку, что на ее ладони остался красноватый след.

— Он, э-э, бросил ее в тебя довольно сильно.

— Ну, он промахнулся.

— Нет, если это был предупреждающий сигнал, — тихо заметил он.

— Предупреждающий сигнал? — Она фыркнула. — Не говори глупостей. Он играл.

— Похоже, Вэл так не думала.

Лиза нахмурилась.

— Ты говорил с ней? Когда?

— Раньше. До игры.

Лиза ждала, что он продолжит, но Блейк не стал вдаваться в подробности. Это имело смысл, если он не хотел, чтобы ГМ слышал, так как он все еще находился в комнате. Она отвела взгляд, потом снова посмотрела на него. Блейк смотрел на нее так же пристально, побуждая ее сказать:

— Что?

Его лицо покраснело еще больше, румянец распространился на уши и нос.

— Эм. Твое платье... у него нет карманов. Хочешь, я подержу это для тебя?

Зачем ему быть таким милым? Почему он не может разозлиться, как нормальный человек? Лиза отдала ему пешку, чувствуя одновременно смущение и злобу, наблюдая, как она исчезает в кармане его штанов. Интересно, чего он от меня хочет?

— Спасибо.

— Хорошо. — ГМ откашлялся. — Прошу прощения за то, что заставил вас всех... ожидать. Уверен, вы очень хотите начать следующий раунд.

Потому что последняя игра была настолько захватывающей, что Лиза едва могла контролировать себя. Сначала прятки, теперь охота падальщиков. Что дальше? Музыкальные стулья? Лиза нахмурилась. Если он решит начать жуткую версию «Утка, утка, гусь», она сваливает.

Может быть, им в любом случае стоит уйти. Джейсон подонок, и она не доверяла ГМ совершенно.

«Как только найдем Вэл, мы уйдем».

— У меня вопрос. — Мальчик рядом с ней — Brent, как она помнила, — сказал, вскинув руку.

ГМ подался вперед на стуле, положив подбородок на скрещенные руки.

— Валяй, — лениво разрешил он.

— На комнату приходится по одной фигуре? Или в некоторых комнатах их больше, чем одна?

Хороший вопрос.

— В этом доме нет тридцати одной комнаты. Считай сам.

Лиза громко вздохнула.

— Есть еще вопросы? — ГМ сделал паузу. — Нет? Отлично.

Он слез со стула. Его черные ботинки — единственный предмет одежды, который не был белым, не считая неуместно темной рубашки, — глухо отдавались эхом, когда он подошел к массивной дубовой двери и распахнул ее со скрежетом, заставившим Лизу вздрогнуть. ГМ прислонился спиной к двери, не давая захлопнуться, держа ее открытой. Лиза медленно встала, словно во сне. Какой джентльмен.

За исключением... его расположения, ГМ загораживал вход, оставляя ей лишь крошечное пространство, чтобы пройти. Она оказалась последней в комнате. Как это случилось? И был ли он такой помехой для других игроков? Она думала, что нет.

— Где твоя шахматная фигура? — спросил ГМ, аккуратно вставая на ее пути, наклонив

голову в кошачьем жесте, когда она попыталась протиснуться мимо.

Лиза испуганно ответила:

— Я отдала ее Блейку.

ГМ рассеянно кивнул и снова прислонился к двери.

Его окружал пьянящий аромат, слишком изысканный, чтобы быть одеколоном, и очень знакомый. Тяжелый. Боже. Вблизи он казался еще более пугающим, как какое-то дикое животное.

— Зачем ты бросил ее в меня?

— Ты сидела ближе всех.

— Что? Нет, это не так. — Лиза чуть вздернула подбородок. — Чарли была ближе. Она сидела прямо перед тобой. Я даже не в твоей команде.

— Я стараюсь оставаться беспристрастным.

— Чушь собачья. Мне кажется, ты что-то скрываешь.

Ее слова заставили его рассмеяться. Не легкий смех, как раньше, а осуждающий, который Лиза сочла особенно оскорбительным.

— Как прямолинейно. Что, черт возьми, произвело на тебя такое впечатление?

Она не позволила себе попасться на удочку.

— Я собираюсь все выяснить. Это как-то связано с тем, почему ты оставил Вэл на штрафной раунд?

Он нахмурился. Она почти ожидала, что он бросится на нее, и вздрогнула, когда он поднял руку, чтобы убрать с глаз непослушную челку.

— Ты очень ее защищаешь.

— Только когда это необходимо.

— И ты думаешь, что она в опасности... со мной?

— Я знаю, что она боится тебя. Не знаю, почему. Может быть, нет никакой причины. Может быть, ты ничего ей не сделал. Но говорю отвалили от нее. У Вэл есть парень, — прямо сказала Лиза.

— Я заметил, — последовал сухой ответ. — Джеймс?

— Ну, тогда, уверена, ты заметил, что она не любит пристального внимания, даже если слишком мила или слишком застенчива, чтобы сказать об этом. На самом деле ей не нравятся психопаты-преследователи.

Одна из его темных бровей взлетела вверх.

— Это довольно серьезное обвинение.

Лиза прикусила губу, болезненно осознавая, как близко они стоят. Он сократил это расстояние так незаметно, что она даже не заметила, пока не стало слишком поздно. «Как захлопывающаяся ловушка», — подумала она.

— Уверена, оно достаточно разумно в данных обстоятельствах.

— Действительно. — Он сделал шаг ближе. Потом еще один. Пока почти не прижал ее к стене. Положил руки по обе стороны от нее, небрежно преграждая путь к бегству.

— Тогда ты гораздо глупее, чем я думал, если собираешься противостоять возможному психопату... в одиночку...

Она уставилась на него, не говоря ни слова от шока и страха. Его глаза были жесткими и стальными, как холодный гематит, а кожа выглядела такой бледной, что Лиза могла видеть вены на его горле, похожие на пурпурные полосы в чистом белом мраморе. В нем было что-то нереальное, почти сверхъестественное. Его улыбка стала жесткой, сардонической на ее

глазах. И она болезненно осознала, что, несмотря на его стройное телосложение и смертельную бледность, в нем нет абсолютно ничего слабого.

Медленно, осторожно она сделала шаг вправо, и его рука сжалась в кулак, ударив в нескольких дюймах от ее лица.

— Мы еще не закончили, — тихо сказал он. Лиза подпрыгнула — и возненавидела его за то, что он добрался до нее с помощью этих дешевых методов запугивания. Ненавидела себя за то, что попала на них.

«Во что ты ввязалась, Вэл?»

Она перевела взгляд с его руки на лицо.

— Ты собираешься ударить меня? — спросила она ровным голосом, пытаясь скрыть свой ужас. Интересно, услышат ли ее остальные, если она закричит?

— Ничего такого варварского. Я просто предлагаю тебе сосредоточиться на текущей игре, прежде чем пытаться сыграть во что-то новое со мной. Ты не выиграешь и можешь пострадать. — Он невесело усмехнулся. — Но, как я уже сказал. Это всего лишь предложение. Ты вольна поступать, как тебе заблагорассудится.

— Вэл не для тебя.

— Полагаю, не тебе это решать.

— Ты неадекватный, — проговорила она. — Держись от нее подальше. Займись Чарли, если хочешь.

— Беги, Лиза. Твои друзья ждут. — С этими словами он решительно вытолкнул ее за дверь. Застигнутая врасплох, она стукнулась о дверной косяк, едва не упав на пол. Дверь захлопнулась в нескольких дюймах позади нее.

Дерьмо.

ГМ вздохнул, прислонившись к закрытой двери. Все шло по плану. Он создал полосу препятствий, оставляя двери либо запертыми, либо открытыми, как считал нужным, чтобы держать своих маленьких лабораторных крыс на правильном пути. Они играли ему на руку. Ну, в основном. Люди немного менее предсказуемы, чем пластиковые фигуры, но этот элемент хаоса придавал игре интересный оттенок.

Он всегда ценил вызов, если только выигрывал.

Он слышал их тихий разговор. Попытки Лизы заманить его в ловушку были смехотворны — почти оскорбительны, на самом деле. Она быстро становилась большей проблемой, чем он ожидал. Он кое-что увидел в ее глазах — короткую искру узнавания, от которой его пульс участился в предвкушении.

«Ты знаешь, кто я?»

Она не вспомнила; узнавание быстро исчезло. Как ей повезло. Он подумал, что действительно мог бы убить ее, если бы этого не произошло. Он не мог допустить, чтобы кто-то испортил его планы. Он уже так долго ждал и намеревался увидеть, как они осуществляются.

И она увидела часть этого желания в его лице. Он напугал ее, а она не из тех, кого легко напугать. Да, Лиза почти наверняка все равно попытается поговорить с Вэл. Чтобы предупредить ее. Но ничего такого, чего бы Валериэн не знала сама, она бы не сказала. Его предусмотрительность, заставившая рыжеволосую девушку замолчать, порадовала его. Нет, с этой стороны проблем не будет.

Быстрота, с которой Вэл уступила ему, заставила его задуматься, не следовало ли ему потребовать более высокую цену. Но он никогда не отказывался от сделки; сейчас он довольствовался тем, что брал у нее то, что хотел, небольшими, но все увеличивающимися частями. На данный момент отсрочка удовлетворения может быть поучительной.

Пока.

Он, правда, надеялся, что она попытается остановить его, но Вэл была далеко не так сильна, как когда-то. Ее застывшая беспомощность, когда он прижал ее к стене и поцеловал; ее прерывистые рыдания, когда он угрожал ей; ее бессмысленный ужас, когда она увидела маленький сюрприз, который он оставил для нее в холле, — все это беспокоило его. Завоевание не приносило удовлетворения, если оно начиналось с капитуляции. Он хотел, чтобы она боролась, сражалась, сопротивлялась...

Он хотел получить удовольствие от того, что подчинит ее.

Возможно, ему нужно было повысить немного ставку... подобраться ближе... смутить ее чувства настолько, чтобы она забылась. Он мог быть очень убедительным, когда хотел. Все, что потребуется, — это мгновение, всего один микрон в ее защите — меньше, чем время, необходимое для вдоха.

Она могла пытаться сопротивляться тогда, но было слишком поздно, просто бесполезная борьба к этому моменту. Потому что он заметил, как изменилось ее дыхание, когда он подошел слишком близко, как ее пульс вибрировал, как пара яростно бьющихся крыльев, пойманных в клетку ее кожи. Знала она об этом или нет, Вэл жаждала контроля... хотела, чтобы ее контролировали.

Возможно, он сначала заставит ее умолять, пока она не озвучит все те желания, которых так сильно жаждала, но боялась признать. Все эта неприглядная правда в чистом виде, что могла ее сломать. Удовольствие и боль, так тесно переплетенные, что они почти неотличимы друг от друга.

«Займись Чарли, если хочешь», — сказала Лиза. Она не понимала. Сравнить их все равно, что сравнивать два цветка — один сильный и гордый, выращенный на зеленом луку; другой увядающий и обветренный, переживший жестокие бури и морозные зимы. Возможно, не такой сияющий, но дикий, прекрасный и гораздо более стойкий.

Он подошел к остаткам фуршета. На столе еще оставалась еда. Взял одну виноградину и съел ее, закрыв глаза, запивая прохладной водой.

Восхитительно.

Глава 11

«Взятие на проходе»

В шахматах означает специальный ход пешки, при котором она берёт пешку противника, перемещённую с начальной позиции сразу на два поля. Но под боем оказывается не то поле, на котором остановилась вторая пешка, а то, которое было пересечено ею. Первая пешка завершает взятие именно на этом, пересечённом поле, как если бы пешка противника переместилась лишь на одно поле.

Неужели Лиза действительно ожидала, что ГМ признается во всем, как убийца в плохих салонных тайнах, которые так любила ее мать? Нет, конечно. Но ее беспокоило, что он совсем не отрицал ее обвинения. Если он невиновен, разве его бы не шокировали или даже

оскорбили ее теории. Продолжал бы он оставаться таким холодным и угрожающим? У нее нет никаких сомнений в том, что он был полностью вне лиги Вэл и, возможно, ее тоже. ГМ намеренно бросил ей вызов, и Лиза не была уверена, что справится с ним.

«Он что-то скрывает. Я не уверена, правда, что именно». В каком-то смысле было бы лучше, если бы он угрожал ей прямо. По крайней мере, тогда у нее имелись бы какие-то доказательства.

Лиза приподняла лиф платья и подошла посмотреть, что обсуждают Блейк и Джеймс. Они пытались выработать стратегию, как лучше всего обыскать комнаты в поисках предметов. Джеймс хотел начать с комнат поменьше, что, по его мнению, было бы проще всего. Блейк думал осматривать их по пути, на случай, если они заблудятся и пропустят какие-то комнаты.

«Как будто даже не заметили, что я отстала».

Джеймс непрерывно с чем-то играл, и Лиза постоянно видела вспышки движения на периферии своего сознания. Сначала она пыталась не обращать на это внимание, но оно слишком отвлекало.

— Что это? — резко спросила она.

— Это? — Джеймс уставился на свои руки, как будто только сейчас осознал, что предмет был там. — Шахматная фигура. — Он протянул ей фигуру одной из башен.

— Ладья, — уточнил Блейк.

— Ты нашел одну и ничего не сказал?

Джеймс пожал плечами и вернулся к перекатыванию ладьи по костяшкам пальцев в ладонь.

— Я не хотел, показывать ГМ. Он мог бы забрать ее, наказав нас. Ты явно выводила его из себя своими вопросами.

Лиза издала неопределенный звук, прикусив щеку изнутри, чтобы не оскорбить его. Джеймс, идиот, действительно прав, но прав по неправильным причинам. Ей хотелось бы понять, как выразить свои опасения, но как можно выразить словами то, чего сама не понимаешь?

— Загляни внутрь, — приказала Лиза. — Посмотри, нет ли сообщения.

Джеймс вытащил свернутую бумагу, несколько неловко из-за своих больших рук.

— Там написано «победитель». — Он посмотрел на них, подняв брови. — Может быть, это означает, что мы выиграли приз.

— Сомневаюсь, — разочаровала Лиза. — Я его дразнила, помнишь? Он наказал нас, отправив Вэл на штрафной раунд.

— О, ради всего святого, Лиза...

— Кто бы говорил. Отказаться от собственной девушки, потому что испугался последствий, если встанешь на ее сторону — и за себя. И ради чего? Очки? Кусок пластика? Что он сделал, из-за чего ты его так опасаясь?

— Я не собираюсь отвечать на этот вопрос, — Джеймс сжал пальцами шахматную фигуру.

«Значит, что-то случилось. Только виновные предпочитают хранить молчание».

Между ними воцарилась тишина, нарушаемая только звуком их шагов.

«Супер, как весело. Я очень рада, что приехала. Это гораздо веселее, чем целоваться с Томасом в горячей ванне его родителей».

Джеймс упрямо сказал:

— Сколько там вообще фигур? Эти предметы слишком малы.

— Они не единственные, — пробормотала Лиза.

Прежде чем Джеймс успел возразить, Блейк вмешался:

— Тридцать две. — Лиза повернула голову к Блейку, который, приняв их взгляды за замешательство, добавил. — Шестнадцать пешек, четыре слона, четыре коня, четыре ладьи и два короля и ферзя соответственно.

— О боже. Следующее, что ты узнаешь, так это то, что он сажает цветы и расскажет нам, что они означают.

Лиза нахмурилась.

— Джеймс...

Румянец пополз по шее Блейка.

— Я не играю. Моя мама играет... играла.

— Только не надо вести себя как ГМ, чувак. Поверь мне, одного достаточно.

— Блейк так же опасен, как кусок ворса, — холодно проговорила Лиза.

— Я бы не был так категоричен, — сказал Блейк, выпрямляясь. — Иногда я бываю довольно противным.

Джеймс закатил глаза.

— Ага. Если достаточно постараться, сможешь заставить пушистых кроликов убежать в страхе.

Блейк ударил Джеймса по руке. Довольно сильно для мальчика-ботаника. Джеймс поморщился.

— Ой. Это... — он украдкой взглянул на Лизу. — ...почти щекотно.

«Конечно, Джеймс». Лиза слегка улыбнулась, увидев явную досаду на его лице, но другая, гораздо менее приятная мысль только что пришла ей в голову. Если Блейк прав, и спрятано действительно тридцать две фигуры, то задача, стоявшая перед ним, внезапно показалась более сложной. Шахматные фигуры были маленькими, и поиск их всех мог легко занять несколько часов, даже с тремя или четырьмя участниками в команде. «А что, если мы не найдем их все?»

Не похоже, чтобы ГМ стал бы держать их здесь, пока они этого не сделают.

Лиза решила, что Вэл повезло больше. «Наверное, нет», — подумала она и вздрогнула. Штрафное наказание. Одно название вызывало у нее дурноту.

Комната с компьютером вела в длинный, сужающийся коридор, который создавал тревожное впечатление, что стены смыкаются. Отсутствие хорошего освещения создавало иллюзию, что пол находится под наклоном, как перекошенные углы сцен погони в фильмах ужасов. Вэл даже не осознавала, что задержала дыхание, пока не добралась до лестницы и не начала громко дышать, как рыба, вытщенная из воды...

И тут же оказалась в другом лабиринте коридора, который она не узнала. ГМ — Гэвин — должно быть, нарочно отвел ее в противоположное крыло дома. Так что он, без сомнения, мог отправить ее в еще один штрафной раунд. Она ударила кулаком по стене, желая, чтобы это было его высокомерное лицо.

— Сукин сын, — прошептала она, чувствуя, что вот-вот расплачется. Она чувствовала себя мышью, которую мучает кошка.

«Почему? Потому что она отвергла его ухаживания в темноте? Потому что отказывалась

поддаваться своему страху или ему? Я разрываюсь на части. Я не могу бороться с ним так, как раньше...»

А он на это рассчитывает.

— Валериэн?

Вэл оттолкнулась кулаком от стены и резко обернулась. Голос мужской, и она могла разглядеть в темноте белую рубашку говорившего, но черты его лица были размыты в темноте. Но это не ГМ. В голосе не звучало уверенности Гэвина и собственнической манеры произносить ее имя, как будто она принадлежала ему. Потому что, по его мнению, это уже так и было. «Боже, как бы мне хотелось иметь фонарик».

Она прищурилась, как будто это могло помочь.

— Кто там? — Это не Гэвин, и он ей не знаком. На самом деле это могли быть только два человека. Brent, или...

— Джейсон.

Здорово. Самый противный. Она облизнула губы.

— Что ты здесь делаешь?

— Мы уже начали следующий раунд. Уверен, что твои товарищи по команде расскажут тебе об этом, — его голос сочился самодовольством. — Как там штрафной раунд?

— Просто потрясающе, — решительно сказала она. — Потому что, знаешь ли, название предполагает именно такое времяпрепровождение. Не думаешь?

— По-моему, ты ведешь себя как стерва, — сказал он обманчиво приятным голосом.

Раздражение пробежало по ее спине, как дрожь.

— Извини, — язвительно сказала она, пытаясь сохранить достоинство. — Я заблудилась, и было темно, и я сейчас не в лучшем настроении... — Плюс мой психопат-преследователь здесь, в этом доме, угрожал моим друзьям, угрожал мне, если скажу хоть слово, и он пугает меня, и я чувствую, как он смотрит на меня, и чувствую его дыхание на своей шее каждый раз, когда оборачиваюсь...

Вэл с трудом сглотнула и добавила:

— Это не называлось бы штрафным раундом, если бы было весело, верно?

Джейсон издал неопределенный звук, который прозвучал дальше, чем раньше... он уходил! Вот засранец!

— Подожди! — в панике закричала она. — Куда ты идешь?

— У меня нет времени на болтовню.

Болтовня? Это вопрос жизни и смерти.

— По крайней мере, ты знаешь дорогу обратно в гостиную?

— С другой стороны дома все чисто, Вэл.

«Я знаю это. Злобный ублюдок. Ненавижу тебя».

— Ты можешь отвести меня туда?

Еще одна пауза.

— Что я получу за это?

— Э-прости?

— Что ты готова предложить мне в обмен на мою помощь? — повторил он, как будто она тупая.

Шахматная фигура вместе со странным посланием лежала забытая в кармане ее джинсов, иначе она могла бы предложить ее в качестве возможного козыря. Вэл лихорадочно соображала, пытаясь придумать какое-то решение. Но в голову ничего не шло.

— Мне нечего тебе дать.

— О, я думаю, что есть, — ее желудок неприятно скрутило, когда он сделал шаг в ее направлении.

«Нет, — подумала она. — Пожалуйста, только не он тоже».

— Ты ведь дружишь с Лизой?

— Лиза? — Потребовалось мгновение, чтобы ее лихорадочные мысли сошлись воедино.

Когда он не поправил ее, она осторожно сказала:

— Да. И что?

— Давай назовем это вопросом личного интереса.

Прозвучала так, как сказал бы ГМ. Ее недоверие усилилось. Если Джейсон решил подражать Гэвину, это само по себе говорило о многом.

— О чем ты говоришь?

— О, ничего плохого. Всего несколько простых вопросов. Какая у нее любимая музыка и так далее.

— Она тебе нравится. — Вэл оцепенела от осознания этого, не зная, вызвано ли оно облегчением или страхом.

— Довольно детское определение, но да. Она мне нравится.

— Тогда почему бы тебе самому не задать ей эти вопросы?

— Потому что она отказывается говорить со мной, — он сделал паузу. — Кроме того, таким образом мы заключим сделку.

Если Лиза не хотела разговаривать с Джейсоном, у нее имелась причина. Он был жутким. Но ГМ еще хуже. Бесконечно хуже. И если она не выберется отсюда, он найдет ее. Он всегда так делал. Она сильно дрожала и была благодарна, что ее собеседник не мог видеть этого в тени.

— Ты единственный, кому это выгодно.

— Может быть, — тихо рассмеялся Джейсон. — Но это лучшее, что ты можешь получить, поэтому предлагаю тебе согласиться. Я делаю тебе одолжение. Подумай, как легко я мог бы просто рассказать твоему парню, чем ты занималась за его спиной, Вэл. И я делаю это для того, чтобы ты действительно могла что-то от этого получить.

Воздух в ее легких сдулся, как проколотый воздушный шар.

— Что я... делала за его спиной?

— Ты пропадаешь, ГМ пропадает. Может быть, это совпадение... хотя я думаю, что нет. Чарли тоже сомневается.

Не может быть... он не мог видеть...

— Это полная чушь, — хрипло сказала она. — Тебе никто не поверит.

— Ты правда хочешь проверить это? Потому что думаю, что ГМ поддержит меня. Похоже, у него на тебя зуб, раз он так сверлит тебя взглядом на глазах у всех. Интересно, почему он так тебя ненавидит...

«Если бы вы только знали». Вэл почувствовала, что у нее снова начинается головокружительная головная боль. О боже. Джейсон, идиот, ты играешь с огнем, и я та, кто обожжется.

Но она ничего не могла сказать, чтобы отвлечь его от этой темы. Нет, если хотела, чтобы ее друзья остались невредимыми. Джейсон не единственный, кто ходил и заключал сделки.

— Просто скажи мне то, что я хочу знать, — уговаривал он. — Поверь мне, все будут

намного счастливее.

Он спрятал улыбку, уходя.

Ну-ну, Джейсон, я и не знал, что в тебе это есть. Я воспринимал тебя как легкое раздражение, и все же, кажется, в тебе есть что-то от хищника. В любом случае, ты прижал мою Вэл прямо к стене, именно там, где я хочу ее видеть. Спасибо тебе. Это избавляет меня от многих хлопот. Твоя маленькая сделка с Валериэн вполне может иметь место в моем плане... просто не переусердствуй.

Что касается тебя, моя дорогая, предлагаю тебе привыкать к ощущению, каково это — оказаться в ловушке. Потому что на этот раз для тебя не будет спасения.

Глава 12

«Мнимая жертва»

Вэл не сомневалась, что Джейсон готов выполнить свою угрозу, черт бы его побрал, причинив Джеймсу такую боль, которую она, возможно, никогда не сможет исправить.

Имеет ли значение то, во что верит Джеймс?

Возможно, и нет. Но тогда, что давало Джейсону — или Гэвину — право решать это за нее? Глаза Вэл вспыхнули с намеком на ее прежний огонь. Нет, черт возьми. Она не собиралась быть ничьей пешкой. Но... никто не ведь не пострадает от нескольких вопросов, верно?

О, Лиза.

— Я не буду отвечать ни на что личное, — быстро сказала она. — И я... я, гм, сохраняю за собой право наложить вето на все... неуместное.

— Кто ты, адвокат Элли МакБил? — Джейсон говорил так, словно ухмылялся. — Неважно. Договорились... я принимаю твои условия.

Вэл еще не закончила.

— Если ты причинишь ей боль, клянусь...

— Я понял. — Он положил руку на ей плечо так небрежно, так легко, что она не смогла закончить свою угрозу. — Но ты немного перестраховываешься, тебе не кажется? Отзови собак, Вэл. Давай не будем обещать никаких угроз, которые мы не в состоянии выполнить.

— Не прикасайся ко мне, — она стряхнула его руку со своего плеча, как будто это был скорпион или пчела-убийца. ГМ говорил что-то очень похожее, когда угрожал ее друзьям и высмеивал ее имя. Однако Джейсону не удалось достичь такого же уровня угрозы. Еще.

Нет, она определенно не чувствовала особого беспокойства. Хотя Джеймс чуть не поссорился с Гэвином из-за нее, и теперь Джейсон вынуждал ее выбирать между двумя людьми, о которых она действительно переживала.

Он снова схватил ее за руку.

— Значит, мы договорились.

— Я сказала, не прикасайся ко мне, — она вырвала свое запястье из его захвата. — Сколько вопросов?

Он, казалось, раздумывал.

— Десять.

— Пять.

— Девять.

— Пять.

— Восемь.

— Пять.

— Не думаю, что ты понимаешь, как это работает, — усмехнулся Джейсон. — Ты должна поднимать ставку, разве ты не умеешь торговаться?

— Я не торгуюсь. Пять, или никакой сделки.

Смех Джейсона прозвучал в темноте, как лошадиное ржание и невыносимо громко.

— Восемь, и это мое последнее предложение. — Услышав ее молчание, он продолжил: — Ты, кажется, не понимаешь, в каком положении находишься, Вэл. Мне нужно тебе напоминать? Или ты хочешь, чтобы Джеймс узнал, что ты делаешь в шкафах в холле с нашим хозяином, когда его нет рядом?

Вэл втянула в себя воздух. Шкафы в холле?

— Нет! Я не... — Подождите минутку. — Он тебе что-то сказал? Он лгал обо мне?

— Или, может быть, — продолжил Джейсон, как будто она ничего не сказала. — Может, на самом деле ты совсем не заботишься о нем, и это просто пощечина, в которой он нуждается, чтобы получить сообщение? А?

Это не так... я не такая. Что ему сказал ГМ? Что он сказал? Она почти могла себе это представить. Они разговаривали вдвоем. ГМ небрежно делает намеки, как будто бросает Джейсону угощение. От этой мысли ее затошнило от беспомощной, бессильной ярости.

— Восемь — прекрасно, — с несчастным видом заключила она.

Как будто у нее был выбор.

Прошло два часа, и черная команда — они не могли не думать о себе именно так; ГМ, Джейсон и Чарли точно не внушали чувства товарищества — мало что смогли сделать сами, если бы непостоянное вмешательство случая. Джеймс нашел черную пешку («король») в мыльнице, когда пошел в ванную, чтобы ответить на зов природы. Лиза нашла в библиотеке белую ладью («это»), зажатую между пыльной книгой по романской архитектуре и биографией русского шахматиста в кожаном переплете. Блейк вообще ничего не нашел.

«Две шутки за столько же часов», — устало подумал он. Осталось двадцать восемь. Если они будут продолжать в том же духе, то не закончат еще несколько дней. Интересно белой команде повезло больше?

— Кто-то одержим Италией, — пропела Лиза чересчур жизнерадостным голосом. Это, казалось, раздражало Джеймса, который поморщился, как будто ее слова были ледорубом, воткнутым с медленной, болезненной точностью прямо в его барабанную перепонку. — Интересно, он итальянец? Он говорит по-французски, но не выглядит таковым. И вообще, разве европейцы не говорят на нескольких языках?

— Какая разница, — прокомментировал Джеймс.

— Почему бы нам не начать осматривать второй этаж? — предложил Блейк, прежде чем его друзья снова начали ссориться и в конечном итоге вызвали бы у него головную боль.

Это была разумная идея. Теперь они стояли в главном коридоре, слева от них маячила лестница, а справа — дверь. Джеймс прислонился спиной к стене, как раз под картиной с изображением леса. Деревья были высокими и заостренными, как копыя, напоминая Черный

лес, из сказок братьев Гримм, что Блейк читал, когда был ребенком. Джеймс потянулся, и рукой ударился о раму картины, заставив ее опасно качнуться. Однако он поймал ее, прежде чем та успел упасть и разбиться вдребезги.

— Осторожно, — предупредила Лиза, когда Джеймс поправил картину на стене. — Сломать его вещи — верный способ разозлить его еще больше, чем он уже разозлился.

— Почему бы нам не покончить с этим и не отправиться домой? — отозвался Джеймс. — Я имею в виду, если мы ему не нравимся. Зачем оставаться? В любом случае, белая команда — это кучка придурков.

— Насколько я помню, именно ты хотел остаться.

— Да, но я передумал. Почему ты хочешь остаться?

Лиза фыркнула.

— О, я хочу уйти. Но я, например, не хочу, чтобы они прогнали нас, как кучку школьных хулиганов. Ты хочешь, чтобы они победили?

Его лицо потемнело, и он отдернул руку назад.

— Черт возьми, нет. Но здесь не очень весело... и я больше никогда никого из них не увижу.

— А еще мы до сих пор не нашли Вэл, — заметила Лиза, обвиняюще глядя на него. — Или ты забыл?

Судя по румянцу на лице, Джеймс и правда забыл. Блейк нахмурился. Как он мог забыть о своей девушке? Она тоже была хорошенькой. Не такая красивая, как Лиза — на самом деле, Блейк не мог вспомнить ни одной девушки, которая была бы красивее Лизы, за исключением, может быть, той из белой команды. Но Вэл гораздо красивее, чем кто-либо, с кем Блейк мог встречаться. Его всегда смутно раздражали мужчины, которые принимали своих хорошеньких подружек как должное. Особенно с тех пор, как понял, что женщины, как правило, выбирают таких мужчин, независимо от их личности.

Тот факт, что один из его лучших друзей демонстрировал те же самые качества, которые он так ненавидел, обеспечивал постоянный источник когнитивного диссонанса для Блейка. Хотя он с удовольствием вставил бы свои собственные два цента, у него не хватило духу. «В любом случае, это не мое дело». Поэтому Блейк вздохнул и сменил тему, как слабак, которым он и был.

— Мы даже не знаем, сколько предметов у белой команды — или сколько Вэл могла найти. Возможно, мы даже опередим их, и в таком случае нет смысла ругаться из-за этого.

Лиза открыла рот, ее брови сошлись вместе, как бы говоря: «Мы даже не знаем, где Вэл». Точка. Блейк посмотрел на нее, приподняв бровь. Выражение «только ничего не говори», которое он перенял у своей матери, когда она еще была рядом. От воспоминаний о ней по его лицу пробежала дрожь, легкая, но заметная. Лиза, заметив колебание на его лице, помолчала, а затем сказала:

— Да, возможно, ты прав.

Последовала пауза, пока каждый из них подсчитывал, сколько шахматных фигур осталось найти.

«Четыре из тридцати двух — это не ужасно», — сказал себе Блейк. Если предположить, что Вэл не нашла ничего, это было двенадцать с половиной процента. Само собой разумеется, если белая команда собрала аналогичное количество, оставив примерно семьдесят пять процентов для поиска. Довольно хорошие шансы. При условии, что никто не будет жульничать.

Он не был уверен, откуда взялась эта мысль, но как только она появилась, она не переставала его беспокоить. Блейк поймал себя на том, что вспоминает глаза хозяина дома, как холодно он смотрел на Лизу, когда она спорила с ним. Этот взгляд наводил на мысль о человеке, который находит оскорбительной саму мысль о проигрыше. Он будет жульничать. И Чарли тоже. И Джейсон — если решит, что это сойдет ему с рук. Brent, вероятно, не стал бы, но с самого начала он не казался слишком умным. Он, вероятно, согласится с тем, что решат его товарищи по команде.

Дерьмо. Ну, с этим они ничего не могли поделать. Беспокойство все равно не поможет, и Лиза с Джеймсом, скорее всего, снова начнут ссориться из-за этого. Блейк решил держать свои мысли при себе. Пока. «Наверное, у меня просто паранойя» — эта мысль заставила его почувствовать себя немного лучше.

Хотя на самом деле несильно.

— Вам не кажется странным, что он, как будто, знает всех нас? — вдруг спросила Лиза.

Джеймс моргнул.

— Кто знает кого?

— ГМ. Хозяин нашей вечеринки.

Блейк внутренне поморщился, увидев раздраженное выражение, промелькнувшее на лице его друга.

— Я его не знаю.

— Может быть, он раньше ходил в нашу школу, но его родители перевели его, — осторожно предположил Блейк.

На мгновение что-то промелькнуло на лице Лизы. Почти — но не совсем — узнавание. Она нетерпеливо покачала головой.

— Не знаю. По-моему, я его раньше не видела. — Эти слова она адресовала Джеймсу отвечая на вкрадчивое обвинение. — Но он не говорит нам своего имени, так что я не могу сказать наверняка.

Блейк также задавался вопросом об имени. Это было странно. Тем более что белая команда, похоже, тоже понятия не имела, кто он такой.

— Но он, кажется, знает Вэл, — сказала Лиза после паузы. — И то, как она реагировала на него... это было почти так, как будто она тоже его знает.

Джеймс внезапно нахмурился.

— Да. Она сказала, что он напомнил ей того жуткого парня, с которым она общалась на первом курсе.

— Гэвина? — Лиза удивленно моргнула. — Она сказала, что он напоминает ей Гэвина? Вау. Прямо взрыв из прошлого. Но он совсем не похож на... — Она задумалась. — Хм.

— Кто такой Гэвин? — спросил Блейк.

— О, верно, — вспомнила Лиза, поднимая глаза. — Ты ведь не знаешь? Ты переехал сюда только на втором курсе. Гэвин был...

— Первый парень Вэл, — сказал Джеймс.

— Не ее парень, — уточнила Лиза. — Парень не сделал бы с ней того, что сделал этот подонок. — Она встретилась взглядом с Блейком. — Он оттолкнул ее от друзей, заставил лгать семье. Я знала, что он ничтожество, но не понимала, насколько он болен. Наверное, я пыталась предупредить ее, но тогда я была в некотором роде сукой, — она осуждающе рассмеялась, — во всяком случае, большей сукой, чем сейчас. И, наверное, немного завидовала, что выпускник интересуется ею, а не мной. Даже если он и ничтожество. Она

все равно проигнорировала меня, и это едва не стоило нам дружбы. И все это время этот сукин сын загонял ее все глубже и глубже в эту гребаную паутину, играя с ее мыслями и чувствами, притворяясь тем, кем он не был.

— А кем он был? — спросил Блейк с пересохшим ртом.

— Чудовищем. — Лиза стиснула зубы. — Психопат-манипулятор. Он помешался на страхе и каким-то образом пришел к выводу, что Вэл — идеальная девушка, чтобы играть роль ягненка для его льва.

— О Господи, — произнес Блейк, чувствуя тошноту. — Кажется, я что-то читал об этом, когда мы переехали сюда. Я не знал, что речь идет о Вэл. — Это она имела в виду раньше? Когда сказала, что ГМ напоминает ей кого-то опасного?

— Ее имя не упоминалось, — объяснила Лиза. — Ей было всего четырнадцать, и этот больной ублюдок заплатил ее родителям деньги за молчание, чтобы не допустить огласки в зале суда. Мы никогда не говорим об этом, — она закрыла глаза и глубоко вздохнула. — Я почти уверена, что ГМ — это не Гэвин. Если отбросить поверхностное сходство, Вэл не выглядела достаточно напуганной. Она сойдет с ума, если снова увидит его. И кроме того...

— Он вернулся на Восточное побережье, чтобы разобраться со своими фрейдистскими проблемами с мамочкой? — предположил Джеймс.

Лиза посмотрела на него с горечью.

— Да. Это, и то, что он бы уже что-то сделал с ней... и с нами — к настоящему времени.

Он кружил, как волк, решающий, куда нанести смертельный удар, и это сравнение заставило рот Вэл пересохнуть. Как волк в шкафу. Как волк в шкафу, которого Гэвин оставил там для меня. Большинство вопросов, которые Джейсон уже задал, не были личными и, по мнению Вэл они немного бессмысленны. Вряд ли стоящие шантажа. Зачем ему тратить свои восемь вопросов на пустяки... если только в них не скрывалось какой-то цели, которую она не заметила. Или он пытался отвлечь ее от общей картины.

Вэл слишком устала, чтобы поддаваться теориям заговора, роившимся в ее голове, как саранча. Она просто хотела побыть одна, подумать... и составить план.

— Последний вопрос, — наконец сказал Джейсон, к большому облегчению Вэл. — Как вы с Лизой подружились?

— Что это за вопрос?

— Простой, — снисходительно сказал он. — Вы совсем не похожи. Должно быть, это интересная история.

Ну разве он не Мистер Наблюдательность? Ну, да. Конечно. Он обладает почти сверхъестественной наблюдательностью. Иначе не смог бы втянуть ее в эту ситуацию.

— Это не так.

— Я все равно хочу услышать.

«Конечно, хочешь».

— Лиза не всегда была такой общительной, — призналась она, засовывая большие пальцы в петли ремня джинсов и раскачиваясь на каблуках. — Она была новенькой в средней школе, и у нее не было друзей. Кроме меня. Я стала ее первой подругой.

— До тех пор, пока она не стала светской бабочкой, а ты тихоней, — предположил Джейсон. — Интересно. И она осталась с тобой в друзьях из преданности? Нет. Может быть, из... жалости?

— Заткнись! — прорычала Вэл, внезапно шагнув вперед. — Ты... ты... ты не понимаешь, о чем говоришь. Так что просто заткнись к чертовой матери прямо сейчас!

Джейсон фыркнул.

— Господи, Вэл. Только не взорвись.

Она почувствовала, что краснеет.

— Ты...

— У меня есть преимущество, — продолжил совершенно отвратительно Джейсон, — на самом деле, я могу говорить все, что захочу, делать все, что захочу — в разумных пределах, конечно, и ты не сможешь меня остановить. Так что не искушай меня, Вэл.

Ее глаза привыкли к темноте за последние несколько минут, позволив увидеть слабые проблески закрытых дверей и понимающую ухмылку ее мучителя. Когда она снова заговорила, ее голос дрожал не от страха, а от ярости.

— Мы заключили сделку.

Джейсон оглянулся через плечо, и Вэл показалось, что она заметила, как у дальней стены шевельнулась тень. Но все закончилось прежде, чем она моргнула, поэтому не могла быть уверена.

— К счастью для тебя, я думаю, что ты забавная. Итак, как насчет того, чтобы выбраться из этого коридора? Знаешь, прежде чем кто-нибудь сделает неправильные выводы о нас.

«Я могла бы столкнуть его с лестницы», — подумала Вэл, дрожа от сдерживаемых эмоций. Я не буду, не смогу... но, боже, прости меня, я хочу.

Она ждала за его спиной, но Джейсон поднял руку.

— О нет, нет. Я не позволю тебе ударить меня дубинкой или чем-то еще сзади. Сначала дамы.

— Я не знаю дороги, — решительно сказала Вэл, потрясенная тем, что он так легко ее прочитал. Даже он сам знает, насколько отвратителен.

Или, может быть, она настолько предсказуема.

— Я проведу тебя, — сказал Джейсон. — Ты не должна так сердиться на меня. Ничего личного. Я просто использую эту ситуацию в своих интересах. Только не говори мне, что ты не сделала бы то же самое. Налево, сюда.

Вэл неохотно повернулась, из-за всех сил стараясь не оглядываться, и надеясь, что этот подоконник не пялится на ее задницу.

— Уверена, что Гитлер и Сталин говорили то же самое.

Это заставило его рассмеяться, к ее большому раздражению и отвращению.

— Это игра, а не диктатура.

— Прямо как в шахматах? — Во всяком случае, так было с Гэвином. Победы и поражения, с людьми как простыми фигурами, которые можно обыграть — или взять силой. — Вся власть у одного человека. А еще отсутствие всяких моральных понятий. Логика, основанная исключительно на инстинктах, от чего никто никогда не сможет научить машины играть в шахматы.

Джейсон рассмеялся, и у нее возникло детское желание закрыть уши ладонями, пока он не остановится.

— Очень жаль, что ты не в нашей команде.

— Почему?

— Правильно, потом прямо. Потому что ты на самом деле довольно умна — в отличие от остальных своих товарищей по команде — и все же понятия не имеешь о преимуществе,

которое у тебя есть... И ты даже не пользуешься им. — Он печально покачал головой. — Это жалко, действительно жалко. Какая пустая трата времени. Если бы ты использовала его правильно, ты могла бы много достичь.

— Тогда почему ты им не пользуешься? — рявкнул Вэл. — Что тебя останавливает? Обычная порядочность?

— Биология, — сказал Джейсон с явной ухмылкой.

Прежде чем она успела ответить на это загадочное заявление, они вошли в гостиную. Все было почти так же, как они оставили: стулья красного дерева, молчащий телевизор, недоеденная еда и восточный ковер — все на своих местах. По какой-то причине, которую она не могла объяснить, это казалось неправильным.

— Что ты имеешь в виду? В чем мое преимущество? — спросила она, обернувшись, только чтобы обнаружить, что Джейсон исчез. Без единого прощального слова он оставил ее в красивой, но жутко пустой комнате.

Одна. Наконец. Ей хотелось пить — во всяком случае во рту пересохло. Она налила себе чуть теплого напитка, который потягивала, осматривая гостиную. Тщательный обыск стульев не дал ничего, кроме ворса и десятицентовой монеты, которая, должно быть, выпала из кармана одного из игроков. Вэл была немного разочарована — она надеялась найти еще одну шахматную фигуру или, по крайней мере, какое-то указание на то, что она должна делать в этой игре, — но в основном она почувствовала облегчение, что свободна от этого мрачного, затененного коридора. И Джейсона тоже, если уж на то пошло.

Ей придется быть намного осторожнее с Джейсоном и определенно избегать гроссмейстера любой ценой — не то, чтобы она уже этого не делала, но он всегда, казалось, находил ее, когда она была одна. Как будто он следил за ней.

Нет, дела у нее не очень. О каком преимуществе говорил Джейсон? Конечно, он не имел в виду штрафной раунд? Он сказал что-то о биологии. Штрафной раунд не может быть преимуществом. В противном случае он назывался бы «бонусным раундом», и это было бы вознаграждение, а не наказание.

Вэл огляделась в поисках мусорной корзины и, не найдя ее, просто бросила стакан на пол, испытывая злобное удовольствие от того, как темная, вязкая жидкость запятнала дорогой на вид ковер. «Вот тебе, сукин ты сын». Она обошла лестницу, осматривая первый этаж. Миновала просторную столовую с висящей люстрой, ванную и огромную библиотеку, полки которой тянулись до самого потолка. Однако ни одна из комнат не давала никаких подсказок, и Вэл продолжила путь дальше.

Она заметила изображение совы в рамке и вздрогнула, увидев большие фальшивые глаза, уставившиеся на нее. Очень жутко. Она не удивилась. Вэл прикусила губу, оглядывая комнату, гадая, дверь была открыта, потому что ее уже исследовали? Но нет, из-под подушки выглядывала белая пешка, едва заметная среди безвкусного клетчатого

узора пледа. Как и другая фигура, она тоже содержала послание. Вэл развернула бумагу, читая надпись: «*Эта игра*». В записке два слова, по-видимому, чтобы показать, что они связаны. «Какая игра?» — Вэл задумалась, а затем отругала себя за это. Шахматы, очевидно. Речь всегда шла о шахматах, всегда о захвате.

Потом выпало что-то еще, на другой бумаге. Почерк тоже отличался. Чернила выглядели темнее, буквы выведены поспешнее. Слова, которые в ней содержались, заставили

Вэл замереть от другого вида страха.

«Позади тебя».

Дверь за ней захлопнулась.

Глава 13

«Прорыв»

В шахматах пешечный прорыв — тактический эндшпильный прием, применяемый для образования проходной пешки

Вэл знала, кто стоит за ней, даже не оборачиваясь. Тем не менее, она подпрыгнула, чуть не опрокинув ночник с изъеденным молью абажуром.

Гэвин.

Мерцающий свет придавал его угловатым чертам еще более угрожающий вид, и от его тела, казалось, исходил ледяной холод, хотя это можно объяснить сквозняком от быстро захлопнувшей двери.

Мгновение ни один из них не двигался, его поза казалась угрожающей, а ее — настороженной. Она ненавидела то, как сжалось ее сердце, когда оторвала взгляд от лампы, которую поддерживала дрожащей рукой, и увидела, как он улыбнулся, потому что сжалось оно совсем не из-за страха. Злодеев всегда выставляли уродливыми в книгах и фильмах. Обязательное условие. Потому что, если бы они были привлекательны — если бы их внешность соответствовала их обаянию и хитрости — они казались бы не только опасными.

Они стали бы неотразимы.

Вэл прерывисто вздохнула и сделала шаг назад, проклиная себя за такие мысли. Гэвин ответил на ее отступление шагом вперед, опустив скрещенные руки по бокам. По его лицу можно было догадаться о его намерениях; в конце концов, это часть игры. Лучше преследовать добычу, которая знает о своем преследовании, потому что страх заставит ее бежать быстрее и сражаться сильнее.

А он любит хорошую погоню.

(Ничто не ново под луной)

Все изменилось, и все осталось по-прежнему.

— Чего ты хочешь теперь? — Вэл старалась говорить вызывающе, враждебно. Вопрос прозвучал как жалкая мольба.

Он прикрыл глаза. Она наблюдала, как его вес переместился вперед, как будто Гэвин собирался сократить расстояние между ними, а затем передумал и принял одну из своих расслабленных поз. Но не сутулится — никогда не сутулится. Вэл никогда не заставляла Гэвина с опущенной головой. Однако его взгляд был внимательным и задумчивым, как смотрят на картину, словно он пытался найти в ней какую-то сложную символику.

Фарфор под ее дрожащей рукой грозил треснуть. Она все еще держала лампу; казалось, что основание может просто сломаться в ее руках. Вэл подумала, что тоже может сорваться, если ей не за что будет держаться, если ей придется иметь дело с фигурой из ее кошмаров... в одиночку.

— Не надо так на меня смотреть. Я не собираюсь нападать на тебя, — Вэл напряглась, и его улыбка превратилась в страстную ухмылку. — Но я могу тебя слегка укусить.

Вэл открыла рот, чтобы повторить свой вопрос, но тут же передумала.

— Держись от меня подальше, — предупредила она, отступая назад. — Н-не подходи ближе.

— Не вижу, как я могу устоять. Не тогда, когда ты смотришь на меня своими полными страха глазами.

Она крепче сжала рукой горлышко лампы и швырнула ее в него — это произошло так быстро, что она едва осознала, что делает, ослепленная яростью и страхом, которые бурлили в ней, как шампанское. Гэвин упал на пол, вскинув руку, чтобы защитить лицо, когда лампа разбилась о закрытую дверь, осыпав его спину осколками фарфора и стекла.

В небольшом пространстве между ними грохот прозвучал как гром. Слышал ли его кто-нибудь из остальных? Она вспомнила приглушающий эффект стены. Скорее всего, нет.

Он снял свой белый пиджак и галстук, бросив их на пол, а не просто стряхнув. Выражение его глаз стало таким же острыми и жестким, как и блестящие осколки, которые окружали его. Вэл автоматически сделала еще один шаг назад при этом взгляде. Она уже видела его однажды — холодный, решительный, не способный на милосердие.

— Ладно. Чем обязан такому бурному приему?

Вэл подпрыгнула, когда соприкоснулась с краем кровати. Бежать некуда. Она вцепилась руками в покрывало, собираясь с духом.

— Я... — Она облизнула пересохшие губы, и он проследил за ее движением. Сердце Вэл глухо стучало в груди, и кровь, казалось, превратилась в тяжелую грязь в ее венах. — Я ненавижу тебя, — проговорила она. — Жаль, что ты не в тюрьме. Я бы хотела, чтобы ты был...

— Мертв? — Он тонко улыбнулся.

— Ты распускаешь обо мне слухи. Лжешь. Своей команде, — она заставила себя посмотреть ему в глаза. На свету они казались еще более пугающими — бледно-серые, без синевы, с пятнышками более темного серого и золотого в радужной оболочке. «Красивые глаза, — подумала она. — Смертоносные. У тигров такие глаза. Как и у змеи». — Джейсону, — злобно добавила она. — Что мы... то есть... ты...

— Да? — сказал он. Мягко. Опасно.

Ее сердце снова предупреждающе забилося. Но она не могла заставить себя произнести это. Потому что Вэл не совсем понимала, что именно. Все, что она знала так это то, что у Джейсона почему-то сложилось впечатление, что у них с ГМ были какие-то... ну, физические отношения.

«И я не могу это опровергнуть, потому что они потребуют доказательств. Я знаю, что так и будет. А я не могу ничего доказать, не сказав правды...»

Потому что, хотя правда могла бы освободить, вместо нее под угрозой оказались бы ее друзья.

— Сукин сын, — прошипела она, гнев на мгновение пересилил страх. — Ты обманул меня.

— Прошу прощения?

— Вот почему ты хотел, чтобы я держала правду в секрете. Ты понимал, что кто-нибудь узнает... — Вэл украдкой взглянула ему в лицо. В нем не было ни возмущения, ни негодования, только легкое веселье. — Что ты ему сказал?

— Ты ведешь себя как истеричка, Вэл.

— Что ты сказал Джейсону?

— Ты только посмотри на себя. — Он подошел ближе, чтобы взять ее за подбородок, и

их тела соприкоснулись. — На краю пропасти, один шаг отделяет от безумия. — Вэл отстранилась от него, перенеся вес тела на руки, чтобы не упасть совсем. Гэвин улыбнулся и наклонился ближе, пока она не оказалась подвешенной под неудобным углом над матрасом на трясущихся руках.

— Единственный, кто здесь сошел с ума, — это ты.

— Это значит, что ты попала в ловушку с сумасшедшим, моя дорогая. Психопатом, — он растянул слово. — Твоя подруга увидела фатальный изъян в этой линии рассуждений гораздо быстрее, чем ты. — Увидев выражение ее лица, он продолжил:

— Угу. Она умная девочка, твоя Лиза. Она подозревает, что что-то происходит, хотя и не совсем уверена, что именно. Тебе придется избегать ее, если хочешь, чтобы наше маленькое соглашение оставалось в силе. И я уверен, что ты не хотела бы, чтобы она видела тебя в таком положении. — Он с силой надавил на нее, используя свой вес, чтобы согнуть ее руки и опрокинуть на спину. — Кто знает, к каким диким выводам она может прийти?

Его пальцы обхватили ее горло, как ошейник.

— Нет, тебе лучше надеяться, что я... — он сделал глубокий вдох, — настоящий оплот здравомыслия. Хотя бы ради твоей подруги. Разве ты не согласна?

Она не могла дышать; она была вынуждена отступить, ослабить его хватку, скользя по его телу и еще крепче в его объятиях. Его запах, само его присутствие — все это действовало ошеломляюще на Вэл. Ей пришлось закрыть глаза, чтобы не впасть в сенсорную перегрузку, чтобы ее разум не сошел с оси и не вышел из-под контроля. Когда она снова смогла посмотреть на него, его лицо было в нескольких дюймах.

— Ты не согласна?

— Нет.

— Нет? — повторил он, пробуя на вкус это слово и его вызов. — Боже мой, ты что же решила очернить меня? Ладно. Эту роль я могу сыграть очень хорошо.

— Не роль, — выдохнула Вэл. Она попыталась вырваться, но он сжал ее горло, словно в тиски. — Правда.

Гэвин покачал головой, позволяя свободной руке скользнуть по ее лицу, и она поняла, что ее щеки мокрые от слез.

— Не играй с вещами, которых не понимаешь. Проиграть гораздо проще, чем ты думаешь. — Он расстегнул свой воротник, затем пуговицы наполовину, так же ловко одной рукой, как многие — обеими. — Итак. Давай поиграем.

А потом он поцеловал ее.

Чарли сжимала черного коня до тех пор, пока его основание не образовало красноватый отпечаток на ее ладони, и пальцы не начали болеть в тупом протесте. Она не обращала на это внимания. Боль внутри была гораздо сильнее, скорее горькой, чем сладкой, с оттенком гнева, когда она смотрела, как эти двое возятся на кровати.

Вэл сама сказала, что не интересуется ГМ, что у нее уже есть парень, так как же, черт возьми, это называется? Лицемерная маленькая шляха. Очевидно, она просто хотела его для себя.

Не то чтобы Чарли могла ее винить. Ну, да, могла — и делала это, — но она понимала причину. Потому что ГМ действительно был совсем другим. Она беззастенчиво смотрела на него, на его наполовину застегнутую рубашку, на спутанные темные волосы на его груди.

Неужели он был таким волосатым по всему телу? Он тихо зарычал на Вэл, крепче сжимая ее горло и кусая ее губу.

Чарли могла ворваться в комнату, устроить большую сцену и вдобавок унижить Вэл. Одно это, возможно, стоило того, чтобы увидеть выражение лица этой суки. Она могла бы, но не стала. Такое поведение просто не в ее стиле.

В детстве Чарли видела родителей не часто, поэтому большую часть времени провела под присмотром своего дедушки — заядлого спортсмена, единственной целью которого, казалось, было подстрелить животное на каждом континенте. Иногда он брал с собой ее и ее брата-близнеца. Чарли наслаждалась этими прогулками, хотя ей не хотелось заходить в кабинет деда, где он хранил свои трофеи, из страха, что животные внезапно оживут, стеклянные глаза заискрятся ужасной мстостью и поглотят ее целиком.

Но если дед и научил ее чему-то, так это тому, что самые трудные достижения часто оказываются самыми стоящими. Тот факт, что он дополнил это лекцией об особенно свирепом сибирском тигре, которого убил в тайге, делал его не менее уместным уроком жизни.

На самом деле, если уж на то пошло, эта встреча может сделать его еще более актуальным.

Слабая улыбка появилась на ее лице, когда она представила, как хозяин этого дома опустился на корточки, как кот, ползая на коленях. Для нее. Образ оказался на удивление простым и довольно ярким. Со своей темной римской внешностью и худощавым мускулистым телосложением он напоминал ягуара. ГМ был симпатичным и высоким, но не держался неуклюже, сутулясь, как большинство мальчиков его роста. Конечно, он мог сколько угодно притворяться вежливым и любезным, но ничто в нем — даже его походка — не указывало на подбострастие.

Так почему Вэл? Может быть, эта невинность — просто представление. Может быть, ему нравилась идея о сопротивляющейся школьнице. Чарли, честно говоря, не находила в этом ничего привлекательного, если только ГМ не начинал запугивать. Что, если очаровательная сцена перед ней была каким-либо признаком его сексуальных наклонностей? Похоже на то. Правда, ГМ? Как предсказуемо.

ГМ взглянул на дверь — Чарли оставила ее открытой — и их глаза встретились. Она почувствовала, как по ней пробежала дрожь от одной только интенсивности выражения его лица. Он прервал связь и поцеловал другую девушку, долго и крепко, запустив свободную руку в ее рыжие волосы. Когда они снова встретились глазами, Чарли смогла прочитать там предупреждение. Это вывело ее из себя.

Но он все еще смотрел на нее из-под опущенных век, и мысль о том, чтобы вызвать его гнев, вызвала у нее трепет совершенно другой природы. «Прекрасно, — подумала она, пытаясь убедить себя, что ей действительно все равно. — Пусть он получит эту тупую шлюху, если это то, чего он хочет».

Она последует совету дедушки. Она подождет. Чарли почти повеселела, уходя. Она даже не заметила клочка бумаги, выпавшего из ее кармана. Подсказка гласила: «*королева*».

Как муха, внезапно попавшая в ядовитую паутину, к тому времени, когда Вэл обнаружила надвигающийся захват, было уже слишком поздно. Она забыла, насколько основательными — нет, агрессивными — были его поцелуи. Как в то время, которое теперь, казалось, другой эпохой, он однажды поцеловал ее так сильно, что она едва могла вспомнить

свое собственное имя, не говоря уже о том, чтобы стоять.

В мгновение, которое он дал ей, чтобы перевести дыхание, Вэл смогла различить терпкость розы, пряность сандалового дерева и мускусный, мужской аромат, который был присущ только ему. «Мы уже играли в эту игру раньше — и я проиграла».

Вэл пришла в себя, когда он начал расстегивать ее блузку. Она вскрикнула и толкнула его в грудь, рванув колено вверх. Он повернул бедра, чтобы избежать удара, и переместился так, что ее ноги оказались зажаты его мускулистыми бедрами. Гэвин легко провел пальцами по ее обнаженной ключице.

— Не волнуйся. Я только хочу немного поиграть с тобой.

Ее живот предательски сжался. Только не это снова.

Она схватила его за горло, пытаясь обхватить пальцами цепочку. Он издал резкий звук, когда воздух резко прекратил поступать в его легкие. Схватил за руки, рухнув на нее, так как больше не удерживал свой вес на руках... Вэл захрипела, когда двести с чем-то фунтов веса Гэвина выдавили то драгоценное количество воздуха, которое осталось в ее легких. Она чувствовала каждое движение его тела, когда он пытался дышать.

Он был таким ошеломляющим, когда ей было четырнадцать. И все еще оставался. Возможно, даже больше сейчас, в этот момент, потому что теперь она знала, в какие игры играют мужчины и женщины в темноте.

Но, несмотря на все это, он все равно всего лишь человек.

Она усилила хватку, завязывая металлические звенья вокруг костяшек пальцев, чтобы еще крепче затянуть их вокруг его шеи.

Его глаза сузились, и он оторвал ее руки от цепочки с гораздо большей силой, чем это было необходимо. Она вскрикнула, когда один из ее ногтей зацепился и сломался.

— Хорошо, — прохрипел он, — мы можем играть грубо.

Он снова поцеловал ее, сильнее, стягивая рукава ее свитера вниз по рукам, чтобы заломить запястья за спину, заставляя ее тело выгнуться неестественной дугой, ближе к нему. Даже если запугивание было его первоначальным намерением, его мотивы быстро смещались в сторону секса.

Их зубы стукнулись друг о друга, когда он открыл ее рот достаточно широко, чтобы языком проникнуть внутрь, прежде чем она смогла его укусить. Она крепко прижимала свой к дну рта. Вэл почувствовала, как он улыбнулся, когда поднял ее язык вместе со своим, поглаживая чувствительную нижнюю сторону в грубой ласке.

Она напряглась, пытаясь высвободить руки. Лучшим способом, конечно, было бы извиваться взад и вперед, используя свой собственный импульс, чтобы стянуть свитер с рук. Но это движение включало бы в себя трение о него, как он, несомненно, знал. Вэл отстранилась, пытаясь освободиться, чтобы сильно укусить его, и задохнулась от смешанного ужаса и возмущения, когда почувствовала, как он аккуратно скользнул рукой в ее расстегнутую блузку.

— Ты такая теплая. Почти горячая. — Его руки были немного больше, чем у Джеймса, грубые и незнакомые на ее коже. — И твое сердце бьется, как крылья маленькой птички.

— Прекрати. Пожалуйста, остановись.

— Не думаю, что я делаю что-то не так, — сказал он грубым голосом. Его пальцы играли на покалывающей поверхности ее кожи, заставив Вэл замолчать. С довольной улыбкой он перевел взгляд с ее губ на шею. Она задрожала, когда он двинулся вниз по ее горлу, посасывая плоть достаточно сильно, чтобы сломать тонкие кровеносные сосуды,

которые располагались близко к коже. Гэвин бросил на нее обжигающий, вызывающий взгляд и опустил ниже, отодвинув ткань ее блузки в сторону, чтобы заменить пальцы своим ртом. Там, где его губы коснулись, ее кожа загорелась. — Разве ты не этого хотела?

Нервные окончания зашипели, и ее мозг отключился.

— Джеймс.

Его зубы довольно сильно впились в ее плоть при звуке имени ее парня, и возникшее в результате ощущение, как стрела, пронзило ее грудь. Она дернулась под ним, как рыба, пойманная на крючок.

— Да. Джеймс когда-нибудь так прикасался к тебе, Вэл?

Она кивнула. Она бы кивнула на что угодно, если бы думала, что это заставит его отпустить ее.

В ответ он поднял голову с той же величественной грацией, что и тигр, и поцеловал в губы, позволяя своим бедрам прижаться к ее, пока она не почувствовала каждый дюйм его тела через джинсы. Теперь он дышал тяжелее, но это не помогло скрыть холодную, жестокую напряженность в его глазах.

— Лгунья, — тихо сказал он.

Она бы закричала на него, если бы не боялась, что кто-нибудь — Джеймс, о боже — может ее услышать. Вэл едва ли могла представить себе более компрометирующую ситуацию, когда они оба полуодетые, на кровати, в комнате, наполненной чем-то слишком темным и извращенным, чтобы быть просто похотью. Ее руки теряли чувствительность и гудели от онемения, которое имитировало панику в ее крови.

— Откуда тебе знать?

— Знаю, потому что ты плохая лгунья и целуешься лишь немного лучше. Он явно пока не получил тебя. И поскольку еще не научил тебя, как удовлетворять его собственные потребности, он, несомненно, даже не подумал о твоих.

— Заткнись, — она не узнала свой голос. — Ты ошибаешься.

— Я никогда не ошибаюсь. — Он сунул ей в руку что-то твердое, а затем поднялся на ноги, давая возможность освободиться. Холод ворвался, чтобы занять его место, и она неловко застегнула блузку. — Я буду ждать снаружи. Как только ты успокоишься, встретимся там.

Вэл неуверенно посмотрела на свою ладонь. Она держала в руках белого короля.

Подсказка: «*жизни*».

Содрогнувшись от отвращения, Лиза выпутала паутину из своих длинных светлых волос.

— Все, — сказал Блейк, осторожно снимая тонкую нить. — Это всего лишь паутина. Нет никакого паука.

— Как будто это имеет значение, — кисло проговорила Лиза. — Она все равно липкая, жуткая и отвратительная.

Блейк пожал плечами, позволяя паутине упасть на пол.

— Для паука это дом.

Идея подняться наверх принадлежала Лизе. Они уже просмотрели нижние комнаты на наличие шахматных фигур — во всяком случае, тех, которые смогли найти, — и Лиза не собиралась позволять парням принимать все решения. Кроме того, она надеялась заглянуть в спальню ГМ, хотя бы для того, чтобы хоть что-то узнать о личности их таинственного

хозяйина. Она начинала сожалеть о своем решении.

— Я возвращаюсь вниз, — объявил Джеймс.

— Почему? — Лиза оторвала взгляд от двери, которую пыталась открыть. — Ты тоже боишься этих ползучих тварей?

— Пойду поищу Вэл, — пробормотал он. Лиза смотрела ему вслед, молча качая головой.

— Возможно, это неплохая идея, — заметил Блейк. — Ее не было ужасно долго.

Лиза ударила плечом в дверь.

— Что не так с этой штукой?

— Она заперта, Лиза, — сказал Блейк рассудительным голосом, который ей не понравился. — Давай попробуем другую.

— Он не стал бы ее запирать, если бы ему не было что скрывать, — заметила Лиза.

— Или, может быть, он просто не хочет, чтобы гости шныряли по его комнате.

Глаза Лизы сузились.

— Я не шпионю!

Блейк приподнял рыжеватую бровь, но ничего не сказал. Ее раздражение возросло.

— Не смотри на меня так. Я не шпионю.

— Тогда что именно ты делаешь?

— Я... веду расследование. Потому, что беспокоюсь о Вэл! — добавила она, когда Блейк никак не прокомментировал ее заявление. — ГМ вызывает опасение. Я хочу побольше узнать о нем и о том, почему он интересуется Вэл. — Хочу убедиться, что в его шкафах нет настоящих скелетов.

— И почему он не хочет назвать нам свое имя?

— И это тоже. — И почему он угрожал мне. Почему Вэл так его боится. Почему Джеймс отказывается выступить против него. И почему белая команда совершенно счастлива выступать в качестве его пешек. — Я думаю, это действительно странно, что нет семейных фотографий.

— Некоторые семьи не занимаются подобными вещами.

— Возможно, что там, по крайней мере, будут детские фотографии, фотографии из детского сада, школьные фотографии, фотографии выпуска или выпускного вечера — что-то в этом роде. Я имею в виду, не то чтобы он плохо выглядел. — Как раз наоборот. Возникшая пауза показалась более долгой, чем обычно, что побудило Лизу добавить: — Блейк?

Тишина.

Лиза медленно обернулась. Ее встретил пустой коридор.

— Блейк? — Он был здесь минуту назад. Куда, черт возьми, он исчез? — Блейк! — повторила Лиза, отступая от двери. — Черт возьми, Блейк, — пробормотала она, подтягивая лиф платья. — Это начинает превращаться в плохой фильм ужасов.

Узкий коридор разветвлялся на несколько дверей, освещенных одинокой лампочкой, лениво покачивающейся на потолке. Что-то в этом образе показалось ей неправильным. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что:

Никакого ветерка.

Глава 14

«Притяжение»

В шахматах притяжение - это тактический мотив, обычно связанный с жертвой, которая заманивается или заманивает фигуру противника, часто короля, на поле, где ее новое положение может быть использовано с помощью тактики, благоприятствующей атакующему.

«Жизни».

Слово растянулось по белой бумаге паучьим почерком — расплывчатым и приводящим в бешенство, как и он сам. И это все? Она взглянула на то место, где несколько мгновений назад стоял Гэвин. Он ушел, хотя оставил дверь приоткрытой. Дразнил ее. Бросил ей вызов, предлагая следовать за ним. После всего этого... Она быстро застегнула блузку, чувствуя такую сильную волну отвращения к себе, что не смогла устоять его натиску.

Даже сейчас она слишком остро ощущала прикосновение одежды к своей коже: сладкое касание, которое гудело от глухих отголосков еще не реализованного удовольствия. Он вызвал в ней томление, и она ненавидела его за это, потому что с Джеймсом такого никогда не было — и Вэл казалось неприятным думать о том, что это может говорить о ней.

Битое стекло хрустело под ногами, когда она шла к двери. Ей хотелось его ранить, чтобы из-за ее нападения у него пошла кровь. Только один раз.

Гэвин стоял, прислонившись спиной к стене, согнув одно колено и сложив руки на груди, и даже не потрудился застегнуть рубашку. Легкая испарина на ее спине превратилась в кристаллики инея. «Он как будто напоминает мне, что не закончил то, что начал».

Она отвела взгляд, слишком поздно поняв, что это может быть воспринято как признак слабости. Ей нужно выбраться отсюда. Она боялась того, что может сделать, если задержится в его присутствии еще на мгновение. Слезы казались наиболее вероятными, и будь она проклята, если позволит ему снова увидеть ее плачущей, но насилие тоже начинало казаться жизнеспособным вариантом. Когда швырнула в него лампой, ей показалось, что ее здравый смысл был уничтожен раскаленной добела яростью. Часть ее хотела убить его.

«Если ему удастся лишить меня самообладания, он победит. Я не позволю ему быть моим хозяином. Я сама себе хозяйка. Больше никто».

Он все еще ничего не сказал, поэтому она отвернулась и быстро пошла в противоположном направлении. Вэл услышала звук, который мог быть смешком, но легко мог быть предупреждением. Должно быть, последнее, потому что через несколько секунд он схватил ее за плечи.

— Я не помню, чтобы говорил, что ты можешь уйти.

— Говори, чего хочешь, или проваливай, — сказала она дрожащим голосом.

— Ах, Вэл — само очарование. Но ведь ты никогда за словом в карман не лезешь.

Вэл отстранилась, и он позволил ей. Она отступила на несколько шагов, прежде чем рискнула оглянуться. Он не двигался и наблюдал за ней с едва скрываемым весельем. На его лице появился румянец, которого раньше не было.

— Ты, — проговорила она дрожащим голосом, — ты — пятьдесят разных видов извращенцев.

— Всего пятьдесят? Вэл, ты ранишь меня.

— Я хочу уйти.

— Без твоего подарка?

— Я ничего не хочу от тебя. Я просто хочу уйти.

— Ты даже не знаешь, что это.

— Мне все равно. С тобой ничто не дается бесплатно.

Гэвин вытащил конверт из кармана брюк, каким-то образом умудрившись при этом сделать шаг ближе.

— Как это верно.

Вэл настороженно посмотрела на него, ее внимание колебалось между кусочком пергамента и его владельцем. Конверт выглядел точно так же, как приглашение, которое она получила раньше.

Однако это письмо — если это действительно письмо — запечатано воском. Ее имя было написано чернилами, которые блестели, как слюда. Она потянулась к нему, сдержала порыв и скрестила руки на груди.

— Я сказала нет.

— Я же не прошу тебя продать мне свою душу. — Он ткнул ее конвертом под подбородок. — Только не открывай, пока я не скажу.

— Как ты узнаешь? — тупо спросила она, глядя на конверт и взвешивая его в руках. Как он туда попал? Она не помнила, чтобы брала его у Гэвина.

— Что именно?

Ей потребовалось мгновение, чтобы осознать, что она сказала.

— Я... как ты узнаешь? Ч-что, если я просто прочитаю его, когда ты уйдешь?

На мгновение он, казалось, опешил, как будто такой масштаб неповиновения был выше того, что он мог ожидать от нее. Но потом Гэвин рассмеялся, и она подумала, не ожидал ли он такого ответа в конце концов. В любом случае, он так быстро восстановил самообладание, что это уже не имело значения.

— Это было бы жульничеством. Думаю, мы оба знаем, как это согласуется с твоим... моральным кодексом.

Конверт сморщился, когда она крепче сжала его.

— Я не жульничаю, — прошипела она.

Он бросил на нее многозначительный взгляд, который заставил Вэл внутренне содрогнуться. Она стиснула зубы и молилась, чтобы едва заметные движения ее тела не были такими предательскими в темноте.

— Но раз уж ты спрашиваешь, я смогу сказать, сломала ли ты печать. Возможно, не сразу... но достаточно скоро.

Она непослушно ковыряла воск, отчего красноватые крошки осыпались на пол.

— Ну и?

— Не думаю, что это в твоих интересах. Будут последствия. Залог, можно сказать, для того, чтобы обеспечить соблюдение этого соглашения обеими сторонами. — Он дернул за свою цепочку и сказал. — Особенно твоей.

Рука, державшая конверт, сжалась в кулак.

— Что...?

— Если ты откроешь конверт... если, конечно, решишь бросить мне вызов, — ты уделишь мне семь минут своего времени.

Семь минут?

— Я... я знаю эту игру, — тихо сказала она.

— Тогда мне не нужно объяснять тебе правила.

— Но... это же детская игра. Ты хочешь сыграть в детскую игру в течение... в течение семи минут? — С таким же успехом она могла бы просто поцеловать ублюдка прямо сейчас

и покончить с этим. Это не хуже того, что он уже сделал с ней.

— Ты не ребенок, — сказал он. — И не связана детскими правилами — или детским воображением, если уж на то пошло. Да, теперь ты начинаешь понимать, — проговорил он, когда ее черты изменились в нечто, что, должно быть, напоминало ужас. — У тебя по-прежнему хорошее воображение, Вэл? Оно тебе понадобится... чтобы поиграть со мной.

Вэл ударила его. А потом еще раз. И еще. Не имело значения, что ему удалось увернуться от двух из них; это заставило ее почувствовать себя лучше. По крайней мере, ее атака стерла довольную ухмылку с его губ.

— Тогда заведи его обратно, — отрезала она между ударами. — Заведи его обратно!

— Не думаю, что тебе понравятся последствия этого. — Он ухитрился поймать один из ее кулаков и рассеянно сжал, заставив ее вскрикнуть. Она почувствовала, как он обхватил ее другое запястье. — Или, возможно... ты их ждешь.

Она пнула его ногой — сильно. Он зашипел от боли и удивления, и его хватка ослабла. Вэл выскользнула из его рук, потирая запястья. Все, что она могла слышать, было ее сердцебиение. Гэвин посмотрел на нее, слегка прищурив глаза, решая стоит ли приближаться к ней.

— Я его не открою. — Вэл сунула конверт в карман джинсов. Или пыталась. У нее не вышло с первого раза, руки слишком сильно дрожали.

— Никогда не знаешь наверняка, — задумчиво произнес он. — Всякое может случиться. И, вспомнив его недавнюю угрозу, она подавилась.

Лампочки не могли двигаться сами по себе. Без какого-либо сквозняка... или кого-то, кто вызвал бы этот сквозняк. В тот момент, когда эта мысль пришла ей в голову, Лиза резко развернулась, чуть не упав на своих каблуках. «Как только приду домой, отдам их на благотворительность».

— Блейк? — Она понизила голос. — Джеймс? Вэл? — Она долго колебалась. — ГМ?

Лиза потеряла голые руки. Ей вдруг стало холодно, и она уже начала задаваться вопросом, не было ли где-нибудь открытого окна — здесь было довольно пыльно и отвратительно, когда кто-то схватил ее за руку сзади. Она испуганно вскрикнула.

— Какого черта? Кто там?

— Я, — сказал кто-то, совершенно не внося ясности.

Однако она узнала голос. Только один человек был настолько несносным, настолько социально неполноценным, что счел бы это приемлемой формой приветствия.

— Джексон.

— На самом деле, — голос звучал оскорбленно — Джейсон.

— Мне все равно, хоть Санта Клаус, — холодно сказала она. — Отпусти меня сейчас же.

Он прищелкнул языком. Ей захотелось дать ему пощечину. Все, что он делал, вызывало у нее желание дать ему пощечину.

— Почему у меня такое чувство, что я тебе не очень нравлюсь?

— Наверное, потому, что это так и есть, ты, одна сплошная ошибка природы, — огрызнулась она. — Клянусь, если ты не отпустишь меня прямо сейчас...

— Знаешь, — перебил Джейсон, — ты не так глупа, как я думал. Когда впервые увидел

тебя, то решил, что ты пустышка.

— Забавно, — сказала Лиза, невольно начиная пугаться. — Я считала тебя придурком.

— Но ты не дурочка, — закончил он спокойно, как будто она ничего не говорила. — Видишь ли, я подслушал часть твоего разговора с ГМ, так что знаю. Так почему же ты притворяешься той, кем не являешься?

Лиза дернула рукой.

— Отпусти, Джейсон.

— Ты правильно произнесла мое имя. Хорошее начало.

Тонкие щупальца страха захватывали ее разум. Она чувствовала, что вот-вот потеряет контроль над собой. Лиза сжала руки в кулаки, поморщившись, когда ее длинные ногти впились в ладони.

— Чего ты хочешь? — резко спросила она после бесконечного молчания.

— Партнерство.

— Обратись к своей собственной команде.

— Я бы с удовольствием, — последовал сухой ответ, — но у ГМ и Чарли свои собственные планы, а Brent... ну, Brent просто тупой. Не самый лучший материал для работы.

— Мое сердце обливается кровью за тебя, — Лиза отложила в сторону информацию о Чарли и ГМ. Ей было интересно, что они делают, когда ходят сами по себе. Использовал ли ГМ это время, чтобы преследовать Вэл? Джейсон, вероятно, знал. Он уже зарекомендовал себя как шпион. Плюс подражание тактике запугивания ГМ, в придачу. У него не особо получалось, он слишком жалок, чтобы это работало хотя бы наполовину так же эффективно.

Хотя даже половина этой эффективности могла напрягать.

— Так что отвали, — добавила она. — У меня есть своя команда, и, в отличие от твоей, мы на самом деле сплочены.

— О, действительно, — усмехнулся он. — Вэл, кажется, сама часто исчезает. И Джеймс тоже.

Что-то в его словах ее задело, хотя она не могла понять, что.

— Не имеет значения, — парировала Лиза. — У нас еще есть Блейк, и он вдвое умнее, чем ты думаешь.

Даже в темноте она увидела, как напряглось его лицо. И у нее было время подумать, черт возьми, прямо перед тем, как он набросился на нее.

Она уже достаточно далеко отошла, направляясь в сторону от гостиной, и теперь коридор начал расширяться, когда Вэл подошла к тому месту, где появилась лестница.

Толстый конверт сморщился, когда она повернулась, чтобы рассмотреть развилку, напоминая ей о своем присутствии.

Пыль густо висела в воздухе, и когда Вэл вдохнула в следующий раз, ее рот наполнился ею. Она закашлялась и сухо сглотнула, поморщившись от того, насколько громким был звук в тишине. Она пожалела, что не догадалась стащить бутылку воды со стола в столовой, но ее мысли, конечно, были заняты другими вещами. Она плотно прикрыла рот в тщетной попытке заглушить звук и услышала крадущееся движение, лишь частично затмеваемое ее собственным.

Она быстро осмотрела оба конца коридора, прежде чем резко повернуться на звук

сверху. Вэл замерла, как кролик. Судя по столам деревянных досок, кто-то спускался по этим ступеням. Однако, в отличие от лестницы в собственном доме Вэл, эта лестница имела небольшой изгиб, так что кто-то на одной из верхних ступеней мог видеть те, что внизу, не будучи замеченным.

«Меня видят? Смотрят на меня прямо сейчас?»

— Вэл?

Ошеломленное, испуганное выражение лица медленно сменилось облегчением.

— Джеймс?

Он шагнул вперед, и она смогла его увидеть. Его лицо было напряженным, серьезным, а руки крепко сжаты по бокам. Джеймс выглядел таким же напряженным, как и она, и это причиняло Вэл боль. Словно он испытывает те же страдания, что и она сама.

При этой мысли Вэл захлестнула волна... чего-то — не совсем привязанности или сочувствия, а скорее порыва, внушенного чувством долга и эмоциональной ответственности. Она подскочила к Джеймсу, обняла его за талию и вдохнула запах смягчителя ткани и «Олд Спайса» от его накрахмаленной черной рубашки. Это немного утешило, но не сильно.

Джеймс не ответил, но она почувствовала, как он напрягся под ее прикосновением. Она опустила руки и сделала медленный шаг назад. Пустота на его лице испугала ее.

— Джеймс?

Очень медленно он посмотрел на нее. Его глаза цвета морской пены горели мягким огнем, который просачивался в его черты, как капли воды с тающего ледника, медленно стекают в полноводный ручей. И она не могла не заметить, что он, похоже, не особенно рад ее видеть. С другой стороны, когда она видела его в последний раз, он не был другим. Потому что в тот раз, когда они встречались, она не смогла должным образом защитить его перед ГМ, несмотря на свои собственные страхи, и в порыве гнева он оставил ее — бросил ее — убежденный в предательстве до того, как она совершила преступление.

«Что если он видел, как Гэвин целует меня?»

Гэвин оставил дверь открытой. Возможно, в этом была какая-то цель. Убил двух зайцев одним выстрелом.

Или, может быть, Джейсон нарушил свое обещание, что означало бы, что она подставила Лизу ни за что.

Вэл с трудом сглотнула и еще раз украдкой взглянула ему в лицо. Теперь он смотрел на нее, и вспышка паники пронзила ее, как молния. Он знает. Ее желудок скрутило, как маленькую лодку, попавшую в отлив при шторме. Она снова опустила голову, стараясь не задыхаться. Каким-то образом он знает.

— Джеймс, я...

— Нам нужно поговорить.

Его слова и тон, которым они были произнесены, вызвали в ней волну холода.

— Я... я... могу объяснить...

— Я не хочу этого слышать, — Джеймс решительно покачал головой, и Вэл подумала, что ее сейчас вырвет. — У меня было некоторое время, чтобы подумать — потому что эта так называемая игра в значительной степени дерьмо — и... ну, я не очень хорош в таких вещах, но... — Он сердито вздохнул, и его челка негодующе взметнулась вверх. — Я вел себя как придурок. Там.

Это было так далеко от того, чего боялась Вэл, что на мгновение она могла только быстро моргать.

— Но...

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь, Лиза уже сделала мне внушение, — добавил он. — Она думает, что я должен был принимать в расчет твои, э-э, проблемы. — Затем, видимо, поняв, что это звучит не совсем как извинения, он поспешно добавил: — И она права. В этом. ГМ вел себя еще большим мудаком, и я не должен был оставлять тебя с ним наедине, когда он доставлял тебе столько неудобств. Особенно с тем... с тем, что, э-э, случилось. — Он сделал паузу. — Я чувствую себя никчёмным идиотом.

Услышав извинения, Вэл снова застыла. Джеймс ничего не заметил.

— Я не должен был позволять ему провоцировать меня. Не должен был вести себя как тупица, но он просто такой гребаный мудака — я имею в виду, ГМ, — и мне не нравится, как он разговаривает со мной, или как он смотрит на тебя. Я имею в виду как он пытается меряться яйцами... — Джеймс взглянул на нее, казалось, только сейчас осознав глубину ее беспокойства. — Ты дрожишь, — сказал он, казалось, удивленный. Его глаза сузились. — Он сделал тебе больно?

— Нет, — сказала она слишком поспешно.

«Но он это сделал. И тебе это понравилось, ты знаешь, что понравилось. Потому что в глубине души ты испорченная. Такая же, как он. Может быть, даже больше. В конце концов, тебе виднее — ты знаешь, какой он».

— Вэл...

— Нет, — прошептала она.

Под пронизательным взглядом своего парня она немного запнулась, румянец сошел с ее лица, оставив его бледным. И она покачала головой, вспоминая, как это было правильно, когда Гэвин лежал на ней, проводя тонкую грань между опасностью и смертью. Как он мог вытворять такие вещи своим ртом, которые она считала возможными только в книгах. Как она никогда не представляла, что сладкая боль может существовать отдельно от агонии, и, о, если он мог делать эти вещи ртом, что он мог сделать той самой частью своего тела?

Вэл подумала обо всем этом и вздрогнула так сильно, что чуть не споткнулась, и внезапно оказалась в объятиях Джеймса. У нее скрутило живот, болела голова, а сердце болело сильнее всего, и, прежде чем поняла это, она заплакала, хотя и обещала себе, что не будет.

Нарушать свои же обещания у нее получалось все лучше и лучше.

Джеймс выглядел испуганным. Или испытывающим отвращение. Возможно, и то и другое. Или, может быть, она просто проецировала на него свои собственные чувства. В данный момент она сама себе была противна.

— Вэл?

— Я не сумасшедшая, — прошептала она. — Нет.

— Я этого и не говорил. — Но его глаза выдавали, что он думал об этом.

Вэл отвела взгляд от его лица.

— Я знаю... Знаю, что то, что я думаю и говорю, может звучать именно так, но это не так. Как бы нелепо это ни казалось, ты должен мне поверить. Ты должен доверять мне.

«Ты должен доверять мне, потому что я больше не доверяю себе».

— Хорошо, но почему ты плачешь?

— Я не могу сказать тебе.

— Не можешь? — спросил он. — Или не хочешь?

— Я не знаю.

Она почувствовала, как он обнял ее, и зарылась лицом ему в плечо.

— Пожалуйста, прекрати. — Она почувствовала, как он обернулся, как будто боялся, что кто-то их увидит. — Вэл, пожалуйста. Не плачь. Не здесь. Не сейчас.

— Как же я ненавижу эту игру. Ненавижу белую команду. Ненавижу ГМ, — проговорила Вэл, но ее слова прозвучали приглушенно.

Джеймс еще ниже склонил голову. Даже если не совсем расслышал ее слова, он понял тон. И, естественно, предположил, что он причина, звезда, вокруг которой вращался мир его подруги.

— Прости.

Тепло его твердого тела было похоже на вход в безопасную гавань после сильного шторма. Джеймс иногда вел себя по-детски и раздражал, но это не делало его опасным. Опасность требовала более расчетливой, целенаправленной формы жестокости. «Мне нравится быть в безопасности, — сказала себе Вэл. — Мне не нравится, когда меня пугают».

Они стояли так несколько минут, и Джеймс с болью ощущал ее нежную кожу, сладкий запах ее волос, прикосновение ее груди к своей. И он понял, впервые с начала вечеринки, что они наконец остались одни. Он крепче обнял ее, притягивая ближе, а другую руку положил на талию, поглаживая промежутки между ее блузкой и джинсами. «Она чокнутая», — подумал он смиренно. Он задавался вопросом, правда ли то, что говорят, что сумасшедшие люди лучше в постели.

— Могу я поцеловать тебя?

Она кивнула. Его губы были мягкими, ненавязчивыми, и на вкус он все еще смутно напоминал сидр, который пил раньше, хотя он испортил его дыхание. Он поцеловал с неловкостью, которая была сведена к минимуму его уверенностью. Вэл закрыла глаза, и ее сердце дрогнуло от того, что одна и та же форма контакта может так сильно отличаться между двумя мужчинами.

«Мне это нравится, — вразумляла она себя. — Я предпочитаю это».

— Ох, вау. Это было... это было... Мятно, — пробормотал Джеймс, слегка улыбаясь, хотя выглядел смущенным. Но ничего не подозревающим. Ещё нет. — Ты жевала жвачку?

«Черт бы ее побрал!»

Шахматная фигура вылетела из его руки, на мгновение превратившись в опасный снаряд — по крайней мере, до тех пор, пока не столкнулась со стеной напротив и не упала на пол с грохотом, прежде чем закатиться под стол с тщательно расставленными шахматными фигурами, черными и белыми.

«Бежит прямо к нему, — он тяжело дышал. — Как будто он может защитить ее от меня».

Гнев снова пронзил его. Когда он с силой ударил кулаком по столу, организованные ряды шахматных фигур разлетелись в разные стороны. «Как будто она могла бороться со мной. Как будто могла сбежать, если бы попыталась».

Его лицо потемнело в ответ на какую-то личную, внутреннюю мысль, и он вздохнул.

— Нет, — сказал он вслух. — Вряд ли это уместно.

Он помолчал, наклонившись, чтобы поднять несколько осколков с пола. Набор был старым, вырезанный из слоновой кости и черного дерева, пропитанный историей — и

кровью. Он обнаружил, что держит королеву. — Здесь, — заключил он, — время и место для всего.

Он сел на край кровати, его лицо было изможденным в тусклом свете. Бледные глаза вспыхнули, когда он посмотрел вниз, чтобы рассмотреть деревянный кусок резного черного дерева в своей руке. Его большой палец путешествовал по изрядно потертым зарубкам, но мысли были заняты совсем другой фигурой — из плоти, а не дерева. Светлой, а не темной. Ее вкус все еще был у него во рту, соленый и сладкий, биение ее пульса, как пряное покалывание, обжигало кончик языка.

Его живот сжался, как кулак, когда он вспомнил ощущение грубого кружева и гладкого атласа, уступающего мягкой, обнаженной коже. Он сжал пальцы вокруг черной королевы, и откинулся назад.

— Всему свое время и место, — тихо повторил он, его гнев утих, но не исчез.

Через несколько минут он сел и глубоко вздохнул. Выпустил шахматную фигуру из рук и направился к двери, задержавшись только для того, чтобы взять цилиндр со стола.

Пришло время сыграть в другую игру.

Глава 15

«Рокировка под атаку»

Ситуация, когда одна ладья, и в результате король оказывается в большей опасности в месте назначения, чем на исходном квадрате при рокировке, либо сразу, либо потому, что линии и диагонали могут быть легче открыты против него.

Джейсона задело оскорбление его интеллекта или упоминание о Блейке, вывело его из себя? Первое? И то и другое? Вряд ли это имело значение. Лиза вскрикнула, когда его хватка усилилась — его руки были на удивление сильными — посылая боль в ее живот и заставляя ее на мгновение почувствовать, как будто ей срочно нужно пописать.

— Ты думаешь, что ты лучше меня, — прошептал он ей на ухо, голос был хриплым от гнева.

И кое-чего еще — похуже.

— Не думаю, — отрезала она. — Знаю.

— Хочешь знать, что я думаю? — Не обращая внимания на ее рычание, он продолжил: — Думаю, ты кое-что переоцениваешь.

— Заткнись.

— Но что? Жизнь, должно быть, так тяжела, когда ты красива. Хотя, возможно, ты не всегда была такой хорошенькой. — Она напряглась, когда другой рукой он провел по ее груди. — Ты гадкий утенок, Лиза? Неужели какой-то парень разбил тебе сердце, решив, что ты не годишься для того, чтобы сосать его член?

Она ткнула его локтем в ребра. Сильно.

— Сука. — Он крепче обнял ее за талию. Разворачивая ее. Лиза была готова к этому. Сморгнув слезы, она со всей силы ударила его коленом в промежность. Джейсон сразу отпустил ее, выдохнув:

— Какая же ты сука, — все следы превосходства исчезли с его лица и из голоса.

Джейсон согнулся пополам, обхватив одной рукой живот, а другой зажав свое достоинство. Он задыхался. Лиза надеялась, что его стошнит. Надеялась, что он подавится.

— Как больно, — заскулил он.

— Прекрасно. — Ее глаза все еще неестественно блестели. Она сделала шаг вперед, но сохраняя дистанцию. Лиза не думала, что он снова схватит ее — не сейчас, — но она не была уверена. — Где Блейк?

— Откуда, черт возьми, мне знать?

Лиза предостерегающе приподняла ногу, сначала задрав пятку, и обрадовалась, увидев, как он вздрогнул.

— Хорошо, — нервно проговорил он. — Хорошо. Ты раскусил мой блеф. Гардеробная в прихожей. Через две двери.

Ее так и подмывало пнуть его. Мгновение они смотрели друг на друга с взаимной неприязнью, как два зверя, сцепившихся в схватке. Ее ноги все еще дрожали. Она все еще чувствовала запах мерзкого одеколona, которым он пользовался. Но больше всего ее пугало то, как легко он ее разгадал, как легко ему удалось застать ее одну. Лиза медленно попятилась от него. Она отказывалась показывать свой страх.

— Если ты еще когда-нибудь прикоснешься ко мне — почти за дверью — Я заставлю тебя — еще один шаг — сильно пожалеть. Это ясно?

Он зарычал и сделал угрожающее движение в ее сторону.

Лиза решила, что сейчас самое подходящее время, чтобы сбежать.

Мята. Горький привкус повис между ними, как молчаливое обвинение. Вэл затаила дыхание, когда Джеймс открыл рот, но как оказалось только для того, чтобы снова поцеловать ее. Как будто им двигало какое-то первобытное желание стереть все следы Гэвина. У нее перехватило дыхание, когда он скользнул рукой ей под блузку.

Он отстранился, как будто обжегся.

— Прости, — сказал он, опуская глаза.

— Мне нужно присесть, — попросила Вэл. — Голова кружится.

— Приму это за комплимент, — сухо ответил Джеймс.

«Конечно, примешь». Они сели на ступеньки, Вэл держалась за голову, чтобы пол не кружился. Джеймс смотрел на нее; он казался одновременно встревоженным и раздраженным. Почему, она могла только догадываться. Несколько минут они молчали, но в конце концов он обнял ее.

(Джеймс когда-нибудь так прикасался к тебе, Вэл?)

Должно быть, она сделала какое-то движение — вздрогнула, — потому что внезапно Джеймс переместился на ступеньку ниже, протиснулся между ее ног и снова поцеловал. На этот раз она не остановила его, и поцелуй быстро углубился. Он тихо застонал, и Вэл раздраженно открыла глаза.

Его глаза тоже были открыты.

— У тебя великолепные глаза.

Она улыбнулась, но лишь слегка.

— И великолепные веснушки.

Он двинулся вперед и начал лизать ее лицо языком. Вскоре она уже смеялась, смеялась так сильно, что было больно, потому что, о боже, это было щекотно. Она почувствовала улыбку Джеймса на своей коже, когда он мягко подтолкнул ее назад.

— Прекрати, — запротестовала она.

— Заставь меня, — прорычал он, и неожиданный трепет пронзил ее.

— Ох. — Острый край ступеньки впивался ей в спину, до боли знакомый и мучительно неудобный, подтверждая свое присутствие каждый раз, когда она делала судорожный вдох. — Джеймс.

— Они выглядят одинаково. — Его голос был хриплым, когда он двинулся вниз по ее шее. — У них похожий вкус?

(Он знает, какова ты на вкус, Валериэн? Хотел бы попробовать? Думаю, да. Возможно, я расскажу ему и избавлю от любопытства.)

Как будто кто-то окатил ее ледяной водой. Вэл с ужасом поняла, что забыла застегнуть одну из пуговиц, которые расстегнул Гэвин. Она нервно толкнула его. — Кто-нибудь может увидеть.

— Брось, Вэл. Просто взгляну.

Вэл замерла, уставившись на второй этаж, на тени, скрывающиеся в коридорах. Есть там кто-нибудь? Кто-то наблюдает за нами?

— Ого, — она почувствовала, как Джеймс дернул ее за блузку. — Ты надела это для меня?

Она хлопнула рукой по своей блузке, прижимая ее к груди.

— Джеймс!

Он оторвал взгляд от ее груди.

— Что?

— Я... мне кажется, там кто-то есть.

Она почти обрадовалась, что их прервали, но потом увидела выражение лица Джеймса.

— Лучше бы нет.

Вэл схватила его за рукав.

— Что ты делаешь? Не ходи туда.

— Я не позволю какому-то дрожащему подонку уйти безнаказанным...

— Джеймс. — Ей казалось, что она отчитывает маленькую, но настойчивую собаку. — На этот раз просто остановись.

— С меня хватит этой чертовой вечеринки. Мы уезжаем. После этого раунда я отвезу тебя домой.

Вэл открыла рот, чтобы возразить. Легкий звон колокольчика испугал их обоих. Для Вэл это прозвучало как будто вызывают прислугу. Ее глаза снова метнулись к потолку. Был только один человек, которого она знала, который счел бы уместным собрать гостей вместе подобным образом.

— Долг зовет, — произнес Джеймс сдавленным голосом, который, несомненно, должен был напоминать английского дворецкого. Он поправил ей блузку и весело потрепал под подбородком. — Пойдем, малышка.

Его голос, однако, был напряженным. Вэл выдавила слабую улыбку, которая, вероятно, выглядела так же неубедительно.

Они столкнулись с Блейком и Лизой чуть дальше по коридору. Вэл вспыхнула при мысли, что один из ее друзей мог быть их скрытым наблюдателем, но нет, секунду спустя она отбросила эту мысль. Лиза бы пошутила, а Блейк... ну, его лицо было недостаточно красным.

«Если там вообще был человек, — упрекнула она себя. — Чего на самом деле нет. Не было».

Вэл посмотрела на Блейка и Лизу чуть внимательнее. Они оба выглядели на удивление

мрачными.

— Что случилось?

Лиза покачала головой.

— Не хочу об этом говорить.

— Ты слышишь? Она не хочет говорить об этом, Вэл.

— Я слышала ее, Джеймс.

— Давайте попробуем сделать этот последний раунд приятным, — Джеймс толкнул дверь. — Сначала дамы. — Он ухмыльнулся Блейку, явно относя его к этой категории, за что получил слабый удар в плечо, который не достиг цели. — О, слишком медленно.

— Не будь говнюком, Джеймс, — сказала Лиза.

— Что? Я просто пошутил.

— Эти два понятия не являются взаимоисключающими, — огрызнулась она.

— Ты называешь меня говнюком?

— Самым настоящим.

— Сказала еще та сучка. Скажешь, нет? — невозмутимо ответил Джеймс, и по какой-то причине — действительно, это прозвучало немного забавно — Лиза разозлилась настолько, что отвесила ему пощечину.

— Лиза! — потрясенно проговорила Вэл. Джеймс смотрел на нее с открытым ртом, прижимая руку к покрасневшему лицу.

— Хватит, — вмешался Блейк. — Вы оба большие, говнюк... э-э... задницы. Ладно? Это не то, чем можно гордиться.

— Вот, вот, — пробормотала Вэл.

Она нервно оглядела комнату. Только Чарли опередила их в гостиной. Она сидела одна впереди, аккуратно скрестив ноги в лодыжках. Ее глаза пренебрежительно скользнули по ним, жестокая складка во рту заставила желудок Вэл сжаться.

Это была она?

Даже если это и не так, она, в целом, казалась достаточно довольной. Они устроили совсем небольшое шоу.

— Это она начала, — сказал Джеймс.

Вэл быстро села, потянув Джеймса за собой слева. Блейк сел справа от нее. Лиза сидела по другую сторону от Блейк, но продолжала бросать на нее многозначительные взгляды. Вэл подняла глаза, когда дверь открылась, но это был всего лишь Brent. Он выглядел немного ошеломленным, как будто удивляясь, как оказался в комнате, полной народа. Джейсон вошел последним. Тонкая струйка пота блестела у него на лбу, и он то и дело касался живота через ткань рубашки. Их взгляды встретились. Затем он бросил мрачный взгляд на Лизу, которая напряглась.

Вэл почувствовала мимолетную вспышку паники, которая походила на панику ее подруги. Что такое? Если бы что-то случилось, это была бы ее вина. Что я наделала?

Дверь в гостиную распахнулась, и вошел ГМ с улыбкой, которая совсем не коснулась его глаз, напоминая ей, что именно она сделала. Его волосы были растрепаны, и Вэл поняла, испытывая легкое довольство, что это сделала она. Были и другие отличия, в основном небольшие, но легче всего их было заметить в одежде. Он все еще был одет в белые брюки и черную рубашку — теперь помятую, — но где-то между их встречей и его путешествиями по коридорам, ГМ удалось прихватить черную шляпу: цилиндр, сидящий под веселым углом на его голове.

Он с размаху снял его и поклонился, как фокусник, исполняющий свой последний трюк. Сделал паузу, словно ожидая аплодисментов, прежде чем положить шляпу на стол рядом с собой и вытащить из кармана рубашки белый конверт, почти идентичный тому, что был в кармане ее джинсов. Теперь, не обращая на них внимания, он разорвал его, и ворох белых бумажек каскадом хлынул в отделанную бархатом внутреннюю часть шляпы.

Это для какой-то лотереи? За приз? Преимущества в следующей игре?

— Абракадабра, — прошептал Джеймс.

Вэл хихикнула. Это был дикий, отчаянный звук, и она зажала рот рукой, быстро оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что никто не слышал. Она случайно поймала взгляд Гэвина, и смех замер в ней, когда она увидела выражение его лица.

«О боже, его глаза». Она откинулась на спинку стула, ее сердце бешено колотилось.

— В этой шляпе шесть листков бумаги, — наконец сказал ГМ, отворачиваясь от нее, чтобы встретиться взглядом с другими игроками по очереди. — Каждый из вас должен вытянуть по одному. Вы должны молча вытащить свой листок. Не обсуждайте их с окружающими. Если вы это сделаете, вас ждет серьезное наказание.

Он снова посмотрел ей в глаза, и она почувствовала, что начинает потеть.

— Только шесть? — спросил Блейк, поправляя очки. — Но здесь восемь человек.

— Я в курсе, — холодно ответил ГМ. — Почему бы тебе не пойти первым... Блейк кажется? — Его взгляд снова метнулся к Вэл, и он томно добавил: — После него вы можете подходить по часовой стрелке.

«Так что я окажусь последней. У него есть какой-то план, и он старается его осуществить».

От нечего делать она наблюдала, как Блейк с закрытыми глазами полез в шляпу, прежде чем наугад выбрать листок. Его брови слегка нахмурились, когда он молча прочитал написанные там слова, прежде чем медленно направиться к своему месту.

У остальных была похожая реакция — от замешательства до отвращения или скуки — когда они обдумывали свои бумажки, прежде чем неизбежно скомкать их в кулак или сунуть в карман. Один за другим все подошли к цилиндру, пока, наконец, не настала ее очередь.

Теплый румянец пополз по ее шее, когда она поняла, что другие игроки смотрят на нее.

— Иди, Вэл, — прошипела Лиза через Блейка. — Он ждет тебя.

Вэл сжала кулаки и направилась к ожидающему гроссмейстеру, ее ноги, казалось, становились тяжелее с каждым шагом. Она вызывающе протянула руку, вздрогнув, когда он крепко схватил ее за запястье.

— Так любезно с твоей стороны почтить нас своим присутствием. Надеюсь, я ничему не помешал, Вэл.

— Ты делаешь мне больно, — сказала она. Его пальцы незаметно сжались, единственный признак того, что он услышал. И вот тогда ее страх превратился в ужас. Потому что, очевидно, ему было все равно.

— Тот конверт, который я тебе дал; когда подготовка к следующему раунду закончится, я разрешу тебе прочитать его. Вслух, если не возражаешь.

Внезапно он отпустил ее и бросил что-то легкое в ее перевернутую ладонь. Это была не бумага. Вэл посмотрела на предмет в своей руке. Это была почерневшая роза, слегка завивающаяся на кончиках. Каждый цветок имеет значение, она помнила, как он говорил это. Глядя на увядающий цветок в своих руках, она пожалела, что не знает значения этого конкретного цветка.

— Я разберусь с тобой позже.

Ей пришлось подавить дрожь.

«Это неправильно, — подумала она. — Это неправильно, что он все еще может говорить спокойно, с такими глазами».

— Цветок, — подозрительно сказал Джеймс, когда она вернулась. — Он подарил тебе цветок?

— То, что я раздал вам, — сказал ГМ, игнорируя Джеймса, — Является главной темой игры.

— И какова же тема? — хрипло спросил Джейсон.

— Это вы должны выяснить сами.

— О, пожалуйста, тема, очевидно, шахматы, — сказала Лиза. — Я имею в виду, черное, белое — это не высшая математика.

Чарли послал Лизе мрачный взгляд:

— Все не так просто! — Она перевела взгляд на ГМ. — Так ведь?

— Все немного сложнее, Лиза. Имей в виду, что существует несколько тем, — продолжил ГМ, — но ты права, шахматы — одна из них. Одна из самых важных, безусловно.

— Есть только несколько правил, которые вы должны иметь в виду, — продолжил ГМ, отворачиваясь от Лизы. — Я буду периодически напоминать вам о них, когда мы приблизимся к финальному раунду. Во-первых, вы не можете никому сказать, чье имя написано на вашей записке, во-вторых, вы можете дать одному человеку один ключ к тому, что на вашей записке. Я настоятельно рекомендую вам начать думать о том, кем должен быть этот человек.

Джеймс закатил глаза, но даже он промолчал.

ГМ взглянул на Вэл.

— А теперь... Я полагаю, у тебя есть кое-что, чем ты хотела поделиться, Валериэн?

Ее пальцы судорожно впились в цветок, когда он произнес ее имя.

— О чем он говорит? — спросил Блейк.

— Да, Вэл, — подхватил Джеймс. — О чем он говорит?

На мгновение она тоже ничего не поняла. И тут она вспомнила. Вспомнила и чуть не утонула в приливе собственного облегчения: письмо. Она вскрыла конверт, нетерпеливо просматривая письмо.

— Игра, в которую вы решили играть, очень опасная...

Она замолчала, уставившись на Гэвина с ужасом, который не потрудилась скрыть. Улыбаясь, он кивнул ей, чтобы она продолжала. Она продолжила, руки слегка дрожали, когда она читала:

— ... Один король, одна королева, шесть пешек; победитель получает все. Нет никаких ограничений по времени... только ваши жизни.

— И что нам теперь делать? — спросил Джеймс, поднимаясь со стула.

— Ну, например, поздороваться, — предложил ГМ.

— Привет? — Слово прокатилось по комнате, отражая их беспокойство.

Уголки губ ГМ приподнялись.

— И попрощаться...

Прощание?

Он невинно посмотрел на потолок. Свет то включался, то выключался, прежде чем погаснуть с громким гулом, который погрузил комнату в темноту. Кто-то закричал.

Вскрикнул кто-то другой. Шаги эхом отдавались по доскам пола, когда они метались вокруг, как дезориентированные тараканы.

В надвигающемся хаосе только Вэл заметила поцелуй, который Гэвин послал ей.

Только он мог придать этому жесту угрожающий вид.

Неожиданная темнота — если это можно считать неожиданностью — длилась не более нескольких минут. Свет снова зажегся, с жужжанием, оставив Вэл еще более ошеломленной и смущенной, чем раньше. Череда вздохов заставила ее обратить внимание на переднюю часть, где всего несколько мгновений назад стоял ГМ. Он исчез, оставив свежую краску, сверкающую на стене в том месте, где только что стоял, как призрачное напоминание:

БЕГИ.

Глава 16

«Ловушка»

— Беги, — прочитала Чарли.

Когда ее глаза встретились с глазами Вэл, та могла поклясться, что Чарли усмехнулась. Но затемнение ослабило свет, и затянувшиеся тени затрудняли интерпретацию чего-то столь динамичного, как выражение лица.

В любом случае, Вэл гораздо больше волновало угрожающее слово, медленно стекающее по стене, как кровь.

«Беги».

Гэвин собирается быть охотником в этом раунде? Это казалось вполне вероятным. Часть ее восставала против этой идеи, а другая, гораздо меньшая, но не менее значимая, задавалась вопросом, что он сделает с ней, если поймает на этот раз.

(Я только хочу немного поиграть с тобой)

Легкая дрожь пронзила Вэл при этой мысли и воспоминаниях, которые ее сопровождали, и ее грудь покрылась мурашками. Вэл заерзала на стуле. Ее преследователь угрожал причинить вред друзьям, если она попытается раскрыть его или уйти, и она относилась к его жестокости как к фетишу.

Блейк моргнул, глядя на испорченную стену. Краска уже начала впитываться в обои.

— Черт. Эту краску не смыть водой. Посмотрите, как она капает — останется пятно.

Вэл встала со стула и подошла к стене, протянув руку, чтобы потрогать краску из какого-то остаточного чувства болезненного любопытства. Это дало ей возможность сосредоточиться на чем-то еще, кроме самих букв, суммы их частей и опасного человека, который их написал.

Текстура отличалась от акварельных красок, с которыми она была более знакома. Краска имела странный запах и была слегка липкой, просачиваясь в бороздки на подушечках ее пальцев. Да, она помнила этот запах, сопровождаемый острыми опилками и голосом человека, который хотел ее погубить.

Охотился на нее.

— Фу, это отвратительно, — сказала Лиза.

— Думаю, именно такого эффекта он и добивался, — заметил Джейсон.

Вэл не могла поверить, что продала Лизу этому подонку. Она вытерла руки о джинсы, но краска не сошла. Она уже попала ей под ногти. Масляная краска. Сегодня она совершала ошибку за ошибкой.

— Какое извращенное чувство юмора, — проговорила Лиза, глядя на руки Вэл. — Я имею в виду, серьезно. Он фильмы ужасов что ли пересмотрел?

— Если бы это был фильм ужасов, разве легкомысленная блондинка не оказалась бы уже мертва? — огрызнулась Чарли, скрестив руки на груди.

— Нет, видишь ли, обычно первой умирает шлюха.

— В таком случае, может быть, Вэл лучше поостеречься.

Что? Вэл удивленно посмотрела на нее.

— Я не...

— Прошу прощения, — Джеймс очнулся от своей обиды, — что, черт возьми, это должно означать?

— Именно то, что ты слышишь. — Чарли кивнула в ее сторону. — Давай, спроси ее.

«Она знает».

— Ты сука.

Джеймс схватил Лизу за запястье, прежде чем она успела закончить свою сокрушительную реплику.

— Лиза. Не заводись.

Лиза выдернула руку из его хватки, подняв ее в вызывающем жесте, но только для того, чтобы провести пальцами по волосам и перебросить золотые пряди в привычной, безразличной манере.

— Ты прав, — согласилась она. — Она того не стоит. Я могу что-нибудь подхватить.

— Пошла ты, — прорычала Чарли. — Да пошли вы все на х**, но особенно ты, Вэл. Нет подожди, тебе ведь это понравилось бы?

Раздался хлопок, за которым последовала серия сердито звучащих шагов по коридору. Вэл подняла глаза. Дверь, которую ГМ оставил открытой, теперь была плотно закрыта.

(Шлюха)

— Только не снова, — проворчал Джейсон, бросив раздраженный взгляд на дверь и Брента, который, в свою очередь, был к ней ближе всех. Brent покраснел темным, несчастным румянцем, и на мгновение Вэл почти пожалела его.

Почти.

Еще больше ей стало жаль себя. Чарли, должно быть, видела ее с Гэвином. Еще одна острая боль пронзила живот, и она втянула его, как будто пыталась физически побороть неприятные ощущения. Как много Чарли видела и что собиралась делать с этой информацией? Вэл была уверена, что такая девушка, как Чарли, может придумать что-то гораздо более вредное, чем шантаж.

Лиза глубоко вздохнула, считая про себя.

— Спасибо, — сказала она наконец, — наверное.

— Это того не стоит, — сказал Джеймс, не оставив у Вэл никаких сомнений в том, кого он на самом деле имел в виду.

— Что, черт возьми, все это значит? — спросила ее Лиза.

Вэл посмотрела на свои туфли.

— Я... я не знаю.

Еще одна горячая вспышка вины пронзила ее.

«Письмо, — быстро подумала она. — То, что дал мне Гэвин. Там что-то говорилось о беге?»

Она пошарила в кармане, размазывая красную краску по краям кремовой бумаги. Одна

из ее подсказок упала на восточный ковер, и Вэл уставилась на колючий почерк, не видя его.

«Опасна», — шептал ее разум. Это была ее первая подсказка. Где я видела это раньше?

Слишком много всего произошло одновременно. Она не могла сосредоточиться. Но знала, что совсем недавно где-то в доме видела точно такое же слово. Бумага в ее руке предупреждающе сморщилась.

Она разгладила письмо на колене, перебирая различные слова, пока не нашла то, что искала. Другой рукой потянулась к маленьким квадратикам бумаги, хотя только убедилась в том, что уже знала. Это правда — все подсказки составляли текст.

Этого письма.

Вэл принялась раскладывать белые квадраты на ковре. Да, да, и этот тоже, они все здесь.

— Дай мне свои подсказки, — попросила она Джеймса. Бросив на нее очень странный взгляд, он протянул их ей, и она положила их рядом со своими. Вэл подняла глаза. Другие игроки отошли от шока, вызванного надписью на стене и случившейся конфронтацией Лизы и Чарли, и теперь обсуждали другие, более тривиальные вещи в своих отдельных группах.

— Дайте мне свои подсказки, — сказала она онемевшими губами. — Все — дайте мне ваши подсказки сейчас.

— Зачем? — спросил Джейсон, засовывая руки в карманы брюк, — С какой стати мы должны отказываться от нашего преимущества ради тебя?

Брент как раз собирался сунуть руку в карман, но тут же опустил ее.

— Да, — глухо отозвался он. Как будто эти дурацкие квадратики имели какую-то реальную ценность.

Лиза и Блейк подошли, расставляя свои подсказки в местах, указанных Вэл, в то время как игроки белой команды просто смотрели.

— Перечитай письмо еще раз, — приказал Джейсон, хмуро глядя на мешанину слов.

Вэл неохотно взяла лист бумаги и сделала, как он просил, наблюдая, как скептицизм исчезает с его лица, когда его подсказки были названы, одна за другой.

— Некоторых не хватает, — заметил Джейсон.

— Это, должно быть, Чарли, — сказал Джеймс, поднимаясь на ноги. Он оглядел комнату. — Но это же очевидно. Подсказки определенно образуют то же сообщение, что и письмо Вэл.

Джейсона, похоже, слова не впечатлили.

— Что собственно это значит?

Глухим голосом Вэл проговорила:

— Что мы должны бежать.

— ...Возможно, это записано в каком-то коде. Однако он упомянул жизни и ограничение по времени, так что письмо могло намекать на компьютерную игру...

«Почему я продолжаю работать в паре с Блейком?»

Блейк был достаточно милым, и, конечно, намного милее, чем большинство друзей-неудачников Джеймса, которые состояли из мальчиков, думающих, что девушке нравится, когда к ней прикасаются, как к футбольному мячу. Будто даже не предполагают, что ей может быть больно.

Лиза надеялась застать Вэл наедине, выяснить, что произошло между ней и ГМ, что

заставило ее так на нее смотреть. Что заставило Чарли так кричать на нее? Почему она с самого начала вела себя более странно, чем обычно.

Честно говоря, она была удивлена, что Джеймс умудрился ничего не заметить — Чарли, конечно, да. И это сильно задевало ее. Лиза это видела, она бы многое отдала, чтобы узнать, почему.

Потом была та жуткая встреча с Джейсоном.

— ...И король и королева, скорее всего, имеются в виду шахматные фигуры...

— Может быть, — сказала Лиза более раздраженно, чем намеревалась, — Записка была просто уловкой. Не думаешь?

Блейк моргнул, глядя на нее из-за толстых линз очков.

— О чем ты?

— Уловка, — объяснила Лиза, продолжая идти вперед в одиночестве, — Отвлекающий маневр, ложь...

Она услышала, как он споткнулся, пытаясь ее догнать.

— Я знаю, что такое уловка, — заметил Блейк, — Ты просто удивила меня, вот и все. Я перестал говорить о том письме пять минут назад.

— О, — Лиза сделала паузу. Как неловко. — Тогда, о чем ты говорил?

Он снял очки, чтобы протереть их о футболку.

— Я спросил, какая музыка тебе нравится.

— Все, что имеет хороший ритм, — уклончиво ответила Лиза, — Кроме металла и кантри. Зачем?

— Просто любопытно.

— А какую музыку ты любишь? — она вздохнула.

— Классический рок. — Он вернул очки на место, близоруко щурясь на потолок. — Тебе нравится...

Слова Блейка проникли в ее уши, но смысл их не был полностью осознан. Совершенно другой частью мозга она считала передвижения Джейсона, который направлялся к лестнице, находясь от них менее чем в двадцати футах. Его вид наполнил Лизу глубоким отвращением.

И страхом.

Джейсон еще не видел их, но скоро увидит. Он вышел на охоту. Она повернулась к Блейку, который все еще говорил о разных артистах, имена которых звучали лишь смутно знакомо, и сделала шаг ближе к нему. Блейк едва обратил на это внимание.

Лиза склонила голову набок и оценивающе посмотрела на него. На самом деле без очков он выглядел не так уж плохо. Красивые глаза. Его кожа была довольно чистой, хотя и немного бледной — вероятно, от того, что он слишком много времени проводил перед монитором компьютера. И у него были красивые губы. Она поймала себя на мысли, что ей интересно, целовал ли он когда-нибудь девушку раньше. Если нет, то сегодня его счастливый день.

— ...восьмидесятые годы серьезно переоценивают. Я думаю, что в семидесятых было самое лучшее... мппхх?

Его карие глаза расширились за толстыми оправами линз, когда Лиза схватила его за воротник и прижалась губами к его губам. Блейк моргнул, а затем осторожно снял очки, которые начали запотевать, и сунул их в карман. Медленно он начал отвечать, нерешительно подняв руку, чтобы погладить блондинку по щеке в попытке исправить неловкий угол между ними.

«Ботаника уже целовали раньше». Лиза не была готова к волне ревности, которая сопровождала эту мысль.

Из холла донесся тяжелый стук. Блейк начал поворачиваться к источнику, но она быстро схватила его за плечи. Он не стал сопротивляться.

Один карий глаз приоткрылся, поглядев на лестницу как раз вовремя, чтобы увидеть фигуру в белом, перепрыгивающую через две ступеньки. Горькая улыбка тронула уголки ее губ, когда Лиза снова закрыла глаза.

Прекрасно.

— Привет... Джейсон, верно?

Джейсон обернулся и увидел хозяина дома, прислонившегося к стене под большой фотографией. Снимок был сделан на большой высоте — вероятно, в Сьерре или Аппалачах — и создавал впечатление, что он стоит на краю невероятно высокой пропасти, окруженной секвойями.

Как иронично, что ГМ едва помнил его имя.

— Да, и что?

ГМ не сдвинулся с места, небрежно опираясь на стену, когда поднял глаза, чтобы взглянуть на фотографию, висящую над его головой.

— Красиво, не правда ли?

— Что? — Джейсону потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем говорит ГМ. — Ох Да. На самом деле я не большой поклонник природы.

— Хм, — рассеянно кивнул ГМ, не отрывая глаз от гранита и сосен. — Жаль.

— Тебе что-то нужно? — спросил Джейсон, чувствуя, что начинает раздражаться. ГМ исчезал в течение последних трех раундов подряд, и когда он, наконец, появился, то только для того, чтобы поговорить о деревьях и горах? Если бы он не был так увлечен этим дурацким соревнованием, то ушел бы уже несколько часов назад. — Я немного занят. Знаешь ли. Играю в эту игру.

— Вообще-то, — сказал ГМ, немного выпрямившись и впервые встретившись взглядом с Джейсоном. — Мне нужна небольшая услуга.

Джейсон стиснул зубы.

— Еще одна?

— Я сделаю так, чтобы это стоило твоего времени.

На что он ответил:

— Слушаю.

Вэл зевнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

— Джеймс, который час?

Он услужливо закатал рукав рубашки.

— Одиннадцать.

— В самом деле? — Вэл нахмурилась, опустив руку. Мне казалось, что сейчас гораздо позже. — Мы все еще собираемся уходить? Я думала, мы уезжаем. Разве мы не должны позвать Блейка и Лизу?

— О. Да, — Джеймс огляделся. — Я думал, они идут прямо за нами. Куда они делись?

— Позвони Блейку на сотовый. Я позвоню Лизе.

Она подождала, пока Джеймс достанет свой телефон, прежде чем набрала знакомую последовательность цифр. На экране появилось изображение спутниковой тарелки. Под ним мелькнуло то же самое сообщение, что и раньше: «Поиск сети». Ничего.

Вэл нетерпеливо постукивала ногой, пока спутник продолжал вращаться. Затем он исчез, и экран стал белым. И у нее появилось нехорошее предчувствие, что, возможно, проблема не в ее поставщике услуг.

— Написано, что сеть не найдена.

— Да, у меня тоже. Попробуй прогуляться.

Вэл двинулась к лестнице, медленно размахивая телефоном. «Сеть не найдена». Эти слова насмеялись над ней. Без технологий они застряли здесь. Старый викторианский дом с таким же успехом мог быть необитаемым островом.

— Джеймс?

— По-прежнему не работает.

— Я не удивлен.

Голос раздался откуда-то снизу. ГМ. Вэл не сразу его заметила. Он стоял, прислонившись к лестнице, на которой она сейчас стояла, небрежно просунув руку между богато украшенными резьбой столбиками. На его лице появилась слабая улыбка, которая стала еще шире, когда она посмотрела на него в немом ужасе.

«Сколько из их разговора он подслушал?»

Эта мысль беспокоила ее. Если бы она действительно верила, что Гэвин не виноват в том, что телефоны не работают, не имело бы значения, знал ли он об этом, разве нет?

Но это все равно слабость, независимо от того, он ее вызвал или нет.

— Почему наши телефоны не работают? — спросил Джеймс.

— Этот дом построен в девятнадцатом веке. Он не предназначен для размещения современной электроники.

— Полная чушь, учитывая чертову плазму, которая у тебя внизу. Почему они на самом деле не работают? Что блокирует сигнал?

— Неисправность на линии, я уверен.

— Тогда мы можем воспользоваться твоим? Я имею в виду стационарный телефон.

— Нет ни одного.

— Джеймс, пойдём, — нервно сказала Вэл. Ей не понравилось выражение глаз Гэвина. Она видела его раньше, в классе рисования четыре года назад, а затем снова в его спальне. — Пожалуйста...

— Что, черт возьми, мы должны делать? Послать проклятого почтового голубя? Ты действительно хочешь сказать, что у тебя здесь нет связи?

— Приношу свои извинения за причиненные неудобства.

— Ты хозяин. Что ты предлагаешь нам делать?

— Я предлагаю вам двоим бежать.

— Очень смешно, — сказал Джеймс.

— Он не шутит.

— Она права, Джеймс. Я не шучу. Я дам вам пять секунд форы. Раз..

— Он шутит, — не поверил Джеймс.

— Два.

Вэл побежала.

— Три.

— Вэл? Вэл подожди!

— Четыре.

— Чтобы ты не делал, не дай ему себя поймать.

— Господи, Вэл. Что...

— Просто послушай меня.

— Пять.

Она проглотила крик, который застрял у нее в горле, когда он начал преследовать их. Беги. Просто беги.

ГМ был удивительно проворным для человека его роста, но она была быстрее — факт, который не ускользнул от Джеймса, настающего, что двоих будет легче выследить, чем одного.

— Кроме того, — осторожно добавил он, — ГМ охотится за тобой.

Она понимала, что он, вероятно, все еще чувствует себя злым и виноватым, но это не означало, что он мог вести себя как самоотверженный идиот, и она сказала об этом.

— Я серьезно, — выдохнула она. — Не дай ему поймать себя. Пожалуйста.

— Это просто игра, — возразил он.

— Нет, — ответила она, — не игра. Уже нет.

Когда коридор разделился, Джеймс сильно толкнул ее влево, резко свернув вправо, и Вэл была вынуждена продолжать бежать самостоятельно.

Спотыкаясь, она влетела в одну из открытых дверей, пытаясь отдышаться. Она занималась легкой атлетикой, но с момента ее последней тренировки прошли годы, и ее тело едва помнило, как сохранять энергию. Вэл изнемогала.

Она выдохнула, задержав дыхание, и огляделась. Похоже, она оказалась в игровой комнате. В углу уныло стоял стол для пинг-понга, покрытый многолетней пылью, и она могла разглядеть более новую, но такую же пыльную игру в аэрохоккей в центре комнаты.

— Ну и, — раздался медленный, протяжный голос позади нее, — где пожар?

Вэл развернулась и чуть не врезалась в старый музыкальный автомат. Джейсон прислонился к задней стене, вытянув перед собой длинные ноги.

— Что ты здесь делаешь?

— Играю в пинбол.

Она посмотрела на автомат для игры в пинбол, потом снова на него. Машина действительно выглядела не такой пыльной, чем другие предметы в комнате, но все же.

— Неважно. Если ты думаешь выкачать из меня больше информации о Лизе, это не сработает. — Она посмотрела на дверь, потирая мурашки на руках. — Я не позволю тебе угрожать мне.

Гэвин не появился. Неужели он потерял след?

Джейсон поднялся на ноги, слегка спотыкаясь в спешке.

— Ничего подобного.

— О, действительно.

— Правда. Мне неприятно это говорить, но я впечатлен, — сказал он. — Ты была единственной, кому удалось сложить два и два. Мои поздравления.

Вэл настороженно посмотрела на него.

— Я тебе не верю.

— Ты действительно думаешь, что я сказал бы что-то подобное, если бы это не было

правдой? Я не настолько щедрый.

Это звучало поубедительнее. Но она все еще была осторожна. Джейсон уже неоднократно доказывал, что относится к этой игре слишком серьезно, что он, возможно, в сговоре с Гэвином. Выражение ее лица стало жестче.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Что тебе надо?

Джейсон выглядел по-настоящему расстроенным. Неужели он настолько хороший актер?

— Я нашел ключ к разгадке. Хочу, чтобы ты помогла мне разобраться в этом.

— Ты ждешь, что я помогу тебе после того, как ты только что закончил шантажировать меня? Ты не можешь говорить всерьез.

— Понимаю, как это звучит, но подумай хорошо, — рассудительно сказал Джейсон, — это решение, которое принесет пользу обеим сторонам. Я выхожу вперед, ты выходишь вперед — и все, что тебе нужно сделать, просто... ну, расшифровать. Уверен, что тебе интересно, в чем заключается главный план ГМ.

Да. И нет. Вэл глубоко вздохнула. А потом еще раз.

— Если это трюк...

— Никакого подвоха.

— Посмотрим.

— Просто следуй за мной, — Джейсон вышел из дверного проема. Вэл колебалась. К ее облегчению, коридор был пуст. — Идешь?

«Не могу поверить, что делаю это».

— Где эта подсказка?

— Довольно трудно описать, — усмехнулся Джейсон. — Тебе нужно испытать это на себе, но поверь, ты поймешь, когда увидишь. А... — Он остановился перед, казалось бы, случайной дверью. — Вот мы и пришли. Дамы, вперед.

Вэл заглянула в комнату, но ее взгляд встретил лишь непроглядный мрак. Ей совершенно не хотелось туда заходить.

— Ты не можешь включить свет или что-нибудь в этом роде?

— И пусть другие увидят и украдут наше преимущество? В чем дело, Вэл? Боишься темноты?

— Тогда ты первый, — сказала она, — Если только не боишься, что я ударю тебя сзади.

Улыбка исчезла с его лица, когда она бросила ему его же слова.

— Просто зайди в комнату, Вэл.

— Я не пойду туда!

— Извини, Вэл, но это для твоего же блага. — Она вздрогнула, когда почувствовала его руки на своих плечах. Он пытался втолкнуть ее в комнату! Вэл вытянула руки, чтобы ухватиться за дверной косяк. Безнадежно. Она чувствовала, как скользят ее ноги. Он был слишком силен. Стиснув зубы, она уперлась своими туфлями в ковер для лучшего сцепления.

— Джеймс! Джеймс! Помоги...

Джейсон врезался в нее плечом. Вэл пришлось отпустить дверной косяк, чтобы раскинуть руки, в попытке не упасть. Ощущение жжения пронзило ее предплечья, когда она скользнула по ковру. Дверь захлопнулась, и она услышала безошибочный щелчок замка.

— Повеселись.

Вэл с гримасой поднялась и навалилась на дверь.

— Выпусти меня отсюда прямо сейчас!

Ей показалось, что она уловила слабый звук его смеха, когда он удалялся по коридору.

— Ты поблагодаришь меня позже.

«Не дождешься». Вэл прислонилась спиной к двери, лицом к комнате, ожидая, пока глаза привыкнут, и пытаясь не обращать внимания на боль, ползущую по рукам. Она могла различить только темные тени и едва заметные очертания стекла.

Разве она не была в этой комнате раньше? Да. Вернемся в начало игры. Жуткий зверинец, который она обошла в пользу лучших укрытий. Тот, где она впервые встретила Чарли.

Длинный дубовый стол был очевидным центром комнаты. На покрытой лаком поверхности стояли небрежно расставленные семь или восемь стеклянных резервуаров, в которых поблескивала вода. Вэл оглядела комнату. Она казалась достаточно обычной. Скорее всего кабинет. Не спальня, как она подозревала раньше. Мебель была современной — в основном белая и черная, со стальными вставками — и ее было немного.

При ее приближении вспыхнул мягкий голубой свет, достаточно тусклый, чтобы не вызывать дискомфорта. Свет исходил от резервуаров. Должно быть, датчик или что-то в этом роде.

Они были стандартного размера, заполненные ярко окрашенным гравием синего, розового и фиолетового цветов. Они тоже были пусты. С какой стати Джейсон привел ее сюда? И где он взял ключ от этой комнаты?

Что-то скользнуло под ее туфлю, от чего она едва не споткнулась. Клочок бумаги.

Лист был едва виден; она смяла его в испуге. Дрожащими пальцами Вэл поднесла бумажку к одному из синих огоньков. Ее потные ладони размыли чернила в нескольких местах, но сообщение все еще было разборчивым.

И она резко вдохнула, потому что свежими красными чернилами были написаны слова: *«Повернись, Вэл»*.

Вэл замерла, медленно оборачиваясь. Она ничего не видела, только тени. Она была одна.

Внезапный царапающий звук слева заставил ее подпрыгнуть, каждый нерв покалывало в предвкушении, когда адреналин запустил естественную реакцию ее тела «беги или сражайся». Наступила оглушительная тишина. Затем Вэл снова услышала звук — на этот раз более мягкий... почти игривый.

— Кто зд... — Она замолчала, интонация в ее голосе сменилась с гнева на страх, когда она почувствовала, как чей-то палец коснулся ее плеча. Она повернулась в том направлении и снова оказалась лицом к резервуарам. Там никого не было. Тишина стояла абсолютная, если не считать ровного стука ее собственного сердца.

— Гэвин?

А потом она услышала голос, произнесший на уровне ее уха:

— Может быть.

Ее глаза распахнулись, но было уже слишком поздно. Сильные, теплые руки обняли ее за талию, притягивая ближе, и тот же знакомый голос прошептал:

— Шах и мат.

Глава 17

«Доминация»

В шахматах - контроль над группой полей; термин предложен А. Ринком. Как тема в этюде доминация обычно связана с ловлей фигуры, когда определённая группа контролируемых полей оказывается недоступной для атакующей фигуры (фигур) соперника.

Шах и мат.

— Нет... — Она врезалась в него, и они оба отшатнулись назад. Он ударился о стол, и один из резервуаров опрокинулся, приземлившись на пол с громким треском.

— Дверь заперта, Вэл, — сказал он. — Бежать некуда.

— Где ключ?

— Не у меня. Хотя, пожалуйста, можешь осмотреть. Скажи, как тебе до сих пор нравится игра? Я заметил, тебе удалось довольно быстро решить мою головоломку.

Вэл повернулась, ища его цепочку. Ее палец скользнул по обнаженной коже, и она почувствовала, как низкий гул веселья вибрирует в его горле, как мурлыканье.

На нем ее больше не было.

— Это больше не работает.

Как и его рубашки.

Она подняла колено, намереваясь вогнать его ему в живот или в пах, и он пнул ее другую ногу, и она потеряла опору. Они с глухим стуком упали на пол.

— Уж ты-то должна понимать, — проговорил он. — Я почти поверил, что ты намеренно пытаешься спровоцировать меня.

— Ты что-то сделал с телефонами. Это ведь ты? Зачем на самом деле ты пригласил нас сюда? — В ответ на его молчание она сказала. — Пожалуйста. Что бы ты ни задумал, не делай этого.

— Тише.

— Не делай этого, — повторила она. — Не делай этого.

— Мы оба знаем, что на самом деле ты хочешь не этого. — Она в шоке ударилась головой об пол, когда почувствовала, как его язык высунулся, чтобы попробовать бисеринки пота на ее горле. — Ведь так?

Она издала тихий, жалобный звук, больше животный, чем человеческий.

— Так я и думал.

— Гэвин...

— Рановато умолять не находишь? Я еще даже ничего тебе не сделал.

Еще.

Комната была другой, но ощущение казались теми же — в ловушке, без выхода. Она отвернулась от его рта, остро ощущая, как в ушах стучит пульс.

— Ч-что ты собираешься со мной сделать?

— Это зависит от тебя, — его горячее дыхание щекотало ей ухо. — Валериэн.

— Ты следил за нами...?

— Это было такое трогательное зрелище. — Он запустил пальцы в ее волосы. — Полагаю ты устроила его для меня.

— Это безумие, — пробормотала она, хотя сама удивлялась. Знала ли она, что это он наблюдает за ними, на каком-то подсознательном уровне?

— Ну, я полагаю, что ты была бы авторитетом в этом вопросе.

От простого оскорбления у нее защипало в глазах.

— Я не сумасшедшая. Ты заставил всех думать, что я сошла с ума.

— На самом деле это сделал мой адвокат. Я просто сидел там, как хороший мальчик, раскаиваясь, — он уткнулся носом в ее шею, — блестящий, непонятый, замученный, — прошипел он последнее слово ей на ухо, заставив Вэл вздрогнуть. — Соблазненный, а затем опороченный невротической Лолитой и ее дикими заявлениями о преследовании.

— На самом деле ты в это не веришь. Ты не можешь.

— Нет, не знаю. — Он прошел поцелуями по ее ключице. — Но разве это имеет значение? — Добравшись до ткани, он взял блузку зубами и умело продел языком пуговицу в отверстие. — Все дело в контроле.

Часть ее наслаждалась этим, наслаждалась тем фактом, что он был настолько силен, что она не смогла бы бороться с ним, даже если бы попыталась. Наслаждалась его неистовой сексуальностью и непримиримой жестокостью. Эротическое возбуждение от прикосновения его обнаженной кожи к ее. Обманчивая сила его длинных, тонких пальцев. Пальцев, скользнувших под пояс ее джинсов.

Она резко выпрямилась.

Он закрыл ей рот рукой, отталкивая назад. Ее грудь поднималась и опускалась в панической последовательности, когда Вэл пыталась набрать достаточно воздуха, чтобы закричать. Что он делает о нет, нет, нет, нет...

— Подумай, Вэл. Ты действительно хочешь, чтобы Джеймс это увидел?

Она попыталась посмотреть на него поверх его руки, хотя нижняя часть ее тела начала гореть и плавиться. Вэл резко вдохнула, и он убрал руку от ее рта, чтобы дать дышать.

— Нет, — всхлипнула она. «Это не то, чего я хочу...»

— Я так и думал. — Его зубы задели раковину ее уха. Другая его рука лежала на ее груди, а ее пальцы обхватили его запястье, впиваясь так сильно, что она заподозрила, что у него пошла кровь. — Как ты можешь жить, настолько сдерживая себя? — Он щелкнул пальцем. Она вздрогнула.

«Но, может быть, это то, что мне нужно».

Гэвин надавил пальцем на клитор, и голова Вэл с глухим стуком упала на пол. Сдавленный, жалкий звук наполнил воздух, и она с ужасом поняла, что он исходил от нее.

— Я думаю, ты находишь, что мне невозможно сопротивляться. — Он прижался к ее щеке, наклоняя ее лицо к своему. В отличие от нее, его дыхание было довольно медленным, спокойным. Она чувствовала его пульс кончиками пальцев, ровный, как часы. — Потому что ты знаешь, что я единственный, кто может заставить тебя чувствовать себя так.

«Может быть, они созданы друг для друга».

«Возможно, он был тем, кого она заслуживала».

— Разве не так?

Она тихо заплакала.

Семь минут истекли. Тихий щелчок прорезал тишину, и Гэвин отстранился.

— Пора идти, — сказал он. Отмахиваясь от нее, как от шлюхи.

«А ты не она? Просто посмотри на себя, на то, что ты делаешь!»

Вэл с трудом поднялась на ноги, сердце бешено колотилось. Ее одежда казалась слишком грубой, колени слишком слабыми. Она ощущала жжение слюны, словно холодное

клеймо, глубоко ввевшееся в ее кожу, и там, где его пальцы коснулись ее, она чувствовала медленный ожог.

Джейсон бросил на нее любопытный косой взгляд. Он закрыл дверь — но не запер ее, она не могла не заметить — и кивнул на ее растрепанную одежду.

— Повеселилась?

И вдруг Вэл все поняла. Краткий проблеск озарения, но она обо все догадалась. И сделала выпад. Руки Джейсона все еще были в карманах, хотя он инстинктивно попытался вытащить их, чтобы защититься, но она уже ударила его ладонью по лицу с тошнотворным треском, который эхом разнесся по пустому коридору. Тяжело дыша, она отдернула руку. Рука горела.

Шок длился всего несколько секунд, прежде чем его сменил гнев.

— Сука.

Желание бежать появилось снова, еще сильнее, и она попыталась прислушаться к нему, но он был слишком быстр. Вэл ударилась о стену, отчего над ее головой задребезжала рамка с изображением соснового леса. Она съежилась.

— О, я не собираюсь тебя бить. Я не бью девушек.

Интересно, слышит ли он, как колотится ее сердце?

— Легко говорить, когда Гэвин делает за тебя грязную работу.

— Гэвин? — повторил Джейсон. — О, это его настоящее имя?

Вэл втянула в себя воздух. Дерьмо.

— Я понял, что вы знакомы. Хмм. Интересно, что бы сказал по этому поводу Джеймс?

— Он тебе не поверит.

— Думаю, поверит. Он ревнивый тип.

— Если ты скажешь Джеймсу, я скажу Лизе. Я ей все расскажу.

— И тогда она поймет, что ты та самая крыса, которая ее продала. И я все равно расскажу Джеймсу, что ты позволила Гэвину трахнуть тебя пальцем наверху, — запугивал он. — Посмотри правде в глаза, Вэл, ты проиграла.

Вэл почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Она сердито сморгнула их.

— Чего ты хочешь от меня?

Джейсон моргнул, словно удивленный вопросом.

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего, — согласился Джейсон и сделал паузу, прежде чем добавить:

— От тебя.

Джеймс вернулся по лестнице, пытаясь найти место, где они с Вэл расстались. В коридоре было тихо, и он нахмурился — это конечно большой дом, но он все равно должен был на кого-то наткнуться. Но нет. В просторных комнатах и узких коридорах было тихо, как в могиле. Он раздраженно прорычал. Что за пустая трата времени.

Поднялся по лестнице, изучая картины на стенах, но на самом деле не видя их. Ни одна из фотографий не была семейной, что придавало атмосфере холодное, безличное ощущение. Большая часть мебели была в аварийном состоянии, выглядела так, как будто ею давно не пользовались...

Одна картина привлекла его внимание. На ней были изображены король и королева, оба

в безукоризненно белых одеждах. Большинство цветов были холодными — много синего, белого и серого. Единственным цветным пятном были огненно-рыжие волосы женщины. Он нахмурился. Ее поза свидетельствовала о беспомощности, возможно, вызванной травмой. Напротив, поза мужчины была агрессивной. В его пальцах был устрашающий, слегка изогнутый клинок. Джеймс вздрогнул. Перспектива была немного не правильной, неестественной, как сцены погони в фильме-слэшере. Ему казалось, что он уже где-то видел это изображение — но где? Сам того не желая, он остановился и уставился на нее.

За ним захлопнулась дверь. Джеймс обернулся, но там было так много дверей — открытых и закрытых, — что невозможно было определить, из какой из них доносился звук.

— Кто здесь?

Тишина высмеяла его вопрос.

— Это не смешно, — добавил он предупреждающе, как раз в тот момент, когда еще один хлопок — на этот раз ближе — раздался из-за одной из закрытых дверей. — Я спрашиваю, кто здесь?

Хлопок.

На этот раз звук возник прямо у него за спиной. Джеймс автоматически повернулся в этом направлении, смущенный тем, что снова оказался перед пустым коридором — с одной небольшой разницей. К одной из теперь уже безмолвных дверей был прикреплен маленький листок бумаги. Он подошел, повернув голову, чтобы осмотреть обе стороны коридора, прежде чем полностью сократить расстояние и взять записку.

Он не узнал почерк. Буквы были написаны так грубо, что в некоторых местах большие промежутки разделяли отдельные штрихи, в то время как другие были покрыты чернилами.

«МАТ».

Глава 18

«Освобождающая жертва»

Освобождающая жертва в шахматах производится с целью перевода фигуры на лучшее место. Обычно для такого манёвра не требуется жертвовать значительным материалом.

Джеймс отступил на шаг. Бумага выпала из его рук и беззвучно упала на пол. Он едва заметил. Мат? Он мало что знал о шахматах — как и большинство вещей за пределами компьютеров и оценок, он считал это бессмысленной и пустой тратой времени, — но разве мат не означал проигрышный ход? Конец игры?

А потом он услышал:

— Привет, Джеймс, — легко произнесенные у него за спиной.

Что?

Удар был настолько неожиданным, что его нервы не сразу отреагировали. Боль пришла внезапно и яростно, как взрыв. Он видел звезды; горячие, белые вспышки света на периферии сознания. Что-то твердое ударило его по коленям, и он понял, что это пол. Последнее, что он услышал, был слабый звон, а затем все погрузилось во тьму.

Доски громко скрипели под ее ногами. Вэл почти не замечала этого и не обращала внимания.

Она в отчаянии посмотрела на свои ноги и с удивлением увидела записку, приклеенную к подошве ее туфли. Откуда это взялось?

Нахмурившись, она оторвала бумагу от подошвы и разгладила ее. Единственное слово («МАТ»), написанное уродливыми заглавными буквами, маршировало по листу сверкающими кроваво-красными чернилами. Неровности букв и размазанные чернильные кляксы наводили на мысль, что рука, выводившая его, дрожала от какого-то сильного чувства. Но для кого? И почему?

Вэл не могла придумать ответа. Она не была уверена, что хочет его знать. Но, о, она могла догадаться.

Именно тогда она услышала голоса. Они все еще были слабыми, но становились все ближе, и она сразу узнала раздражающий рев Джейсона. Голос Чарли было так же легко узнать. Вэл сунула записку в джинсы и завернула за угол, держась одной рукой за дверную ручку на случай, если они подойдут ближе.

— ...Я не думаю, что общение с ГМ поможет твоей ситуации...

— Джейсон, отвали. Мне не нужен твой совет.

— Я видел, как ты смотришь на него. Уверен, он тоже. Но его интересует кто-то другой. Кто-то, кто, судя по всему, не ты.

«Он говорит обо мне?»

— Это все, что у тебя есть? — наконец спросила она. — Посмотри на меня. Все, что мне нужно, это остаться с ним наедине на пять минут, и я поставлю его на колени...

— Это большой дом, Чарли, но не огромный. Ты знаешь, что я прав. Ты должна была бы уже загнать его в угол, но не смогла. Он хитер и не хочет, чтобы его нашли. Что, кстати, подтверждает мою точку зрения.

— Какую точку зрения? Думаешь, она ему нравится? Эта маленькая девочка?

— Нравится — неподходящее слово для этого.

— Ты хочешь сказать, что разговаривал с ним?

— Возможно, — уклончиво ответил Джейсон.

— О чем? Когда?

— Это тебе дорого обойдется.

Послышался легкий стук, как будто кто-то ударил рукой по стене.

— И чего ты хочешь?

— Мне нужна твоя единственная подсказка про листочек, что нам дал ГМ, — небрежно добавил Джейсон, — вот и все.

— Прекрасно.

— Суть в том, что ГМ попросил меня оказать ему небольшую услугу в начале этого раунда.

— Какого рода услугу?

— Он хотел, чтобы Вэл осталась одна. Затем он проинструктировал, что именно нужно сказать, чтобы она держала рот на замке.

«О Боже, я так и знала. Я так и знала...»

— Зачем ему это делать?

— Не знаю, он не сказал. Он не очень хороший собеседник. Но уверен, ты можешь догадаться.

— Чертова сука. — Чарли прерывисто вздохнула. — Я должна была догадаться, после того как увидела, как она целовалась с ним в одной из свободных комнат внизу. Маленькая шлюшка.

— Думаю, у них есть общая история. — Вэл услышала ухмылку в его голосе, когда он добавил. — Или, может быть, химия.

— Она скоро станет историей, — огрызнулась Чарли. — Фу! Я ей не верю. Что еще сказал ГМ? Что-нибудь полезное?

— Ничего о тебе, если именно это тебя интересует. Больше ничего, нет правда. Я знаю, что ему не нравятся ни Лиза, ни Джеймс. Теперь моя подсказка?

— Твой рассказ бесполезен.

— Это лучшее, что ты можешь получить.

Чарли вздохнул, прекрасно выражая недовольство.

— Она в черной команде, ты просто вампир. Теперь счастлив?

Впервые Джейсон, казалось, был застигнут врасплох.

— Это Вэл? — Чарли, должно быть, покачала головой, потому что он продолжил, понизив голос: — Лиза? Блондинка?

«Лиза?» Вэл переступила, пытаясь лучше расслышать, и ее нога опустилась на расшатанную половицу. Скрип. Глаза Вэл расширились в немом ужасе. Она полуобернулась в сторону лестницы.

Голоса в соседней комнате смолкли.

— Ты что-нибудь слышала?

Вэл вжалась в стену.

— Вероятно, дом оседает. Доски старые. В чем дело? Испугался?

— Подумал, что кто-нибудь может подслушивать.

Вэл крепче сжала дверную ручку, которая скользнула по ее потным ладоням. Она тупо уставилась на медный круг, прежде чем повернуть запястье. О боже. Что, если она заперта? Она совсем не подумала об этом. Черт, она и представить себе не могла, что за ней будут охотиться в одном из коридоров, как за испуганным кроликом. К ее облегчению, дверь легко открылась. Она проскользнула внутрь, услышав шаги Джейсона за поворотом коридора, в нескольких дюймах от того места, где она стояла несколько минут назад.

Шаги замерли. Она слышала шорох одежды, когда они изучали пустой коридор, представляла, как осматривают, казалось бы, бесконечную линию дверей. Чарли фыркнула.

— Тут пусто. Ты, должно быть, ослышался. Здесь никого нет.

Вэл сделала шаг в сторону от двери... и приземлилась прямо на другую скрипучую доску.

— Я снова это слышал. — Одна из дверей открылась. Не ее — но близко. Слишком близко. — Здесь.

— Может быть, — согласился Чарли, тоже делая шаг вперед.

Сосредоточенность Вэл сузилась настолько, что ей потребовалось мгновение, чтобы узнать комнату. Это была спальня, та самая, в которой Гэвин запер ее во время штрафного раунда. Шахматный набор сложно было не узнать — хотя он выглядел так, как будто кто-то играл с доской. Он была немного смещена от центра, и по всему столу и полу валялись разбросанные фигуры.

Вэл нахмурилась. Она отчетливо помнила, как Гэвин запирает дверь. Сейчас нет времени на размышления об этом.

— Лиза? — тихо позвал Джейсон, с угрозой крадущейся кошки. Он сделал паузу, — Вэл? Джеймс?

— Если это они, ты серьезно думаешь, что они ответят?

Вэл пробралась к двери, все еще искусно скрытой большим плакатом, и вошла, чуть не плача от облегчения, когда оказалась в этом затхлом старом кабинете. Спасибо. Она тщательно проверила каждую доску, направляясь к главной двери, идя против всех инстинктов, которые кричали ей бежать, и быстро. Тихий отчаянный голосок подсказывал, что она не хочет, чтобы ее поймали.

Не они.

Джеймс очнулся в полной темноте.

Все казалось размытым. Он несколько раз моргнул, пока зрение не привыкло. Он мог различить слабый синий свет, на который было больно смотреть, даже при таком слабом освещении. Что случилось? Он оглядел комнату, пытаясь придумать ответ, но было слишком трудно сосредоточиться с этой постоянной пульсирующей...

Подождите.

Болью.

Он шел по коридорам в поисках Вэл, и ГМ... ударил его по голове чем-то твердым и тупым. Джеймс моргнул, когда гнев вернулся в полную силу. Вот скотина.

Он попытался протянуть руку, чтобы оценить ущерб, но его руки оставались неподвижными по бокам. Неподвижными. Понимание пробилось сквозь туман. Он был привязан к стулу. Чем сильнее он боролся со своими узами, тем крепче они становились. Скользкие узелки. Кто-то сильно постарался, чтобы убедиться, что он не сможет уйти.

Джеймс облизнул потрескавшиеся губы и снова оглядел комнату. В тусклом свете были видны очертания стеклянных резервуаров. Аквариумы. Он знал, что в них есть вода, по мерцающим волнам на стенках. Ему показалось, что внутри мелькают маленькие тени.

Он дернулся вперед, когда что-то пластиковое коснулось его шеи. Деревянные ножки стула возмущенно закричали, когда он взвизгнул:

— Какого хрена?

Справа от него раздался низкий, невеселый смех.

— Добро пожаловать в инквизицию.

Яркий свет ударил ему в лицо. Джеймс снова закричал от боли и удивления, отвернув лицо, когда фиолетовые и зеленые пятна заплясали за его закрытыми глазами.

— Развяжи меня, пидор, — процедил Джеймс сквозь стиснутые зубы. — Я знаю, что это не часть игры.

— Как мало ты знаешь.

Джеймс подождал несколько минут, прежде чем открыть глаза. Когда его зрение постепенно привыкло к темноте, ему показалось, что он может разглядеть тонкую, одетую в белое фигуру хозяина дома где-то справа от него — но фигура исчезла, заставив его задуматься, не было ли это просто остаточным изображением.

Во рту был странный, ватный привкус, и голова болела сильнее, чем когда-либо. Джеймс попытался снова, почти задыхаясь от слов:

— Чего ты хочешь?

— Ничего особенного, — сказал ГМ, рисуя лучом восьмерку на потолке, — просто

ответы.

Джеймс уставился на колеблющийся свет. Кто бы мог подумать, что мерцающий луч фонарика может быть таким угрожающим?

— На что?

— На вопросы, конечно.

— Какого рода вопросы?

— Простые вопросы. — Стул заскрипел, когда ГМ поставил ботинок на одну из деревянных перекладин, откинув стул на несколько дюймов назад. — Я уверен, что даже ты сможешь ответить на них.

— Пошел ты.

Подошва ботинка ГМ с тяжелым стуком ударилась об пол, нарушив равновесие стула, и внезапно Джеймс упал. Воздух пронесся мимо его тела, желудок подскочил к горлу. Раздался громкий треск. Боль пронзила его руки, которые все еще были привязаны к стулу, и голову, которая продолжала болеть. Он услышал прерывистый вздох и с ужасом понял, что это его.

Свет перестал двигаться. Джеймс почувствовал, как застонали половицы рядом с ним, когда ГМ обошел его.

— Джеймс, пожалуйста, давай ты не будешь... скажем так... усугублять свое положение.

— Черт, — прохрипел Джеймс. Он покачал головой и тут же пожалел об этом, когда боль пронзила его шею. — Где Вэл?

— Ах, да, Вэл, — луч фонарика дернулся, когда ГМ снова поднял его. — Она очень заботится о тебе.

— Где моя подруга?

— Ты переживаешь за нее?

«Этого не может быть, — подумал Джеймс. — Список Жертв?»

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной.

— Уверю тебя, я говорю совершенно серьезно. — Он сделал паузу. — Можно даже сказать, что я... абсолютно серьезен. — Раздался глухой удар, скрежет пластика по дереву, а затем наступила полная тишина. Джеймс внимательно слушал. Все, что он мог слышать, было слабое жужжание фильтров.

«Он сумасшедший».

Внезапный порыв воздуха, сопровождаемый покалывающим холодом, был единственным предупреждением, которое он получил. Через несколько секунд он почувствовал, как чья-то рука впиалась ему в плечо. Джеймс резко выпрямился и чуть не порезался об острый край.

— Ну, Джеймс? Ты заботишься о ней? Или, может быть, ты больше беспокоишься о себе? Не могу сказать, что виню тебя.

Джеймс открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

— Понятно, — сказал ГМ, как будто не было никакой паузы, — Похоже, я переоценил твои способности к рассуждению и логике. Возможно, — и тут давление на лезвие усилилось, — здесь уместен другой вопрос.

Джеймс не осмеливался сглотнуть, не говоря уже о том, чтобы отпустить оскорбление, которое зависло на кончике его языка — черт, он едва мог дышать. — Дерьмо. Это ты... это ведь ты? Список Жертв...

— Разве я разрешил тебе говорить? — Он впиался пальцами в мясистую часть плеча

Джеймса, заставив его вскрикнуть. Его теплое дыхание обожгло глаза Джеймса. — Ты любишь ее?

— Иди к черту, больной ублюдок.

— Я так не думаю. — Джеймс почувствовал, как рука на его плече напряглась, прежде чем он почувствовал боль. Резкий укол, за которым последовало немедленное жжение, от которого его глаза наполнились слезами, когда тонкая струйка крови потекла по его шее. — Нет, я действительно так не думаю. Но если ты не станешь немного более полезен, ты окажешься там, Джеймс. Я обещаю тебе. И думаю, что мог бы начать с того, что вырвал бы твои ногти один за другим.

— Нет, — Джеймс поперхнулся желчью, подступившей к горлу. Этого не может быть. Этого не происходит. — Пожалуйста. Не делай мне больно.

— Ты любишь ее?

— Нет... нет, не люблю. — Это был первый раз, когда он признался в этом даже самому себе.

— Ты обладал ею? Трахнул ее? — ГМ — Список Жертв — зарычал, грубые эмоции в его голосе были едкими, как кислота. — Ты когда-нибудь заставлял ее кончать?

Джеймс вздрогнул, когда почувствовал, как острие ножа уперлось во влажную промежность его джинсов. Его член съежился, как будто ему было стыдно.

— Нет, — простонал он. — Никогда. Я хотел, но... но она не позволила. Пожалуйста...

— Значит, вместо нее у тебя была другая, — задумчиво произнес ГМ. — Лиза? — Джеймс вздрогнул. — Разве не так, Джеймс?

— Как... как ты мог это узнать?

ГМ, казалось, рассматривал его в темноте. Воцарилась тишина, нарушаемая только сдавленными рыданиями Джеймса.

— Глупый мальчишка. — Медленно, неохотно он убрал клинок, и Джеймс снова смог дышать. Через несколько секунд он услышал скрип петель, стук шагов и приглушенный щелчок двери. Потом ГМ ушел — и Джеймса вырвало.

Лиза набрала семизначный номер на своем мобильном телефоне, нахмурившись, когда звонок не прошел.

— Нет сети. — Она попыталась поискать прием, а затем повернулась к Блейку, который странно замолчал. — У тебя есть сеть?

Он медленно покачал головой.

— У меня нет сотового телефона. Сколько у тебя зарядки?

— Семьдесят процентов — и я только сегодня утром зарядила его. — Она с отвращением опустила руку, позволив украшенному драгоценными камнями амулету ударить по хрому. — Попробую выйти на улицу. Может быть, это что-то в доме. Что-то блокирует эфир, — добавила она, пытаясь казаться умнее.

— Думаю, что это незаконно.

Лиза пристально посмотрела на него, чтобы понять, не смеется ли он над ней, но он просто ответил на ее взгляд широко открытыми невинными глазами.

— Как бы то ни было, — сказала она, — это раздражает.

Они молча шли по коридору. Блейк был всего на дюйм или два выше нее, так что это позволяло идти в удобном темпе — обычно Лизе приходилось почти бежать, чтобы не отставать от быстрых, торопливых шагов Джеймса. Это дало ей время осмотреть дом.

Большая часть мебели была сделана из темного дерева, окрашенного дуба или красного дерева, с конфетного цвета фасадами и другими безличными штрихами, художественно разбросанными по комнатам. Лиза невольно была поражена. Она видела точно такую же вазу за пару сотен на антикварном шоу по телевизору.

— Итак, — нерешительно начал Блейк, — что это значит?

— Что значит «что»?

Блейк снял очки и начал протирать их краем футболки. Лиза поморщилась. Ткань только размажет ту грязь, что появилась на линзах. Однако, Блейк, казалось, был удовлетворен результатом, и вернул их на место, сделав паузу, чтобы одарить ее острым взглядом поверх оправы.

Вскоре они добрались до входных дверей, различимых по толстым дубовым панелям и инкрустированным стеклянным окнам. Лиза попробовала полированную латунную ручку. Щелчок.

— Что не так с этой дверью? — прорычала она, яростно крутя ручку. — Откройся!

Между рыжевато-коричневыми бровями Блейка появилась морщинка.

— Она заперта?

— Нет... просто... заклинило. Как она может быть... заперта? Она прекрасно работала, когда мы... э-э-э... входили!

— Ну, если она заперта, мы можем попросить ГМ открыть ее для нас, — предложил Блейк, хотя морщинка не исчезла. — В любом случае, нам, вероятно, скоро следует уехать. У Вэл ранний комендантский час, верно?

— Да, так и есть. — Лиза повернулась к гостинной. Она сделала паузу. — Я думаю, что ГМ может преследовать Вэл.

— Возможно, вы что-то напутали. Она сказала мне, что считает его опасным, прямо перед первой игрой. Казалось, она тоже была напугана до смерти, хотя с тех пор ничего не говорила. Ты разговаривала с ней об этом?

— Нет, в том-то и дело. Думаю, именно поэтому я не смогла с ней поговорить. Думаю, что ГМ намеренно...

Блейк слегка покачал головой. Лиза оборвала свою речь на полуслове, медленно обернувшись, карие глаза уставились на дверь. Или, точнее, на человека, прислонившегося к ее раме.

— Привет, Лиза, — сказал он, коротко кивнув Блейку, — Какой приятный сюрприз. Я как раз собирался собрать всех на следующий раунд. — Он сделал паузу. — Возможно, вы поможете мне.

Блейк обменялся взглядом с Лизой. Было ясно, что он не хотел этого делать.

— Нет, вряд ли получится, — быстро сказала она. — На самом деле мы все еще ищем Джеймса и Вэл.

Пока Лиза наблюдала, его лицо сменило маску застывшей вежливости на ровное, расчетливое выражение хищника.

— Да, — медленно произнес Блейк, хватая ее за запястье. — Так что мы просто пойдем сейчас...

ГМ быстро преградил им выход одним грациозным движением, его улыбка была подобна яду.

— О, но я настаиваю.

Вэл прислонилась к резным перилам, остановившись, чтобы перевести дыхание. Она почти попалась.

Сделав последний глубокий вдох, направилась в гостиную. Она будет ждать там, пока не начнется следующий раунд. Этот «секретный» дверной проем в спальне гроссмейстера позволил ей вернуться в главный коридор и опередить Джейсона и Чарли на лестнице. Два белых игрока, вероятно, все еще искали ее... Она не слышала их шагов. Может быть, они заблудились.

Нет, ей так не повезет.

Вэл открыла дверь гостиной и остановилась, услышав голоса. Она могла различить тенор Блейка и сопрано Лизы — тугое и тонкое, как струна скрипки. Ее голос звучал странно. Вэл толкнула дверь и замерла, когда поняла, с кем разговаривают Блейк и Лиза.

— Привет, Вэл, — сказал Гэвин с кривой улыбкой. Она заставила себя не смотреть на его пальцы, когда он разглаживал складки на рубашке. — Как мило, что ты присоединилась к нам.

— Ч-что происходит? — Она смотрела на Лизу, но ответил Гэвин.

— Мы только начинаем миттельшпиль. *[[следующая за дебютом стадия шахматной партии, в которой, как правило, развиваются основные события в шахматной борьбе — атака и защита, позиционное маневрирование, комбинации и жертвы]]*

— Но я еще не нашла Джеймса.

— Какая жалость, — проговорил он.

Вэл смотрела на его удаляющуюся спину, и горький привкус страха застрял у нее в горле. Но прежде чем она успела придумать подходящий ответ, дверь распахнулась, и в комнату ввалились запыхавшиеся Чарли и Джейсон.

Брент прибыл через несколько минут. Он увидел, как Чарли и Джейсон пробираются через библиотеку, и решил последовать за ними.

— Я опоздал? — спросил он, нервно изучая собравшихся подростков.

— Нет, — сказал ГМ. — Ты как раз вовремя.

Вэл повернулась на своем месте, встретившись взглядом с Лизой.

— Где вы, ребята, были?

— Мы уже собирались искать тебя и Джеймса, когда он преградил нам путь, — сказала Лиза, кивая на ГМ. — Он чертовски напугал Блейка и меня. Выражение его лица... — Она слегка вздрогнула.

— Такое, как если бы он рассматривал, как наши головы будут выглядеть, свисая над его мантией, — поддержал Блейк.

— Я действительно начинаю волноваться, Вэл. Я пыталась дозвониться до мамы, но не смогла. Поэтому решила выйти на улицу и посмотреть, работает ли там мой телефон. — Лиза огляделась по сторонам и тихо добавила: — Входная дверь была заперта.

— Заперта?

— Я думаю, Лиза права, — сказал Блейк, садясь, — Мы здесь одни, если ты не заметила. Тот факт, что наши сотовые телефоны не работают, можно списать на

архитектурные недостатки, — его тон предполагал, что он сомневается в этом, — но запертая дверь и то, что в поле зрения нет никакого телефона, — совсем другое дело.

— И Джеймс все еще отсутствует.

О нет. Как бы не было уже слишком поздно, ее друзья оказались в опасности. Гэвин не потрудился сдержать свое слово.

— Ребята, мне нужно вам кое-что сказать...

— С возвращением, — произнес ГМ, и Вэл поспешно замолчала. — Наш следующий раунд называется миттельшпиль. В шахматах это означает начало конца.

«Начало конца? Как зловеще».

— У вас все еще остались записки с прошлого раунда?

Последовало несколько неуверенных кивков и «да», когда игроки проверили свои карманы, чтобы вынуть смятые бумажки.

— Я ничего у тебя не узнавал, — проговорил Джейсон, быстро передавая записку Чарли, которая закатила глаза и бросила листки в перевернутую ладонь ГМ.

Вэл сидела в конце ряда, так что в итоге она получила все записки своей команды. Они были примерно такого же размера и формы, как китайские предсказания, за исключением более грубой бумаги, и она поймала себя на том, что переворачивает один из листков, чтобы быстро взглянуть. На самом деле, поскольку она даже не успела вытащить в тот раз такую записку, это даже не должно считаться жульничеством...

Она перевернула листок, и чья-то рука схватила ее за запястье с чуть большей силой, чем позволял дружеский контакт. Вэл подняла глаза, открыв рот, когда встретилась взглядом с ГМ.

— Не стоит, — сказал он, опустив глаза на ее приоткрытые губы, когда брал листочки, — Вэл.

Она выдернула свою теперь уже потную руку из его хватки, бросив нервный взгляд на Блейка и Лизу, чтобы увидеть, заметили ли они. Они не заметили. Но Чарли — да. Выражение ее лица было грозным. Вэл посмотрела на свои колени и вытерла ладонь о джинсы.

(Произнеси мое имя)

— Это все? — спросил ГМ, переключая их внимание на переднюю часть комнаты. Не дожидаясь ответа, он сказал. — Хорошо. — И, к их удивлению, разорвал бумаги, позволив ключьям упасть на пол.

— Зачем ты это сделал? — спросил Джейсон, уставившись на остатки своего листка.

— Их наличие только усложнит вашу следующую задачу. У вас есть время до рассвета, — продолжил ГМ. Он закатал рукав, показывая черные часы. — Сейчас немного за полночь, так что остается шесть часов. Правила просты. Никому не разрешается выяснять, чье имя было в вашей записке, за исключением, конечно, человека, которому вы дали свою единственную подсказку... — Он с одобрением оглядел свою восхищенную аудиторию. — Если вы не выполните эти условия или проиграете, игра закончится, и вы получите шах и мат.

— Зачем нам шесть часов?

— Все очень просто. Вы должны убить человека, имя которого было написано на вашей бумажке.

«Требушет»

Такая позиция, когда пешки фиксированы, и короли находятся перед своими пешками (кони отпрыгивают), называется в шахматах «Требушет». Тот, кто двигается, проигрывает.

На ум пришли его слова, мимолетная угроза из прошлого, которая пустила корни и теперь расцветала в лозы с ядовитыми шипами. Вэл вспомнила их, как будто Гэвин говорил с ней вчера.

(Что, если вместо того, чтобы идти за тобой, я пойду за кем-то, кто тебе дорог? Будешь ли ты тогда сопротивляться мне? Или ты будешь играть по моим правилам в обмен на их благополучие?)

Вэл втянула в себя воздух. Боль обожгла, словно свежая.

Нет.

(Ты бы сделала это, не так ли?)

Он встретился с ней взглядом. Ей было интересно, вспоминает ли он тоже. Судя по довольной улыбке, играющей на его губах, как у кошки, которая сожрала сливки и канарейку, ей было трудно поверить, что ответ будет отрицательным.

Она сделала свой ход много лет назад. И теперь, четыре года спустя, он делал свой. Играл с ней так, словно она была одной из его шахматных фигур. «Это я во всем виновата, — подумала она. — Все это моя вина. Это все из-за меня».

Они все умрут из-за меня.

— Ты шутишь, — сказала Лиза. Ее голос звучал тихо.

— Сомневаюсь, — прошептала Вэл в ответ. Комок в горле вернулся с удвоенной силой, когда она смотрела на его жестикулирующие руки и вспоминала, что те же самые руки делали с ее телом в темноте.

Она не могла дышать, горло сжалось, и комок, казалось, давил на язык. «Ты — чудовище». Даже сейчас каждый его взгляд вызывал мурашки по ее спине, дразня каждый нерв. «Возможно, не ты держала нож у их горла, но именно ты подписала приговор».

Ей хотелось подавиться этим комком — подавиться им и умереть. Мысль о том, что, возможно, именно Гэвин должен умереть, не приходила ей в голову. В этот момент, с его самозваной властью над жизнью и смертью, он казался почти богом, вершителем их судеб.

«Что мне теперь делать?»

— Игра, в которую вы решили играть, очень опасна. Один король, одна королева, шесть пешек. Победитель получает все. Нет никаких ограничений по времени, только ваши жизни.

Игроки в ужасе уставились на него, узнав некоторые из своих подсказок из предыдущего раунда. Лиза дернулась, словно собираясь убежать, и Гэвин предупредил:

— Ты знаешь, что говорят о бегстве от хищника — это, как правило, вызывает у него инстинкт погони.

Лиза побледнела.

Гэвин прочистил горло.

— Как я и говорил, вы должны выяснить, кто есть кто, прежде чем закончится отведенное время.

— И умереть, — решительно закончил Джейсон.

— Да.

Вэл подскочила от визга отодвигающегося стула.

— Я не хочу играть, — заявил Блейк. — Это ужасно — варварство. Ты говоришь об убийстве людей — охоте на них ради забавы, как в той книге «Самая опасная игра».

Блейк посмотрел на Гэвина, словно давая ему шанс опровергнуть данные им инструкции. Посмеяться над всем этим, как над одной большой, ужасной шуткой. Но Гэвин был молчалив, серьезен — смертельно серьезен, подумала Вэл немного истерично, — и Блейк продолжил прерывающимся голосом, пронизанным дрожащей храбростью:

— Я никого не убью — я отказываюсь.

— Значит, ты готов поплатиться за свой отказ? — Гэвин сделал шаг в сторону Блейка. — Ты это хочешь мне сказать?

Блейк отшатнулся.

— Я... наверное. Я не буду этого делать, мне все равно, как ты это называешь. Это убийство, и я не буду...

— Как это благородно с твоей стороны, — быстро оборвал его ГМ. — Однако, если ты решишь сдаться, ты умрешь. Прямо сейчас. Наверное, я забыл упомянуть об этом, — рассеянно сказал он, когда Блейк в ужасе уставился на него. — Насколько я понимаю, у тебя есть два варианта. Первый: садись и играй в игру. Или второй: умри там, где стоишь. Что выберешь?

Блейк с ошеломленным видом сел.

— Я так и думал. Есть еще вопросы?

Было много вопросов, висевших в воздухе, как ядовитые пары, но никто не сказал ни слова. Они слишком боялись ответа и слишком боялись тратить время, необходимое для его получения. На этот раз ГМ не нужно было говорить им, чтобы они бежали. Они стали охотниками и добычей, одновременно.

«Я должна остановить его».

9-1-1.

«Нет сети».

Она снова набрала номер, в спешке путаясь. Те же два слова мигнули, дразня ее.

«Нет сети».

Нет. нет, нет, нет. Боже мой. нет

— Знаешь, я мог бы наказать тебя за это.

Вэл подскочила, ее хватка на телефоне ослабла от удивления. Он был вырван из ее руки, и она услышала громкий хруст, вздрогнув, когда кусочки упали на пол несколько секунд спустя. Медленно подняла голову и встретилась с бесстрастным серым взглядом гроссмейстера. ГМ.

Гэвин.

— Ты.

Он открыл рот, но Вэл бросилась на него, прежде чем он успел произнести хоть слово. Говорит с ним больше не о чем, а даже если бы и было, ей неинтересно это слушать. Они оба с тяжелым стуком ударились о половицы. Он охнул, и темное удовольствие затопило Вэл. Наконец-то она смогла сделать это, заставить его почувствовать боль.

Это напомнило ей, что он смертный, из кожи и костей и, как и все люди, мог умереть.

— Ты больной подонок, — прорычала она, хватая его за воротник. Костяшки ее пальцев

были прижаты к его горлу, и она чувствовала его пульс. — Ты чертов психопат, — каждый удар был встречен насмешкой, каждый вздох — издевательским смехом. — Я... я убью тебя!

— Я с радостью стерплю небольшую смерть от твоих рук.

— Не разговаривай со мной! — закричала она, впиваясь ногтями ему в плечо. Достаточно сильно, чтобы заставить его поморщиться. Потому что каждое сладкое слово, слетавшее с его губ, разъедало и лишало ее решимости. — Ах ты, ублюдок! — Она вцепилась ему в лицо. Гэвин схватил ее за запястье, прежде чем ее ногти успели коснуться его кожи. — Отпусти меня!

Она попыталась ударить его коленом. Он крутанул бедрами, и инерция этого движения заставила ее перевернуться на спину.

— Так хочется, чтобы я снова оказался на тебе? Вэл, ты ненасытна.

Вэл испустила испуганный вопль. Она не могла брыкаться. Она не могла ударить. Она едва могла двигаться, она оказалась в ловушке. Осознание этого отозвалось в ее теле глубоким удовлетворенным «да».

— Отпусти меня.

— Ты хорошо повеселилась. А теперь я предлагаю закончить, пока тебе везет. — Он выхватил нож. Лезвие было покрыто кровью. Он помахал им, наблюдая, как она следит за движениями. — Я не хочу использовать его на тебе.

Она замерла, и после долгой паузы он убрал нож обратно в невидимый карман, откуда и вытащил. Вэл вздрогнула, гадая, чья кровь была на лезвии. Джеймса? Он что-то сделал с Джеймсом?

— Ты... ты действительно собираешься убить нас.

— Лично нет.

Теперь он играл словами только потому, что мог. Она стиснула зубы и потребовала:

— Почему?

— Из-за тебя у меня было много проблем с этим неприятным судебным делом. Я чуть не попал в тюрьму. Потерял время, деньги, бизнес, свое искусство, — произнес он вкрадчиво. — И все потому, что ты не смогла смириться с тем фактом, что принадлежишь мне. Вполне справедливо, что ты сейчас здесь.

Она взбрыкнула.

— А как насчет остальных?

— Хмм?

— Джейсон. Чарли. Brent.

— Ох, — сказал он, — они.

— Как насчет них? Они не имеют к этому никакого отношения. Ты думаешь, они просто согласятся?

— Я обеспечил им достаточную мотивацию. Если быть точным, в пять миллионов долларов. Если они победят.

«Откуда у него такие деньги?» Она покачала головой, пытаясь прийти в себя. Сейчас это не самый важный вопрос.

— Значит, ты хочешь отомстить, — решила она.

— Нет, Вэл. Все гораздо проще, я удивлен, что ты еще не поняла этого. Я хочу тебя.

— Почему? — снова спросила она, на этот раз жестче.

— Потому что, моя дорогая, у тебя есть то, что мне нужно. — Он похлопал ее по груди, по колотящемуся сердцу. — Здесь.

«Тяни время».

— В твоей игре есть огромная дыра.

— Какая?

— Ты предполагаешь, что другие на самом деле собираются убить людей, указанных в их бумажках.

— И ты думаешь, что они этого не сделают? Почему нет?

— Потому что мои друзья хорошие люди.

— Ах, но мои игроки мотивированы чем-то гораздо более сильным. — Он отпустил ее руки и потянулся, чтобы расстегнуть свою цепочку. — Простая жадность. Она привязывает их ко мне.

Холодная стальная цепочка скользнула по ее запястьям, плотно сжимая их.

— Так же, как это связывает тебя со мной, — ее глаза расширились от понимания.

Он связал ее лодыжки шнуром от разбитой лампы, достаточно крепко, что она поморщилась.

— Должен сказать, ты действительно выглядишь очень сексуально. — Он достал рулон скотча. — Если бы у меня не было так много дел, я бы поддался соблазну... оставайся здесь, — он оторвал кусок скотча, — и играй.

Вэл попяtilась, и осколок стекла пронзил ее ладонь.

— Ты навредишь себе. — Он разгладил скотч на ее губах, позволяя своим пальцам скользить вниз по ее подбородку. Вэл дернулась, пытаясь освободиться от оков, ненависть и страх в равной мере охватили ее. Его взгляд упал на ее сжатый кулак, из которого сочилась кровь. — Ох, дорогая. Ты уже это сделала.

Она проклинала его, не обращая внимание на заклеенный рот.

— Дай мне посмотреть. — Он разжал ее руку и одним прикосновением освободил осколок. — Вот так. — Гэвин со звоном уронил стекло на пол. — Разве не лучше?

Вэл содрогнулась от отвращения.

— Когда ты так сопротивляешься, я не знаю, что мне делать, — он облизал окровавленные пальцы. — Ты заставляешь чувствовать то, что мне казалось невозможным. Знаешь, я мог бы обратиться к твоим романтическим чувствам. Ты была такой невинной. Такая наивная. Я мог бы заманить тебя к себе пустой ложью, и ты пришла бы ко мне добровольно.

Вэл позволила выражению своего лица сказать, что она об этом думает. Он вытер влажные пальцы о ее джинсы и погладил по щеке. Она вздрогнула.

— Но я этого не сделал. И знаешь, почему? Потому что хочу, чтобы ты точно знала, кто я такой. Так что, когда ты сделаешь свой выбор, ни у тебя, ни у кого другого не будет сомнений, — он наклонился ближе, — что Валериан Мэри Кимбл точно знала, во что ввязывается, когда позволила мне лечь в ее постель. Кто из нас тогда будет монстром, а? Красавица или бедное обманутое животное? В прошлый раз ты выиграла битву, моя дорогая, но в конечном итоге проиграла войну. На этот раз ты ничего не выиграешь. Я позабочусь об этом.

Она услышала, как Гэвин поднялся на ноги. А потом он исчез.

Кожу на плече Лизы покалывало, от чего она приглушенно взвизгивала. С бесконечным терпением Блейк протянул руку и стряхнул что-то с ее спины.

— Что... что это было?

— Паук.

— Фу! — Она потянулась, царапая кожу. Лиза все еще чувствовала, как ползут его маленькие лапки...

— Лиза, это просто паук. У нас гораздо большие проблемы.

— Знаю. Я просто... боюсь, ясно?

Блейк вздохнул.

— Мы должны сохранять спокойствие...

— О, точно. Спокойствие!

— ГМ хочет, чтобы мы боялись. Страх снижает концентрацию и подавляет логику. Он, вероятно, рассчитывает на то, что это сделает нас глупыми и медлительными. Мы не можем дать ему то, что он хочет.

— Ты не боишься?

— Конечно, я боюсь.

— Как ты можешь быть разумным в такое время?

— Я пытаюсь думать об этом как о головоломке. — Его голос дрогнул? — В этом все дело, разве нет? Ключи к разгадке? Шахматные фигуры? Сообщение на стене? Это игра, и он не собирается облегчать нам побег — не с теми усилиями, которые вложил в подготовку.

— Блейк? Кто на твоей записке?

Морщинка прорезала его лоб.

— Я не должен тебе этого говорить. Помнишь?

— К черту ГМ, — выплюнула Лиза, — И его маленькие правила тоже — они все равно нас убьют. — Ей показалось, что он улыбнулся, но улыбка была слишком темной и короткой, чтобы сказать наверняка. — Блейк? — спросила она после долгой паузы. — Кто был в твоей записке?

— Чарли.

Лиза облегченно выдохнула. Человек не из их команды. Не то чтобы она хотела кого-то убить, но... но она не хотела умирать. Она только что закончила писать свои мотивационные эссе. Она только что получила подтверждение от Вашингтонского университета. Она не хотела умирать! Она не могла умереть.

— Из любопытства, почему ты спрашиваешь?

Лиза запнулась.

— Я просто... хотела узнать, не собираешься ли ты... Ну, ты знаешь.

— Нет, — Лиза вздрогнула. — Нет, — повторил он чуть более спокойным голосом, — Нет. Я никого не убью. Мне казалось, я ясно дал это понять в гостинной.

— И мне кажется, ГМ тоже ясно дал понять, что твое рыцарство не имеет для него значения. Это не одна из твоих компьютерных игр. Лишних жизней нет. Никаких бонусных очков за храбрость. Он убьет тебя. Разве ты этого не видишь?

— Да, — его голос прозвучал ровно, бесстрастно.

— Тогда почему ты это делаешь?

— Не хочу опускаться до его уровня.

— Блейк.

— Лиза, поверь мне. Это личное. У меня есть причины.

Слезы навернулись ей на глаза. Она нетерпеливо смахнула их.

— Да, и из-за них тебя убьют.

«Кого это волнует? Он просто чокнутый. Спасай себя. Беги».

Творящийся кошмар пробуждал в ней ту сторону, о существовании которой она и не подозревала. Та сторона ее самой, с которой Лиза чувствовала себя неудобно.

— Блейк? — Беги. — Блейк? — прошипела она громче, пытаясь заглушить паническую сирену в голове. — Блейк, ты здесь?

Он исчез. Она осталась одна. Опять.

Как исчез Блейк? И когда? Она разговаривала с ним несколько секунд назад. Лиза подумала о том, чтобы вернуться и поискать его, но не было никакой гарантии, что вместо этого она не столкнется с крадущимся членом белой команды — а там было так много дверей. Но Блейк не мог уйти слишком далеко, и, если он будет бродить по коридорам в одиночку, его могут убить.

— Блейк, — простонала она, — что мне с тобой делать?

Тяжело сглотнув, Лиза потянулась к ручке двери перед собой. В отличие от входной двери, она легко повернулась в руке, и она рывком открыла ее. Лиза могла различить тусклое голубое свечение в комнате, но не смогла определить его источник.

— Здесь кто-нибудь есть? — робко спросила она, сжимая дверную ручку так сильно, что у нее заболели пальцы. — Алло?

Да. Там, в тени, она смогла различить силуэт кого-то, сидящего в темноте. Это был Джеймс. Она чуть не рассмеялась — Джеймс. О, слава богу. Пока они ужасно волновались, он все это время прятался здесь. Глупый, надежный Джеймс, подумала она, кто бы мог предположить, что он такой трус?

— Джеймс, пойдем, мы должны уйти с тобой отсюда.

Тишина.

— Джеймс? Ты меня пугаешь. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Хоть что-то. — Лиза отпустила дверную ручку и сделала несколько шагов вперед, пока не оказалась всего в нескольких дюймах от стула. Она почувствовала что-то странное, неприятно знакомое, но не могла подобрать этому названия.

— Джеймс. Послушай, меня, — Она схватила его за рубашку, — я знаю, что мы серьезно вляпались. Поверь мне, это так. Я схожу с ума. Но мы не можем...

Ее пальцы скользнули по чему-то влажному и скользкому на его воротнике. Лиза медленно подняла руки. В тусклом свете кончики ее пальцев казались почти черными. Кровь?

— О боже, — выдохнула Лиза, — о боже, нет. Пожалуйста... нет.

Но она знала. Даже когда прижала дрожащие пальцы к его остывшей коже, она знала. Джеймс не ответил, потому что Джеймс был мертв. Она разговаривала с трупом.

И теперь она узнала этот запах. Моча. Он обмочился до или после того, как его убили. Лизу подташнивало, когда она оцепенело вышла в коридор, сопротивляясь желанию вытереть руки о складки платья. Где-то здесь должна быть ванная, чтобы она могла смыть воспоминания о его жесткой, неподатливой плоти... о застывающей крови...

Джеймса.

Она наклонилась и выплеснула содержимое своего желудка на пол с такой силой, что ей стало казаться, что она никогда не остановится. Но в конце концов она это сделала и нашла старую ванную в конце коридора.

О боже, о боже, о боже.

Шмыгая носом, она терла руки до тех пор, пока костяшки пальцев не покраснели, а с

ногтей и кожи не исчезли все красные следы. Рядом с раковиной стоял дозатор мыла, но он выглядел древним, практически антикварным, судя по застывающей корке, прилипшей к насосу.

(Вы должны убить человека, чье имя написано у вас в записке)

Она сомневалась, что ее руки когда-нибудь снова станут чистыми.

«Как Лиза могла так сыграть на руку гроссмейстеру?» Это так разозлило его, что он не мог видеть ясно. На секунду, всего на секунду, она показала себя не просто одной из хихикающих, популярных знакомых Джеймса, а затем просто...

— Лиза? — прошептал он. Затем, более громким голосом, — Лиза?

Внизу грохнуло что-то тяжелое.

Он неуверенно остановился, положив руку на резные перила. Это могла быть ловушка, но члены белой команды до сих пор в основном вели себя нормально. «За исключением Джейсона», — подумал Блейк, вспоминая, как тот грубо толкнул его в шкаф, прежде чем он смог прийти в себя. Джейсон плохой человек.

Блейк сделал еще один осторожный шаг.

— Лиза?

Стук стал громче. Вероятно, тогда это не белая команда. Слишком рискованно поднимать столько шума, не зная, кто первым идет по коридору.

Если только это не какой-то отвлекающий маневр.

Раздался громкий хруст. Он взглянул под кроссовки. Битое стекло. За проволочной оправой очков его карие глаза тревожно расширились. Оно валялось повсюду. Его взгляд задержался на пустом абажуре, лежащем на полу рядом со старым столиком красного дерева. Кто-то боролся?

— О боже, — выдохнул он, — Вэл.

Рыжеволосая девушка сидела, прислонившись к стене, с краю беспорядка. Она была в сознании, но связана, с кляпом во рту и слегка ошеломлена. Блейк опустился на колени и ощупал ее. Металл. Это было похоже на велосипедную цепь.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, — я плохо разбираюсь в узлах... ты вообще можешь наклониться вперед?

Вэл сделала и сказала что-то непонятное. Он уставился на нее, покраснев от понимания, когда ее взгляд остановился на ленте, закрывающей рот.

— О, точно. Извини. — Он сорвал ленту, и Вэл хрипло вскрикнула, от чего они оба подпрыгнули.

— Прости! Прости!

Она несколько раз причмокнула губами.

— Это... О боже, как больно. Все в порядке. С-спасибо. Цепь не завязана узлом. Это ожерелье — там есть застежка.

— Вижу, — Блейк двинулся вперед, расстегивая застежку. Находясь так близко к ней, он чувствовал, как она дрожит, и видел бисеринки пота на ее коже, увеличивающие веснушки. — Кто это с тобой сделал?

— Гэвин.

— Кто?

— ГМ. Его настоящее имя Гэвин, и он играет не в одну игру, а в две, — пробормотала

она, — он пытается убить вас всех, и я должна спасти вас. Вот почему он связал меня. Так чтобы я не могла... Он думает, что я... О боже, Джеймс. Я думаю, что он мог сделать что-то ужасное с Джеймсом.

— Мы найдем его. — Цепочка со стуком упала на пол, и он отшвырнул ее в сторону, неловко похлопав Вэл по спине. — Пойдем, все будет хорошо.

— Он винит меня, — сказала она. — Это все моя вина...

— Поговорим позже. Пошли. Скорее.

И именно тогда они услышали крик.

Глава 20

«Контригра»

В шахматах — возможность встречной игры против слабостей противника.

Тишина оглушила ее. Только мурашки на руках и побелевшее лицо Блейка убедили, что крик действительно был. Вэл вздрогнула, не в силах оторвать глаз от темной лестничной площадки. Она все еще слышала, как он пронзительно отдается в ее ушах, словно трек на повторе.

Вэл крепче сжала перила.

— Ты это слышал? Блейк?

Он молча кивнул, глядя на лестницу.

— Голос принадлежал... Лизе. Пошли.

Вэл смотрела, как он двинулся вперед — хрупкая, одетая в черное фигура — и почувствовала, как когти страха глубоко вонзились в ее сердце.

— Подожди секунду! — Он просто смотрел на нее, и яркий свет лампы отражался от его очков. Выражение на его лице испугало ее. Блейк выглядел слишком измученным, слишком мудрым. Она схватила его за плечо и добавила приглушенным голосом. — Ты понятия не имеешь, что там наверху!

— На самом деле, — сказал Блейк дрожащим голосом, — я знаю.

(Голос принадлежал Лизе)

И кричала она так, словно ей больно.

Слюна в ее горле пересохла. Рука Вэл соскользнула с плеча Блейка, но она этого не заметила. Осмелится ли он? «Да, — последовал ответ, — он сделает это». Этот взгляд в его глазах был таким пустым, таким беспокойным.

— Уверен, — заявил Блейк, — ловушка не имеет смысла — зачем рисковать, в конце концов? Она сработала бы только в том случае, если бы они были на сто процентов уверены, что нужный человек находится поблизости. И даже тогда, если неправильный человек тоже прибежит, они могут умереть.

Он действительно все продумал. Вэл рассеянно кивнула, но внутри она знала, что это не так. Потому что в этом доме был один человек, на которого правила не распространялись. Один человек, который уже показал себя довольно безжалостным...

— С тобой все в порядке? — спросил он так осторожно, что она чуть не вздрогнула. — Ты выглядишь... встревоженной.

Вэл нервно заломила руки.

— Это игра, — сказала она, — Эта глупая игра, и я не могу... — она покачала головой.

— Кажется, я увязла в ней. Я не могу думать ни о чем другом.

Ложь.

Блейк, казалось, обдумывал ее слова.

— Гэвин — это тот мальчик? Тот, что был у тебя на первом курсе? Тот, которого ты так боишься?

— О чем ты говоришь? — Она поморщилась. Ох. Это прозвучало слабо и оборонительно для ее собственных ушей.

— Лиза рассказала мне. Она рассказала мне все.

Она хотела разозлиться на себя, но смогла только сказать обиженным, отрывистым тоном:

— И когда у вас был этот разговор?

— Прямо перед третьим раундом.

Другими словами, за несколько секунд до того, как она нашла их в коридоре. Тогда она была в ужасе от того, что Гэвин скажет какую-нибудь маленькую фразу, предназначенную для того, чтобы спровоцировать ее перед друзьями. А они уже все знали.

«Мы могли тогда сбежать».

— Но даже если бы она этого не сделала, — поспешил сказать Блейк, — я мог бы догадаться. То, как ты смотрела на него, с самого начала... ты так боялась. Почему ты ничего не сказала?

— Он пообещал, что причинит вам всем боль, если я это сделаю, — всхлипнула она.

— Черт, Вэл.

— Прости, мне так, так, так жаль. Я думала, ты возненавидишь меня. Как и все остальные. Ты, и Джеймс, и Лиза — вы, ребята, все, что у меня есть, и я не вынесу, если что-то стан... — Вэл замерла, и несколько эмоций промелькнули на ее лице в быстрой последовательности, как щелкающие слайды. — О боже, — тихо проговорила она, — вот ублюдок.

Блейк остановился на верхней ступеньке лестницы. Он выглядел встревоженным.

— Вэл?

— Сюда. — Она потянула его за рукав в указанном направлении. — Кажется, я знаю, где Лиза, — она прерывисто вздохнула, все еще сотрясаемая рыданиями, подавить, которые ей потребовалось так много сил. — Я думаю, она у Джейсона.

Потребовалось несколько минут, чтобы вода из ледяной превратилась в обжигающую. Прошла еще пара минут, прежде чем ее тело зарегистрировало это изменение температуры. Лиза знала, что ведет себя нелепо, но каждый раз, когда она пыталась осознать то, что случилось с Джеймсом, его перерезанное горло и безжизненное лицо мелькали перед ее глазами, и она думала, что ее снова стошнит.

Наконец Лиза закрыла кран, вцепившись в мраморную стойку побелевшими костяшками пальцев. Он убивал их одного за другим, как глиняных голубей в тире. Она так боялась, что в следующий раз будет найден труп Блейка, или Вэл, или, что еще хуже, ее собственный.

Она не хотела умирать. Кто такой Блейк, чтобы обвинять ее в желании выжить? Кто он такой, чтобы судить?

Медленно, вытирая тонкую струйку слюны, свисавшую с ее губы, она подняла глаза к

позолоченному зеркалу, и ее уверенность сразу же начала ослабевать, когда она увидела лицо в зеркале. Она быстро вдохнула, невольно делая шаг назад. Джейсон быстро двинулся, поймав ее запястье одной рукой, а другой зажав рот, резко оборвав ее крик.

— Не думал, что ты настолько впечатлительная особа, — небрежно сказал он, игнорируя ее приглушенные возмущенные крики, — Но опять же, полагаю, что нельзя быть слишком осторожным, когда дело доходит до крови. Всегда можно что-нибудь подцепить.

Лиза замерла. Как он узна...

Конечно. Он следил за ней.

Джейсон вывел ее из ванной в лабиринт коридора, остановившись, чтобы бросить многозначительный взгляд в сторону комнаты, где был убит Джеймс. В панике она оставила дверь широко открытой, как разинутый рот.

Теперь она была закрыта.

Появился кто-то еще... кто-то, кто видел то, что видела она, — и решил запечатать улики, спрятать их от любопытных глаз, вместо того чтобы поднимать тревогу. Кто еще мог это сделать, кроме убийцы?

Убийца — Джейсон.

И он собирался отвести ее в эту комнату.

Она ударила ногой по перилам — они были из толстого дуба — и врезалась в него. Джейсон влетел в стену, выбивая воздух из собственных легких. С рычанием он схватил ее за руку и дернул за спину под углом, который обычно не встречается в природе. Лиза закричала.

И на этот раз крик был прекрасно слышен.

Джейсон выругался. Он переложил ее запястья в одну руку, чтобы прикрыть ей рот.

— Заткнись. — Лиза яростно замотала головой, показывая, что не сделает ничего подобного. — Я не собираюсь убивать тебя, глупая сука, — прошипел он с таким негодованием, что ей было трудно поверить ему. — Если бы это было так, я мог бы сделать это, пока ты сидела, сгорбившись над раковиной, как пьяная девчонка из женского общества.

Лиза вдохнула через нос. Он прав.

К ее удивлению — и облегчению — он вошел в другую дверь. На самом деле, это была та самая дверь, которую она упрямо пыталась открыть во время охоты за сокровищами. Тогда она была заперта, но ручка легко поддалась Джейсону. Еще одно плохое предчувствие разнеслось по ее венам, как наркотик.

Это была спальня. Спальня парня, судя по темному дереву и стальным акцентам. В углу комнаты стояли деревянные шахматы, которые казались довольно старыми. Фигуры были разбросаны, как будто кто-то в порыве гнева провел рукой по доске. ГМ?

«Гэвин, — поправила она себя. — Гэвин. Так правильно».

Лиза развернулась, оказавшись лицом к высокому парню.

— Это ты убил Джеймса? — ледяным тоном спросила она.

— Я не настолько кровожаден, — сказал Джейсон, качая головой, — Хотя не могу сказать, что мне жаль, что он мертв.

— В твоей записке не он, — тупо сказала Лиза. Она не была уверена, принесла ли эта новость больше облегчения или ужаса. Даже если это не он убил Джеймса, — а он мог солгать об этом, хотя Лиза и не думала, что это так, — он все равно опасен. Ее взгляд метнулся к закрытой двери.

— И не ты, — сказал он спокойно, — я буду честен с тобой. У одного из моих

товарищей по команде значится твое имя в записке, и, если я правильно помню правила, это означает, что он должен убить тебя.

— Кто... кто собирается убить меня? И откуда, черт возьми, ты знаешь?

— Я жульничаю, — проговорил он вкрадчиво, и ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что он только что ответил на ее вопрос.

Во всяком случае, наполовину.

— Похоже, у тебя действительно есть желание умереть. Не думаю, что ГМ оценит это.

— ГМ — это тот, кто сделал мое жульничество возможным. Я оказал ему пару небольших услуг.

— Какого рода услуги?

— Правила изменились, Лиза, — объяснил он, — я могу делать вещи, которые не доступны пешкам, ходить туда, куда пешки не могут ходить, например, в эту комнату. Возможно, ты заметила, что раньше она была заперта.

На этот раз она не стала так деликатно отступать.

— Зачем ему помогать такому подонку, как ты?

Джейсон усмехнулся.

— Ты хочешь сказать, что еще не поняла? Действительно? Это сделал твой друг.

— Нет, не поняла, — отрезала она, — Так почему бы не объяснить мне это по буквам, прежде чем я разобью тебе лицо?

Он усмехнулся, явно довольный собой.

— В следующий раз, когда увидишь Вэл, спроси ее.

Гнев вспыхнул яркой вспышкой, на мгновение затмив ее страх.

— Спросить ее, что...

Слишком поздно она поняла, что этот вопрос должен был отвлечь ее. Джейсон сделал выпад.

Он не был особенно силен, но он был большим, и сила его удара отправила их обоих на пол. Она ударилась плечом об основание шахматного столика, отчего боль пронзила руку. Лиза ахнула и задрала платье как раз в тот момент, когда пальцы Джейсона задели ее лодыжку. Она ударила ногой, сердце грохотало, и ей удалось подняться на ноги как раз в тот момент, когда Джейсон встал.

— Держись от меня подальше, урод, — предупредила она. — Или я закричу.

— Давай, — сказал Джейсон, — И тогда твой охотник может услышать тебя и сразу убить.

Она вздрогнула. О, боже. Он прав — она совсем забыла об этом в свете новой проблемы.

Он схватил ее за руки, удерживая на месте у стены. Она пристально посмотрела на него.

— Несмотря на детали, это игра. — Его дыхание было тяжелым и шевелило тонкие волоски вокруг ее лица. — Как и в любой игре, в ней есть правила. Здесь есть закономерность, Лиза, и я ее вычислил. Все это — игроки, фигуры, ты, я — все сводится к одному центральному фактору.

— Какому?

— Мечь.

«В этом есть смысл».

Его пронзительные голубые глаза остановились на ее лице.

— Для тебя еще не слишком поздно. Я могу тебе помочь.

— По доброте душевной, я уверена, — ответила она с сарказмом.

— Я не понимаю, почему так тебе не нравлюсь, — размышлял он, — Если бы мой товарищ по команде нашел тебя, она бы просто убила тебя, без лишних вопросов.

— Так что у меня есть выбор: присоединиться к тебе или быть проданной.

— Как-то так.

Когда Джейсон снова наклонился — без сомнения, в ожидании, что она согласится на его ужасную сделку, — она оттолкнула его. Сильно.

— Я предпочту рискнуть с убийцей.

Лиза выбежала за дверь, проскользнув мимо него. Его тяжелые шаги раздавались прямо у нее за спиной, как гром в ушах. Задышавшись от страха и напряжения, она наугад выбрала дверь и закрыла ее так надежно, как только осмелилась, почти рыдая от облегчения, когда он пронесся мимо нее. Она выдохнула, после задержки дыхания...

— и закончила тем, что опять задохнулась, когда чья-то рука зажала ей рот. Нашел ли Джейсон короткий путь или, что еще хуже, действовал как сообщник ее истинного убийцы? Она издала сдавленный звук в глубине горла, когда вцепилась в руку, пытаясь освободиться.

— Ой, — воскликнул обладатель руки удивительно знакомым голосом. — Лиза! Прекрати!

Нет, нет, нет.

— Лиза! Лиза, прекрати. — Рука исчезла. — Это мы. Это я.

— Блейк? — Лиза открыла глаза. — Вэл?

— Мы видели, как тот парень гнался за тобой, — сказал Блейк. — Джейсон, да? Я не хотел, чтобы ты закричала и предупредила его. Думаю, что он ушел, но не хочу оставаться здесь и выяснять это. — Он зашипел сквозь зубы, уставившись на свою руку. — Ох, — повторил он, глядя на три полоски крови, там, где она расцарапала кожу.

Извинение вертелось у нее на кончике языка, когда (кровь) она вспомнила, как Джейсону удалось поймать ее в первый раз — безжизненное лицо Джеймса, кровь, ужас. Все начало чернеть по краям, когда стены рухнули с ужасным ревушим шумом... а затем встревоженное лицо Блейка закрыло ей обзор.

— Я... думаю, ты просто упала в обморок, Лиза.

— О боже. — Она зажмурилась, сжимая виски. — Белая команда... Они убили Джеймса. Она слышала, как напряглась Вэл.

— Что?

— Ты уверена? — спросил Блейк потрясенно. Лиза флегматично кивнула. — Где?

Она неохотно открыла глаза и указала на дверь. Блейк повернулся в ту сторону. Нет, она не хотела, чтобы он уходил, не хотела оставаться одна. Она хотела выкрикнуть слова, которые заставили бы его остаться, не заставляя ее звучать совершенно жалко, но, к счастью, Вэл спасла ее от этого выбора.

— Я пойду.

Блейк покачал головой.

— Это действительно плохая идея, Вэл. Что, если Гэвин...

— Я сказала, что пойду, — она откашлялась. — Встретимся в гостиной, хорошо?

— Нет. Нет, пока мы не увидим, как ты спокойно дошла. Чтобы убедиться, что ты в безопасности.

«В безопасности, — подумала Лиза. — Как странно звучит».

Вэл уставилась на дверь, заставляя себя открыть ее. Она чувствовала, что ее друзья наблюдают за ней.

«Вперед».

Насмешка, прозвучавшая у ее уха, принадлежала не ее собственному голосу. Вэл резко обернулась, сердце бешено колотилось.

«Это у меня в голове. Там никого нет. На самом деле его там нет».

Медленно, дрожащей рукой она повернула ручку и ахнула — это была комната с аквариумами.

Вэл судорожно сглотнула и заставила себя оглядеть комнату. Люминесцентные очертания резервуаров давали достаточно света для беглого осмотра.

Вэл прикусила губу, вглядываясь в темноту. Единственным признаком беспорядка был перевернутый стул, который она не помнила раньше. Нахмурившись, она подошла ближе, поправляя его. При этом ее рука задела что-то твердое и шершавое, похожее на потертую веревку.

— Здесь никого нет, — сказала она, чувствуя, неимоверное облегчение. — Пусто.

Может быть, Лизе это показалось — может быть, страх вызвал у нее галлюцинации. Она ведь упала в обморок?

Но стул беспокоил ее настолько, что Вэл оглядела комнату во второй раз. Потом она что-то услышала. Тихий стук, как будто кто-то старался, чтобы его не заметили.

Она бросилась к двери, но та захлопнулась у нее перед носом.

— Что за...

Она попробовала ручку. Заперто.

— Открой дверь, Гэвин, — сказала она, — я знаю, что это ты.

Она почти могла представить себе насмешливый ответ. «Знаешь?»

Вэл ударила плечом в дверь.

— И я знаю, что ты сделал.

Ответа не последовало. Конечно. На самом деле она и не ожидала, но это все равно раздражало ее. Хотя Вэл показалось, что это прозвучало как странное молчание, если эмоции можно объяснить отсутствием звука.

— Ты действительно думал, что я позволю тебе безнаказанно мучить моих друзей? — С каждым словом она резко дергала дверную ручку. — На случай, если тебе интересно, я не буду. Я думаю, что это действительно плохо. Думаю, ты в самом деле болен. Ты не можешь так играть с людьми, ты сказ...

Дверь со скрипом открылась, и Вэл, не ожидая этого, вывалилась в коридор.

Она сделала неуверенный шаг вперед и чуть не раздавила золотые карманные часы, лежащие на полу. Нахмурившись, она подняла их, изучая. Циферблат был кристально чистым и отполированным, нарисованные римские цифры блестели, как слюда, но сами часы выглядели довольно старыми.

Бросив острый взгляд по обе стороны коридора, она обратила внимание на конверт под часами. Он не потрудился запечатать его, и слова, написанные внутри, казались поспешными.

«Оранжевая, 3 часа».

На часах было 2:46.

Глава 21

«Угроза»

Она перепрыгивала через две ступеньки, сжимая в руке часы. Письмо, она не взяла. Оно не поместилось бы в ее карманах, и она хотела оставить какую-нибудь подсказку, которая сказала бы остальным, где она находится, на всякий случай... Вэл сглотнула и покачала головой.

«На случай, если я не вернусь».

Где была оранжерея? Как она могла найти ее менее чем за пятнадцать минут? И снова он изначально уменьшил ее шансы, готовя к проигрышу. Расстроенная, Вэл оглядела холл, ища подсказки. Она думала, что ничего не найдет, пока не заметила лист бумаги на одной из дверей рядом с гостиной. Она сняла его.

Он был пуст.

Но, может быть, в этом-то все и дело? Поколебавшись, она открыла дверь и шагнула вперед. Порыв холодного воздуха ударил в нее, как из пушки, и Вэл замерла, все еще стоя у порога. Она была снаружи. Она была свободна.

Дверь захлопнулась за ней с тяжелым стуком, вернув ее к мрачной реальности. Не совсем. Вэл не слишком удивилась, обнаружив, что дверь заперта. «Думаю, это дорога в один конец».

Слева от нее находился бассейн. Он был освещен, и она могла видеть тонкие завитки пара, поднимающиеся от похожей на драгоценный камень поверхности. Справа располагался небольшой пруд, окруженный экзотическими растениями, как цветущими, так и нецветущими. Двор огораживал забор, скрывая его от взгляда с улицы. Прямо перед собой она увидела оранжерею. Стекла тускло мерцали, отражая облака над головой.

«Мне следовало взять с собой Блейка».

И... что? Подвергнуть его тоже опасности? Было ясно, что Гэвин не испытывал никаких угрызений совести, сталкивая их друг с другом.

На двери оранжереи висел еще один лист. Там было написано: *«ключ под цветочным горшком»*.

Она взяла ключ и открыла дверь. Первое, что Вэл почувствовала, был жар. Горячая, гнетущая жара, резко контрастирующая с холодом снаружи. И было влажно. Влага пропитала ее кожу, волосы, одежду. Вэл откинула волосы с лица; они уже начали завиваться.

Два папоротника стояли по обе стороны от двери, и один из скелетообразных листьев задел ногу, вызвав у Вэл крик. Он ярко отразился от стекла, пронизывая ее до мозга костей. За этими растениями уже давно никто не ухаживал. Она взглянула на часы. Осталось семь минут.

Вэл сделала еще несколько шагов вперед. Ее нога наткнулась на что-то мягкое и податливое. Она посмотрела вниз. Джеймс.

Это был Джеймс.

И он был мертв. Она опустилась на колени, протянула руку, чтобы пощупать его пульс, уже зная, каков будет результат. Его кожа была такой жесткой, такой холодной. Такой бледной.

И мокрой.

Вокруг его горла зияла глубокая рана, похожая на кричащий рот. Вскрикнув, она отчаянно вытерла руку о джинсы. Кровь застыла и прилипла к ее пальцам. Она чувствовала

густой, приторный запах старых пенни. Задыхаясь, она попятилась от его тела, стараясь не вдыхать этот запах. Он прилипал к горлу, как тонкая пленка.

— О боже, — задыхаясь, произнесла она, — Джеймс. О, нет. Пожалуйста, боже, нет.

В животе образовалось холодное пространство, как будто что-то жизненно важное внутри нее умерло вместе с ним. Она покачала головой. Как он мог так замерзнуть, когда два часа назад был теплым и дышал?

— Что он с тобой сделал?

Но она знала ответ и на этот вопрос. Гэвин перерезал ему горло, как какому-то животному в амбаре, и теперь она никогда больше не увидит, как загораются его глаза. С убийством Джеймса была пересечена черта. Раньше Гэвин был просто опасен. Теперь он стал убийцей.

Слезы наполнили ее глаза, потекли по щекам.

— Мне так жаль. Мне так, так жаль, прости меня...

— Это все твоя вина. Почему он должен тебя прощать?

Вэл резко обернулась и увидела, что Чарли, прислонившись к двери, наблюдает за ней. На ее лице появилась странная полуулыбка, и Вэл почувствовала, как ее желудок сжался от того, что кто-то может быть так жестоко равнодушен перед лицом смерти.

— Заткнись! — Вэл всхлипнула. — Ты понятия не имеешь, что ты...

Она замерла, внезапно у нее пересохло во рту, когда Чарли подняла кочергу. Черт возьми.

— Совершенно верно. Подойди еще ближе, и ты воссоединишься со своим парнем раньше, чем думаешь.

— Что ты собираешься с этим делать?

Брюнетка потрясла самодельным оружием в направлении Вэл, заставив ту настороженно отступить назад.

— А ты как думаешь? Конечно, ты не настолько глупа.

Вэл врезалась прямо в один из металлических столов, на котором стоял поднос с растениями в горшках. Она обошла его, пытаясь создать любой барьер между собой и Чарли, какой только могла.

— Меня нет в твоей записке.

— Я в курсе. У меня твоя стержовная подруга. — Она улыбнулась и неторопливо шагнула вперед. — И я собираюсь позаботиться о ней, как только закончу с тобой.

Вэл сделала еще один шаг назад, подпрыгнув, когда один из горшков разбился о землю с грохотом, который эхом разнесся по теплице.

— Ты не можешь этого сделать, — дрожащим голосом произнесла она, — ГМ сказал...

Чарли взвизгнула, размахивая кочергой по дикой дуге, отчего несколько растений упали на пол.

— Не смей говорить со мной о нем, дрянь. Даже не произноси его имени. Верно, — добавила она, усмехнувшись в лицо потрясенной Вэл, — я видела, как ты его целовала. Если бы ты не обманывала его, он никогда бы не убил Джеймса. Так что, как видишь, это все. Твоя. Вина.

— Он сказал мне, что не будет, — хрипло произнесла Вэл. Ей слишком поздно пришлось в голову, что она должна все отрицать. Чарли зарычала и снова набросилась на нее. Вэл пришлось упасть на колени.

— Он сказал мне, что не будет, — усмехнулась Чарли, — О, Вэл. Ты такая прелесть. Я

думала, что это просто притворство, но ты действительно сладкая, как гребаный пирог? Я пыталась выждать время. Но нет, ГМ решил, что собирается пройти через свой глупый миттельшпиль. Я ничья пешка, не его — и не твоя. Единственная причина, по которой он сделал тебя королевой, — это его желание трахнуть тебя. Но, конечно, эта идея, скорее всего, даже не приходила тебе в голову? Нет, ты не думала. Не милая маленькая Вэл. Все это просто один сплошной чертов детский сад с тобой.

Вэл зажала рот ладонями. Запах земли заполнил ее ноздри. От этого ее затошнило. Она сосредоточилась на том, чтобы ползти, пригибаясь, избегая осколков разбитой терракотовой керамики. «Я должна выбраться отсюда. Я должна предупредить Лизу».

— Но он совершил ошибку. Он думал, что сможет избавиться от меня... что я просто приму это и буду хорошей маленькой пешкой. И именно поэтому я собираюсь убить тебя, — свирепо закончила Чарли, — Потому что я не собираюсь ей быть. Когда ты исчезнешь из поля зрения, он увидит меня и поймет, что мы идеально подходим друг другу.

Вэл едва слышала слова Чарли. Ее сердце колотилось слишком громко.

— Мой дед был охотником — ты знала об этом? Он выслеживал испуганных зверьков в лесу, в джунглях, в тундре — это именно то, кем ты и являешься, не так ли? Испуганное маленькое животное. Нет смысла прятаться, Вэл... Я найду тебя. И когда это сделаю, я собираюсь...

Внезапно стол перевернулся. Вэл инстинктивно подняла руки, чтобы прикрыть лицо, когда керамические горшки разбились, а дерево расколосось вокруг них.

— Прекрасно.

— Чарли, пожалуйста, не делай этого...

— Заткнись, — прорычала та. — Заткнись на хрен, глупая маленькая шлюха. — Она прижала острый конец к груди Вэл, отбрасывая ее назад. — Ты не имеешь права — никакого права — указывать мне, что делать.

— Я не... я не хотела... — быстро соображала Вэл. — Мы не могли бы... поговорить об этом?

— Конечно. О чем ты хочешь поговорить? Какая ты коварная маленькая сучка, раз пытаешься выкрутиться из того, чего заслуживаешь? Или ты хочешь поговорить о том, что мне это не сойдет с рук? — Она укоризненно рассмеялась. — Ты думаешь, он придет и спасет тебя?

Боже милостивый. Она была абсолютно сумасшедшей.

— Нет! Господи Иисусе, ты можешь забирать его!

— Вэл, Вэл, Вэл, — ее голос звучал так похоже на голос Гэвина, что на мгновение она почти забыла, с кем разговаривает. — Ты что, не понимаешь? Это не имеет значения.

— Не... имеет?

— Нет, — добавила Чарли, качая головой. — Он не твой, чтобы отдавать. Видишь ли, пока ты жива, он не сдастся. Я знаю, поверь мне. Потому что сама такая.

Вэл ударилась спиной о полку с садовыми принадлежностями. Пакеты с семенами полетели на пол.

— О боже. — Она была права, только не знала, насколько.

— А теперь я собираюсь вонзить эту штуку прямо в твое слабое, жалкое сердце.

Часы с тихим стуком выпали из руки Вэл. Было 2:59. А затем, с тихим щелчком, часовая стрелка переместилась на три. Вэл закрыла глаза, когда почувствовала, как тяжелое острие уперлось ей в левую грудь.

— С другой стороны... может быть, сначала я попорчу твоё хорошенькое личико.

— Даже не думай об этом.

Вэл открыла глаза. Она знала этот голос, другого такого в мире не было. В дверях стоял Гэвин. С пола он казался невероятно высоким.

(Думаешь, он придет и спасет тебя?)

Увидев его, Чарли дернулась, разорвала кружево на блузке Вэл, от чего потекла кровь. Вэл ахнула, схватившись за грудь, но Чарли, казалось, не заметила, что сделала.

— ГМ, — выдохнула она, словно в трансе, отпуская металлический стержень. Кочерга со звоном упала на пол. Вэл быстро схватила ее, прежде чем девушка успела подумать о том, чтобы вернуть свое оружие.

— Какого хрена ты делаешь? — он зарычал таким тоном, какого она никогда от него не слышала. — Ее нет в твоём списке.

Очевидно, это был не тот теплый прием, который она ожидала. Чарли вдруг растерялась.

— Я... я хотела...

— Я знаю, чего ты хотела, — отрезал он. — Единственное, что более прозрачно, чем этот... нелепый наряд, — это твоя тщетная попытка солгать. Это не то, о чем мы договаривались.

Последовала долгая, ужасная тишина, нарушаемая только рыданиями Чарли.

Чарли никак не могла поверить, что ГМ не купится на это представление. Но ГМ ничего не сказал, даже когда она прижалась к его груди, хотя Вэл показалось, что она увидела, как он напрягся.

— Не надо меня ненавидеть. Пожалуйста... пожалуйста, не ненавидь меня — я сделала все это для нас. Для тебя.

— Для меня, — повторил он. — Ты думала, что я этого хочу?

Все еще плача, Чарли кивнула.

— Ох, Чарлин. — Медленно, почти машинально, он положил руку ей на поясницу, но почему-то этот жест не казался особенно успокаивающим. «Нет, — подумала Вэл, — похоже, он удерживает ее на месте».

На самом деле, он именно это и делал. Глаза Вэл расширились.

— Подожди, — закричала она, — Гэвин! Не надо!

Задыхаясь, Чарли отшатнулась от него. Красное пятно показалось спереди на девственно-белой рубашке девушки, распространяясь вокруг растопыренных пальцев правой руки Чарли. Ее взгляд упал на рану в животе, и она задохнулась:

— Гэвин?

Он покачал головой. Она рухнула на пол неизящной кучей.

— Ты убил ее, — болезненно проговорила Вэл, отворачиваясь от сломанного тела Чарли. В ее смерти было что-то печальное и уязвимое. Такое привычное.

— Она бы убила тебя, — нахмурившись, Гэвин посмотрел вниз. Кровь Чарли оставила след на его рубашке. Он начал расстегивать пуговицы. — Это не было частью игры.

— Но ты убил ее.

Он поднял глаза, пригвоздив ее своим ледяным взглядом.

— Она расходный материал.

Вэл не могла поверить, что он может быть таким циничным.

— А как насчет Джеймса? Он тоже им был?

Гэвин отбросил в сторону свою испачканную рубашку, оставшись в белой майке.

— Да.

Это было больше, чем она могла вынести. Мучительный вопль вырвался у нее изо рта.

— Я не могу... Я больше не буду играть в эту игру — не тогда, когда люди умирают!

— Итак, Лиза и Блейк... Полагаю, они для тебя ничего не значат?

Вэл замерла, ее лицо скривилось в панике. Она направила кочергу, о которой до сих пор забыла, ему в грудь.

— Держись от них подальше, чудовище, или... или я заставлю тебя.

Гэвин сделала шаг ближе и коснулся кончика ее импровизированного оружия.

— Ты мне угрожаешь? — В его голосе не было злости, только удивление. И она с содроганием поняла, что его тело не было таким хрупким, как она сначала думала. Он мог легко одолеть ее... и знал это.

Она крепче сжала кочергу.

— Не подходи.

— Ты сможешь это сделать? — спросил он. — Хладнокровно убить меня?

«Да, сделай это. Убей его».

— Отпусти кочергу, Вэл. Ты не убийца. И никогда не будешь. Отдай ее мне.

Она судорожно вздохнула, и, за исключением дрожи, которую она не могла контролировать, Вэл не двигалась. Одним рывком металлический стержень легко выскользнул из ее рук.

— Как же я тебя ненавижу, — прошептала она.

— Знаю.

Слезы продолжали катиться по ее лицу. Она сердито отмахнулась от них.

— Почему ты так со мной поступаешь?

ГМ посмотрел на кочергу, а затем снова на ее заплаканное лицо.

— У тебя есть что-то внутри, что-то, чего не хватает другим, что делает тебя грозным противником, — он отстранился, ища в ее глазах то, в чем она даже не была уверена, — И оно же делает тебя более уязвимой. Вот почему я сделал тебя королевой. — Гэвин небрежно махнул кочергой в ее сторону. — Я не всегда могу предсказать, что ты собираешься сделать, и твоя совесть не позволит тебе бросить своих друзей, несмотря на все, что ты делаешь, чтобы усилить опасность, в которой они находятся, — он сделал паузу. — Я могу сделать им очень неприятные вещи, если ты решишь не участвовать.

Она заметила, как он взглянул на ее стиснутые руки.

— Но я не об этом хотел с тобой поговорить. Нет, я решил позволить тебе задать мне один вопрос — любой — в знак моей доброй воли.

— Ты соврешь.

— А если я дам тебе слово?

Вэл глубоко вздохнула. Ее взгляд упал на тело Чарли, и ей пришлось быстро отвести глаза, так как ее желудок сжался.

— В чем подвох?

— Никакого подвоха, моя дорогая. Просто и я смогу задать свой вопрос.

Глава 22

«Перегрузка»

Перегрузка — шахматная ситуация, когда фигуры (фигура) не в состоянии справиться с поставленными задачами, что позволяет сопернику провести типичный тактический приём — использование перегрузки.

Когда Лиза и Блейк отправились в гостиную, чтобы подождать Вэл, Блейк не мог не заметить, как совершенно тихо в большом доме, лишенном обычных домашних звуков, таких как жужжание электроприборов или тиканье часов. Он посмотрел влево, сосредоточившись на блондинке, идущей рядом с ним. Она была нехарактерно сдержанной и напряженной с момента их неприятной встречи в коридоре.

— Мы умрем здесь, — сказала Лиза бесцветным голосом, напугав его.

— Нет, не умрем. — Он осторожно положил руку ей на плечо. — Мы должны мыслить здраво...

— Здраво! — У блондинки вырвался сдавленный смешок. — Не обижайся, Блейк, но думаю, здравомыслие покинуло этот дом около пяти часов назад! — Она покачала головой и сделала несколько быстрых шагов вперед, отчего его рука упала. — Это игра, созданная убийцей, который уже показал, что не уважает свои собственные правила. Если в его безумии и есть какой-то смысл, я его, конечно, не увижу!

В каком-то смысле Лиза права: ГМ не играл по своим правилам. Он угрожал одним игрокам, преследовал других и постоянно исчезал в самые критические моменты игры — и это наполняло Блейка отчаянием. Однако, несмотря на его беспорядочные модели поведения, в его играх была определенная закономерность: общая тема, вокруг которой вращалось все остальное. В некоторых случаях — шахматы. Хищничество, в других.

Блейк выдвинул стул с прямой спинкой, и Лиза рухнула на него, закрыв лицо руками.

— Прости, Блейк. Я просто... так чертовски устала, — прошептала она. — Я хочу спать. — Ее голос стал громче. — Я просто хочу спать, черт возьми! Неужели я слишком много прошу от этого ублюдка?

— Лиза. Пожалуйста.

— Все неправильно. Все! Джейсон продолжает преследовать меня, — Блейк сильно нахмурился, но Лиза продолжала, — Вэл по-прежнему исчезает, и теперь Джеймс мертв. Я не думала, что это серьезно. Я имею в виду, он напугал меня, но не думала, что он на самом деле собирался убить нас. Не знаю, о чем я думала. Может быть, вообще не думала.

«Никто из нас не думал. Мы все попались в его ловушку, не только ты». Но он промолчал и позволил ей говорить.

— Лучше бы я никогда не приходила на эту дурацкую вечеринку. Если я выберусь отсюда, клянусь, никогда больше не нарушу комендантский час. Каждый день буду возвращаться к четверем домой, из школы и обратно. — Лиза посмотрела на свои руки, а затем на его лицо. Ее глаза были красными. — Джейсон совершил ошибку, — призналась она, — он сказал мне, кто мой убийца.

Не говоря ни слова, Блейк придвинул второй стул и сел напротив нее.

— Скажи мне, — мягко попросил он.

— Чарли. — Лиза скорчила гримасу. — Ты можешь в это поверить? Из всех людей, которых я могла получить...

— Он действительно сказал, что это Чарли? — спросил Блейк, наклоняясь вперед. — Он назвал ее имя?

— Нет. — Она нахмурилась. — Все, что он сказал, было: «Если бы мой товарищ по

команде нашел тебя, она бы просто убила тебя, без лишних вопросов». Но он определенно сказал «она».

Блейк глубоко вздохнул.

— Ладно. Давай предположим, что ты права, и она — твоя убийца. Остается только Brent и Джейсон для меня. — Если, конечно, белые играют против черных.

Он все еще не был уверен, как далеко ГМ намеревается зайти со своей маленькой шахматной темой.

— Очевидно, это Джейсон, — сказала Лиза, раздраженная тем, что он вообще поднял этот вопрос.

— Ты говоришь это только потому, что он тебе не нравится, — ее глаза опасно сверкнули, и она открыла рот, чтобы возразить. Блейк быстро продолжил:

— Есть вероятность пятьдесят на пятьдесят, которая падает до тридцати трех и трети, если мы ошибаемся — или если Джейсон лгал — и Чарли все-таки не твоя убийца.

Ее глаза все еще были слишком яркими.

— А если мы оба ошибаемся, и это ни то, ни другое?

— Вероятность двадцать пять процентов, — мрачно сказал Блейк, — или... меньше.

Не очень хорошие шансы. Особенно, когда на кону их жизни.

Они обменялись взглядами.

— Я не думаю, что Джейсон лгал, — проговорила Лиза, поправляя лиф своего платья. — Когда он произнес «она», я почти уверена, что это было непреднамеренно. Не думаю, что он понимал, что говорит. — Она вздрогнула. — К тому же, он полный придурок.

«Придурок». Губы Блейка дрогнули. Вот так, Лиза.

Но в одном она права. Джейсон определенно самый безжалостный игрок из белой команды. Его улыбка исчезла, когда он обвел взглядом комнату, остановившись на нескольких пустых банках из-под газировки и бумажных салфетках, разбросанных по комнате. Трудно поверить, что они начинали вечеринку в таком приподнятом настроении. «Ешь, пей и веселись, — думал он, — Потому что скоро ты умрешь».

Его губы сжались.

Его отец будет ужасно волноваться. Хотя у Блейка не было официального комендантского часа, он никогда не возвращался домой позже полуночи. Негласное правило между ними. По его часам сейчас четверть четвертого.

Что сказал ГМ раньше? У вас есть время до рассвета? Может, это и хорошо. Это означало, что он не рассчитывал на их немедленную смерть. Если они правильно разыграют свои карты, у них будет шанс — пусть и небольшой — выжить.

— Просто из любопытства, — начал Блейк, отбрасывая эти мысли в сторону. — Кто в твоей записке?

— Brent. Недостающее звено, — добавила она, сморщив нос.

— В самом деле? Потому что я начинаю думать, что это он у-убил Джеймса, — его уши покраснели, и он горячо молился, чтобы она не заметила заикания в его голосе, — Я имею в виду, что они оба пропали примерно в одно и то же время. Джейсон, с другой стороны, продолжает появляться. На самом деле, я часто встречался с ним и Чарли, и никаких следов двух других.

— Ты имеешь в виду ГМ? Но Джеймс пропал на какое-то время — любой мог добраться до него.

— Кстати, о пропаже, где Вэл? — спросил Блейк медленно. — Она должна уже быть

здесь.

— Который час?

Блейк посмотрел на часы.

— Четвертый. Как думаешь, мы должны пойти за ней? Не думаю, что ее следует оставлять одну надолго.

— Уверена, с ней все в порядке. — Блейк бросил на Лизу взгляд, и ее щеки вспыхнули. — Блейк! Я не это имела в виду!

Блейк только покачал головой, закатывая рукав обратно.

— Нам не следовало отпускать ее в ту комнату одну. Один из нас должен был пойти с ней. Этот Гэвин совсем чокнутый.

— Она сказала, что хочет пойти одна.

— Не думаю, что это так на самом деле.

Лизы скорчила страдальческую гримасу.

Блейк имел в виду себя, так как Лиза явно была не в состоянии идти, но она уже стояла твердо настроенная отправится за подругой.

— Хорошо, — проговорила она, — я пойду посмотрю.

— Будь осторожна.

— С Вэл? — Она выгнула бровь, но Блейк не улыбнулся. — Блейк? Что ты знаешь?

— Джейсон сказал «она». Вэл — тоже девушка, как и Чарли. Будь осторожна.

Дверь снова распахнулась, как голодная пасть, готовая поглотить всех, кто войдет.

Не желая заходить внутрь, Лиза просунула голову в дверной проем, осматривая темную комнату. Ей показалось, что она видит на полу темное пятно, которое могло быть кровью. С усилием Лиза оторвала взгляд от этого места.

— Вэл? Ты здесь? Ты... все в порядке?

«Может быть, Блейк прав? Может ли Вэл быть моей убийцей?»

К ее удивлению, комната была пуста — Джеймс исчез, и Вэл тоже. Как будто ничего не произошло, хотя Лиза не стала проходить слишком далеко, все равно не могла не отметить этого, так что, черт возьми, здесь происходит?

— Это становится все более и более жутким, — прошептала она сама себе, надежно закрывая дверь.

Когда она пошевелилась, ее туфля на чем-то заскользила. Конверт. Дрожащими пальцами она вытащила письмо. Когда она прочитала единственную фразу, написанную на гладкой зернистой поверхности, ее глаза расширились.

«Оранжевая. В 3 часа».

Нет, Вэл не стала бы играть в великомученицу, только не в такой игре, как эта. Или стала бы? Лиза устало закрыла глаза, прижимая бумагу к груди. В глубине души она знала ответ на свой вопрос.

Пошел несильный дождь, ударяя по стеклянной крыше со звуком, похожим на вежливые аплодисменты. Хотя в теплице было довольно тепло, Вэл чувствовала, что ее тело покрыто несколькими слоями льда, приковывающими ее к мягкому земляному полу. У нее уже было на уме несколько вопросов, каждый из которых казался более заманчивым, чем предыдущий,

но эта игра, как и все остальные, на самом деле ужасно односторонняя.

В этой комнате погибли два человека. Если она не будет осторожна, то с таким же успехом может стать третьей.

— Почему я?

— Потому что я лежу без сна по ночам, мечтаю обо всем, что хочу сделать с твоим телом, о том, чтобы оставить следы на твоей коже, чтобы все знали, что ты моя. И только моя.

Он прислонился к одному из больших металлических столов.

— Но ты сражаешься с собой так же, как и со мной, и мне это тоже нравится. Мне нравится смотреть, как ты извиваешься, потому что это дает мне некоторое представление о том, как ты будешь выглядеть, когда я буду внутри тебя. Я хочу быть твоей последней мыслью ночью и твоим первым вкусом на рассвете. Я хочу учить тебя, обладать тобой, контролировать.

Вэл не могла говорить. Даже если бы могла, она сомневалась, что знала бы, что сказать.

— Моя очередь, — сказал он, наклоняясь вперед. — Чего ты больше всего боишься? — Странная улыбка. — Кроме меня, конечно.

Этот новый ужас настолько затмил прежний, что она просто переходила от одного к другому, словно переключая передачи. Вэл задохнулась, неразбавленный страх затопил ее кровь, как яд. На мгновение она забыла, как дышать. Она боялась столько вещей: потерять своих друзей, не выбраться отсюда живой, его.

И этот страх был вездесущим, притворным и угрожал поглотить ее с каждым мгновением, потому что она знала, что не может контролировать себя — не полностью — когда рядом с ним.

«Он слишком хорошо меня знает».

— Почему ты хочешь знать? — спросила она, не в силах скрыть панику в голосе. Будет ли он выше того, чтобы использовать это против нее?

«Нет».

— Любопытство. Личный... интерес.

По другую сторону тонированных стекол она могла разглядеть просторный задний двор. Большие тутовые деревья затеняли заднюю часть дома, с их листьев капала вода, а на дальней стороне она могла разглядеть освещенный аквамариновый бассейн, окутанный завитками тумана и освещенный серебристым дождем.

— Если я откажусь ответить?

Он просто посмотрел на нее.

Она дернула за пуговицу своей блузки и призналась:

— Воду. Я не люблю воду. — И затем, дрогнувшим голосом, добавила. — Я не умею плавать.

— Ты никогда не училась?

— Я почти утонула в озере, когда мне было шесть. Это отбило всякое желание.

Именно тогда она увидела Лизу. Их глаза встретились через стекло. Глаза ее подруги в панике расширились, и она потянулась к двери.

«Нет, — одними губами произнесла Вэл. — Беги. Возвращайся в дом».

Между рыжеватыми бровями Лизы пролегла морщинка. Она нахмурилась, понимая, и попятилась от двери, но Гэвин увидел, как шевельнулись губы Вэл, и начал оборачиваться.

— Что это было? — спросил он с любопытством, но, как ей показалось, не без

подозрения. Или ей показалось?

Испытывая отвращение к себе и к тому, что она собиралась сделать, она схватила его за горловину майки и поцеловала — крепко. «Пожалуйста, пойми, Джеймс. Я сделала это для них. Прости меня, если сможешь».

Глаза Гэвина смешно распахнулись, и он испуганно отступил назад, ударившись о край стола, который всего несколько мгновений назад использовал в качестве своего насеста. Его взгляд переместился вправо, и холодное, циничное веселье пронеслось по его аристократическим чертам, как ледяная буря.

С улыбкой, такой же холодной, как охлажденное ночью стекло позади них, он обхватил ладонями ее лицо, возвращая поцелуй с таким же жаром. Но руки на ее лице были напряжены от сдержанности, и когда она подняла глаза, его лицо казалось высеченным из камня.

— Очень хорошо, — похвалил он. — Это было очень убедительно.

— О чем ты?

Пресыщенное выражение на его лице исчезло, сменившись ровным, бесстрастным взглядом, когда он опустил руку.

— Ты хочешь сказать, что не пыталась... отвлечь меня сейчас?

Она задохнулась, быстро отступив от него, в ужасе от того, что он так легко ее раскусил.

— Как я и думал.

Вэл несколько раз покачала головой. «Как он узнал? Что ее выдало?»

— Не смотри так потрясенно, моя дорогая. Мы находимся в комнате из стекла. Я видел ее отражение в твоей тени.

Блейк закусил губу. Половина четвертого. Девочки уже должны были вернуться — и Лиза, и Вэл знали, что поставлено на карту. Он поджал губы. И вообще, сколько времени нужно, чтобы кого-то утешить?

Не так много.

Возможно Вэл убийца.

Он вошел в главный холл, следуя по пути, по которому Лиза прошла несколько минут назад, хотя и в противоположном направлении, когда услышал неприятный голос:

— Блейк, верно?

Блейк резко обернулся. Высокий худой мальчик сидел на краю перил, обхватив одной рукой резные деревянные поручни. На какое-то ужасающее мгновение он подумал, что это ГМ — возможно, из-за явного пренебрежения к безопасности или наглости в его позе, — а затем понял, что это не так.

Это был Джейсон.

— Да, — осторожно сказал он, делая едва заметный шаг назад, — Чего ты хочешь?

Джейсон спрыгнул с перил, громко приземлившись на пол, чем напугал Блейка.

— Ничего особенного.

Блейк попятился. Ситуация начинала выглядеть плохо. Джейсон блокировал ему доступ в холл, к Лизе, и единственный другой путь вниз — Блейк бросил нервный взгляд на лестницу, зная, что ему придется повернуться спиной к этому игроку белой команды, чтобы безопасно спуститься по узким ступеням.

— О, даже не думай об этом, — легко сказал Джейсон, — Если ты попытаешься

сбежать по лестнице, я тебя столкну.

— Она не очень высокая, — услышал Блейк свой голос.

— Это правда, — согласился Джейсон, почесывая подбородок, — Но в любом случае у меня есть это. — И он достал нож, который сверкнул на свету. Блейк был удивлен, хотя и не мог сказать почему. Возможно, он предполагал, что другие игроки разделяют их сомнения по поводу лишения человека жизни — или что они слишком разумные, слишком спокойные, чтобы быть втянутыми в большие маленькие игры гроссмейстера.

Очевидно, он думал неправильно.

Блейк облизнул губы.

— Мое имя в твоей записке.

— Все верно, кролик.

Глава 23

«Относительная связка»

Связка – нападение на фигуру, за которой по линии нападения находится другая фигура (обычно более ценная) или важный пункт. Связать могут только ферзь, ладья и слон. Связка приводит к ограничению подвижности связанной фигуры. Связка является относительной, если связанная фигура прикрывает любую фигуру, кроме короля.

Дождь лил как из ведра, обдавая белокурую девушку водой и делая ее длинные светлые волосы мокрыми. Слегка поморщившись, она прислонила книгу из библиотеки к раме, чтобы тяжелая дверь не захлопнулась за ней. Она сошла с каменного крыльца, которое уступило место грязи, шумно хлюпающей под ее туфлями. Ледяной, настойчивый ветер охлаждал ее мокрую, голую кожу, и Лиза сильно дрожала, не в первый раз жалея, что не догадалась взять с собой куртку.

К счастью, оранжерея располагалась недалеко. С того места, где она стояла, Лиза могла видеть серебристые края на фоне темноты деревьев. Задний двор оказался на удивление просторным. Деревья, окаймлявшие территорию, создавали неприятное ощущение того, что их загнали в угол.

Был ли здесь возможный путь к отступлению? Двор определенно стоило изучить.

Сейчас Лиза сосредоточилась на том, чтобы добраться до оранжереи. Окна были слегка запотевшими от конденсата внутри. Мертвые, тонкие растения загораживали ей обзор от входной двери, поэтому Лиза прошла вдоль стены, чтобы лучше рассмотреть интерьер. «Вэл, как ты могла быть такой идиоткой?» — подумала она. Вэл достаточно наивна, чтобы позволить заманить себя сюда ради шанса сыграть героиню.

«Или, может, она достаточно хитра, чтобы заманить тебя сюда, чтобы убить, — прошипел темный голос, который Лиза только недавно обнаружила в себе. — Кто мог ее заподозрить? Не ты».

Лиза стояла на краю бетонного ограждения теплицы, заглядывая внутрь через стекло. Бесполезно. Стекло слишком грязное, чтобы видеть сквозь него. Со стоном отворачивая она вытерла ладонью грязь, покрывавшую окно. Ее вздох затерялся в шуме дождя. Она никак не ожидала увидеть Гэвина в оранжерее, так далеко от всего происходящего, несмотря на письмо, которое он оставил.

Она немного расслабилась, когда поняла, что он еще не увидел ее. Гэвин стоял спиной к ней, и Лиза заметила, что он сменил свою белую рубашку на майку того же цвета. Это было странно. Почему он сменил рубашку? Какова бы ни была причина, если, конечно, она была, он все еще выглядел чертовски устрашающе. Лиза не собиралась ждать, пока он обнаружит, что она подглядывает.

Но затем ГМ отступил в сторону, открывая Вэл. Подруга обхватила себя руками и что-то говорила. Лиза не могла разобрать слов, но Вэл явно не выглядела счастливой. Она перевела взгляд своих зеленых глаз с Гэвина к окну, и заметила Лизу, от чего испытала шок.

«Что ты делаешь?» — Лиза открыла рот.

Вэл напряглась.

Лиза потянулась к ручке, и это простое движение, казалось, вывело Вэл из оцепенения. Она покачала головой — только слегка. Это можно было принять за взмах волос — и одними губами произнесла: «Нет! Беги! Возвращайся в дом!»

Лизе это показалось очень плохой идеей, и она уже собиралась сказать об этом, когда Гэвин начал оборачиваться. Сердце Лизы перестало биться. О боже, о боже, о боже.

А потом ее лучшая подруга, которую она знала со средней школы, прижалась к этому садисту и поцеловала его. Лиза могла только смотреть, ее лицо пылало, несмотря на холодный дождь. Когда пальцы Гэвина скользнули вверх по блузке ее подруги, она отвела взгляд.

Она отвлекает его. Больше ничего.

Вот только... этот поцелуй казался слишком убедительным. Вэл никогда так не целовала Джеймса. Лиза даже не знала, что Вэл может так целоваться, потому что такие поцелуи вели к одному: она точно знала, что Вэл никогда этого не делала.

Или думала, что знала.

Что, если то, что происходило между Гэвином и Вэл, не было полностью односторонним? Что, если у нее этот — как он называется? — Стокгольмский синдром? Покачав головой, Лиза повернулась и сделала, как просила Вэл.

Она побежала.

Вэл услышала, как дождь усилился, барабаня по стеклянной крыше. Приятная улыбка Гэвина превратилась в иронию на ее глазах. Ее поймали и, что еще хуже, она использовала его. Вэл сомневалась, что он легко воспримет это оскорбление, учитывая его чувство гордости.

— Если ты знал, почему поцеловал меня?

— Меня не так-то легко обмануть, — небрежно произнес он, как будто не вторгнулся в ее личное пространство, но в его голосе слышалось рычание, — и неразумно пытаться.

Вэл задела руками холодное стекло, отчего подпрыгнула.

— Это часть твоих правил, — запротестовала она, потирая руки и пытаясь скрыть свое беспокойство, — Ты...

— Знаешь, что ты всегда прикусываешь губу, когда собираешься сделать что-то безрассудное?

Она хотела запротестовать, когда поняла, с немалым чувством унижения, что в настоящее время прикусила губу. Жар пополз вверх по ее шее, и Вэл поспешно разжала челюсти. Полуулыбка появилась на его лице, когда он увидел ее реакцию, но в ней не было

настоящего юмора, и это напугало ее — очень сильно. Как ни странно, но и разозлило тоже.

Злость, что он назвал ее обманщицей, злость, что убил Джеймса, злость, что так сильно напугал ее, злость, что не напугал достаточно. Злость успокаивала, и Вэл завернулась в нее, как в теплый плащ.

— По крайней мере, я не пренебрегаю жизнями других людей, — выплюнула она.

Он схватил ее за запястье, когда Вэл была в двух метрах от двери, и, не очень нежно потянув, развернул так, чтобы она оказалась прижатой к его груди. Переплетя свои пальцы с пальцами ее свободной руки, он сказал мрачным голосом:

— Я бы так не сказал.

— Что, черт возьми, это должно означать?

— Думаю, ты прекрасно знаешь, что это значит. — Гэвин скользнул руками вниз, так что они легли на небольшой изгиб ее живота. — Я устал от этих игр. Это все, что я могу сделать, чтобы не взять тебя прямо здесь... у стены.

А потом жестокие слова Чарли вспорхнули в ответ, как хищные птицы.

(единственная причина, по которой он сделал тебя королевой, — его желание трахнуть тебя)

Вэл издала сдавленный звук отвращения и ужаса.

— Знаешь, так не должно быть. Если ты поклянешься быть моей навечно, я закончу игру прямо сейчас.

«Она сможет уберечь остальных от гибели?»

— Что именно моя клятва повлечет за собой?

— Используй свое воображение, — подсказал он. — Ты знаешь, чего я от тебя хочу. Ты точно знаешь, чего я хочу.

Он прав. Она знала.

— Я могу отказаться. Я могу убежать. Что заставляет тебя думать, что это вообще возможно?

— Потому что есть очень большая вероятность, что один из твоих друзей умрет в следующие полчаса — если они еще не умерли. — Он повернулся к ней спиной. — Подумай об этом, Вэл. А потом найди меня, как только примешь решение. Я буду ждать.

Блейк сделал очень большой шаг назад, столкнувшись со стеной. Рамка для картины позади него опасно закачалась, чуть не слетев с гвоздя, но он едва заметил это.

— Ты собираешься убить меня.

— В конце концов, — согласился Джейсон, напугав Блейка еще больше. — У меня еще много времени до конца игры, и есть несколько вещей, о которых я хотел спросить, прежде чем поставить тебе мат. — На подчеркнутое молчание Блейка он добавил менее приятным голосом:

— Чем дольше ты говоришь, тем дольше остаешься в живых.

Сердце Блейка колотилось о грудную клетку, словно пытаясь вырваться на свободу. «Он пытается уговорить себя, — в отчаянии подумал он. — Он еще не может заставить себя убить меня, последние остатки совести сдерживают его, но они быстро изнашиваются...»

— Итак, — продолжил Джейсон, изучая свое отражение в лезвии несколько долгих секунд, прежде чем снова повернуться к Блейку, — Что скажешь? Мне убить тебя сейчас,

или ты не против поболтать?

Блейк закрыл глаза, чувствуя себя на грани паники, которой он не мог поддаться. Джейсон прав по нескольким пунктам; он оказался в ловушке, и разговор действительно казался самым мудрым решением, хотя и не по той причине, по которой тот думал. Хорошо. Если Джейсон хочет, чтобы он заговорил, то он заговорит — как можно больше — и, возможно, если ему действительно повезет, может представится возможность выпутаться из этой ситуации.

Высокомерие Джейсона может сыграть с ним злую шутку.

Вслух он сказал:

— Я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Джейсон моргнул, но его удивление от такого сотрудничества быстро исчезло.

— Тогда почему бы нам не начать с того, почему ты считаешь себя намного лучше всех остальных.

Это настолько поразило Блейка, что он выпалил:

— Что? — Не подумав. — Лучше, чем все остальные? Я?

— Не отрицай этого, — сказал Джейсон, указывая ножом. Блейк вздрогнул. — Ты слишком быстро пошел против гроссмейстера, когда он объявил новые правила для игры, — лицо Блейка потемнело, но Джейсон говорил слишком быстро, чтобы заметить, — а ты, очевидно, не из тех, кто любит конфликты.

— К чему ты клонишь?

Джейсон выглядел раздраженным.

— Надо думать, у тебя должна быть причина для этого.

— Да, — натянуто ответил Блейк.

Джейсон сделал приглашающий жест руками. Блейк засунул руки в карманы и отвернулся. Болезненные воспоминания начали всплывать, как горшок, слишком долго оставленный на огне.

— Я не хочу об этом говорить. Спроси меня о чем-нибудь другом.

— О нет, — воспротивился Джейсон, — боюсь, что так не получится. Ты не можете выбирать, на какие вопросы отвечать. Я выбираю. И если ты не ответишь, ты умрешь.

— Почему ты так сильно хочешь это знать?

— Я не хотел, пока ты не поднял такой шум. Теперь мне стало любопытно. Это цена за то, чтобы дольше оставаться в живых, — сказал Джейсон так тихо, что Блейк почти не услышал его.

— Прекрасно. Моя мать... — Он замолчал, слегка задыхаясь. — Моя мать умерла, когда мне было семь лет.

Джейсон помолчал, подняв глаза.

— Как? — спросил он, впервые заинтересовавшись.

О, господи. Блейк вытер глаза рукавом. Это и так достаточно сложно без такого ублюдка, как Джейсон, который подстегивал его своим проклятым нездоровым любопытством.

Его губы сжались, и он снял очки, чтобы протереть их, не желая видеть лицо Джейсона.

— Автомобильная авария, — сказал он наконец. — Ее сбил пьяный водитель по дороге домой.

— Какой-то подросток? — Джейсон задумался. — Разъезжал по городу под кайфом?

— Близко. Богатый крутой чувак, разъезжающий по городу пьяный до потери сознания.

Он ехал со скоростью пятьдесят миль в час, выскочил на полосу встречного движения. Она совсем... — Он глубоко вздохнул. — Она умерла до того, как ее доставили в больницу.

Джейсон моргнул.

— А как насчет того парня?

— Он сломал ключицу и вывихнул запястье. Этому придурку было наплевать на то, что он сделал, — ответил Блейк, вспоминая. — Присяжные и судья признали его виновным, — он щелкнул пальцами. — Дело закрыли. Он не хотел лечиться, не хотел менять свои привычки, но ему даже не нужно было этого делать, потому что у него имелись богатые родственники, готовые выручить его из тюрьмы.

Тяжело дыша, Блейк снова надел очки на лицо, и они быстро снова запотели. Выражение лица Джейсона было непроницаемым. На мгновение Блейку показалось, что он увидел вспышку — что-то — в его лице, но она быстро исчезла.

— Так вот почему, — проговорил он.

— Нет, — Блейк поймал себя на том, что продолжает говорить, — Не поэтому. Из-за моего отца.

Джейсон притворно вздохнул, но глаза его были полны любопытства.

Блейк продолжил:

— Мой отец не очень хорошо воспринял ее смерть. Как только кто-то умирает, все кончено — для них, — но близкие, продолжают горевать. Мой отец начал пить, начал набирать вес. Его уволили с прежней работы, потому что он перестал появляться... и мне пришлось уехать на некоторое время.

Блейк сглотнул.

— Это было ужасно — жить в такой обстановке. Горя. Боли. Я никогда не смог бы... заставить кого-то другого страдать так, как страдали мой отец или я. Не после этого. Я уверен, что даже у тебя есть кто-то, кто должен переживать о тебе, — решительно добавил он. — Кто-то, кто будет скучать по тебе, когда ты уйдешь.

Глаза Джейсона сузились.

— Думаю, что вполне удовлетворен ответом на свой вопрос.

Блейк глубоко вздохнул. Ему стало на удивление легче, хотя упоминание о смерти Джейсона было ошибкой. Это вернуло его к настоящему моменту и к теме предстоящей смерти Блейка.

— Х-хорошо.

— Каковы, собственно, ваши отношения с Лизой?

Этот вопрос должен был вызвать испуг, но Блейк не клюнул на приманку. Из того, что Лиза намекнула о Джейсоне, и из того, что он сделал, подробный ответ вряд ли казался разумным. Это приведет только к драке, а в отличие от Джейсона он был безоружен.

— Мы просто знакомые, хорошие знакомые, вот и все.

— Кого, по-твоему, ты обманываешь? Я видел, как вы целовались в коридоре, — горячо проговорил Джейсон.

Лицо Блейка густо покраснело.

— Ты... ты это видел? — пробормотал он. Ладно, это было жутко. Лиза права, подумал он, в Джейсоне определенно что-то не так.

— Да, и знаешь почему? Она хотела, чтобы я увидел.

Блейк удивленно моргнул. Такая возможность не приходила ему в голову. Увидев выражение его лица, Джейсон фыркнул.

— Да, тебя использовали, приятель. Ты действительно думал, что у кого-то вроде тебя был шанс с кем-то вроде нее?

Блейк все время задавал себе подобный вопрос — это действительно казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Какова вероятность, что Лиза влюбилась в такого ботаника как он, теперь, когда смерть нависла над их головами постоянной тенью. Несмотря на все усилия не делать этого, Блейк продолжал задаваться вопросом, не оставалась ли Лиза с ним ради удобства.

Вслух он сказал:

— И полагаю, ты думаешь, что нет? У меня есть шанс, мне кажется.

На одно ужасное мгновение ему показалось, что Джейсон собирается его ударить. Потом он рассмеялся.

— ГМ прав. Ты больше, чем кажешься. Возможно, ты считаешь себя благородным, косвенно мстя за смерть своей матери. Но честно? Она просто статистика, — он сделал угрожающий шаг вперед, размахивая ножом, — И теперь тыполнишь ряды этой статистики.

Если бы он долго смотрел в глаза Джейсону, то сомневался, что смог бы контролировать себя. Блейк отвел взгляд. Вот почему он увидел Лизу, держащую одну из ваз конфетного цвета из прихожей. Он даже не слышал, как она вошла в комнату.

Она нас подслушала?

Резким движением подбородка она показала, чтобы он отвернулся, не привлекал к ней внимания. Блейк быстро сфокусировал взгляд на стене.

— Есть еще вопросы?

— Нет, — выражение лица Джейсона было жестким. — На самом деле меня уже тошнит от твоего голоса.

Он поднял нож, когда Лиза опустила вазу.

Лиза действовала недостаточно быстро.

Она поняла это, когда услышала, как Блейк вскрикнул от животной боли, и увидела, как он прижал руку к правому боку, чтобы инстинктивно остановить кровотечение и предотвратить дальнейшие травмы. К счастью, Джейсону не удалось глубоко вонзить нож, потому что через несколько секунд ваза разбилась у него на голове, осколки цветного стекла посыпались на восточный ковер, и Джейсон рухнул отвратительной кучей у ее ног.

— Спасибо, — слабо проговорил Блейк. Его лицо было бледным. — Я уже начал по-настоящему волноваться.

— Блейк! С тобой все в порядке? У тебя кровь идет!

— По крайней мере, я жив. — Он попытался рассмеяться, но смех причинял слишком много боли, поэтому он ограничился неуверенной улыбкой, которую она нерешительно вернула.

— Дай мне взглянуть на рану.

Он приподнял край рубашки, и Лиза не смогла сдержать стоны отвращения. Крови было так много, но она подозревала, что рана выглядела хуже, чем была на самом деле, и все же...

— О боже, — пробормотала Лиза, отводя глаза. Затем неуверенным голосом проговорила. — Может быть, все не так уж плохо.

— Это определенно больно. — Блейк глубоко вздохнул, собираясь с духом, и опустил

на колени рядом с упавшим Джейсоном.

— Что ты делаешь? — Лиза удивилась. — Он только что пытался убить тебя, а теперь ты измеряешь его пульс?

— Его не было в наших записках, — мрачно напомнил ей Блейк, впиваясь пальцем в толстую шею Джейсона, — Помнишь правила? Если вы убьете не того человека, вы умрете.

— О, — сказала она тихим, виноватым голосом.

— Все в порядке, он все еще жив. И мы тоже... на данный момент. — Блейк попытался встать на ноги. Его ноги подогнулись, когда мышцы на боку зашевелились. Лиза могла только представить, какую боль он испытывал. Она бросилась поддержать его за здоровый бок.

— Спасибо, — выдохнул он, с трудом выдавив из себя. — Спасибо.

— Если у Джейсона было твое имя на бумаге, значит ли это, что ты в безопасности?

Блейк покачал головой.

— От Джейсона, может быть.

— Ты думаешь, мы все еще в опасности?

— Гэвин ни за что не оставит нас в живых. Добровольно. Нет, если он такой жестокий, как ты мне сказала.

Такая возможность не приходила ей в голову.

— Он очень своеобразно выглядит, не так ли?

— Да. — Блейк бросил нервный взгляд в коридор, а затем кивнул на лестницу. — Давай выбираться отсюда. Ты нашла Вэл? — Она почувствовала, как ее лицо напряглось. — Лиза? Ты...

— Да, — сказала она напряженным голосом, выдававшим ее страх, — она с ГМ.

— Что? — взорвался он. — И ты оставила ее там?

— Нет, — ответила Лиза, — я имею в виду, что она там с ГМ.

— На самом деле, нет, — раздался сухой голос, который звучал так, как будто он был прямо у них за спиной. Двое подростков обернулись и увидели Гэвина, прислонившегося к стене и скрестившего руки на груди. Белая рубашка исчезла; теперь на нем была майка, и его поза подчеркивала мускулы на руках.

Дерьмо.

— Как долго ты там стоишь? — спросил Блейк.

— О, недолго. — Его глаза скользнули по ним. — Не знал, что вы двое вместе.

Блейк выглядел так, словно собирался все отрицать. Лиза шагнула вперед и с готовностью ответила:

— А я не знала, что вы с Вэл вместе.

Гэвин выпрямился из своей небрежной сутулости, опустив руки на бедра.

— Похоже, у тебя есть склонность совать нос в чужие дела.

Ее беспокойство не осталось незамеченным Блейком. Когда он снова заговорил, в его голосе не было и следа сдержанного уважения, с которым он обычно обращался к людям, которые ему не нравились.

— Тебе что-то нужно, Гэвин? Или ты просто пришел сюда, чтобы угрожать нам?

Лиза пнула его, чтобы он заткнулся, но он уклонился от ее ноги. Лицо ГМ — Гэвина претерпело странную трансформацию, когда он услышал свое имя из уст Блейка, прежде чем остановиться на неохотной улыбке.

— Что касается тебя, — продолжал ГМ, поворачиваясь к Блейку, — я тебя недооценил.

Кстати, такое случается не так уж часто, и уж точно больше не повторится. Кстати, это комплимент.

«И угроза?» Лиза не могла не заметить очевидную разницу в размерах между этими двумя, учитывая их близость. Блейк был на добрых четыре дюйма ниже их высокого хозяина, который, вероятно, был на пятьдесят фунтов тяжелее их обоих, в основном за счет мускулов.

Словно прочитав ее мысли, Блейк повернулся и одарил ее тщательно сдержанной улыбкой, но напряженность на его лице и усталость в глазах ее не успокоили.

ГМ откашлялся.

— В любом случае, я просто хотел поздравить тебя, на случай, если у меня не будет возможности позже. О, и, конечно, чтобы отдать это. — Блейк вздрогнул, когда ГМ протянул руку и схватил его за запястье, сунув ему в ладонь маленький квадратик бумаги. — Удачи, — сказал он мягким голосом.

Затем он отпустил Блейка и ушел, провожаемый двумя парами глаз, оставив эту тонко завуалированную угрозу висеть в воздухе.

— По крайней мере, это было не более странно, чем всегда.

— Что он тебе дал? — спросила Лиза, настороженно глядя на дверь.

Поскольку ее взгляд был направлен в другое место, она не заметила, как бледнело лицо Блейка, когда он просматривал клочок бумаги.

— Ничего, — тихо сказал он, засовывая белый квадратик в задний карман, — Просто... мусор.

Глава 24

«Защита»

Джейсон поднялся на ноги, потирая голову, которая болезненно пульсировала. Что случилось? Он огляделся, морщась от давления внутри глаз. Его окружали осколки керамики, некоторые из которых были окрашены в красный цвет его собственной крови. Последнее, что он помнил, был Блейк, затем звук шагов, а затем боль...

Кто-то напал на него сзади.

Он потерпел неудачу. Он был так близок к тому, чтобы убить этого маленького ублюдка в очках и получить пять миллионов долларов... и потерпел неудачу. Но если поторопится, есть шанс, что он сможет поймать его, кто бы ни решил проявить творческий подход к декору.

Джейсон направился к лестнице, но обнаружил, что выход заблокирован его так называемым хозяином. «Наверное, чего-то хочет», — подумал он. Это единственная причина, по которой он вообще появляется.

— Куда-то собрался?

— Пытаюсь, — ответил Джейсон, вложив в свой голос достаточно раздражения, чтобы показать, что он говорит серьезно.

Взгляд ГМ упал на разбитые остатки вазы.

— Ясно. Что здесь произошло?

— Кто-то напал на меня сзади, — решительно сказал Джейсон. — Я думаю, эта сучка Лиза.

— Понимаю.

— Ты не собираешься что-нибудь с этим сделать?

— Сделать? — повторил ГМ с легким смехом. — Ты хочешь сказать, что желаешь, чтобы я убил для тебя. Но ты все еще жив, так что, боюсь, я ничего не могу сделать. Правила не были нарушены.

— Кто-то ударил меня вазой по голове! — крикнул Джейсон. — Что значит «правила не были нарушены»?

Веселое выражение исчезло с лица ГМ.

— Позволь мне выразиться проще. Существует шахматный термин *j'adoube*, который позволяет кому-то «прикоснуться» к фигуре и не перемещать ее. Просто поправить ее. Давай скажем, за неимением лучшего слова, что тебя поправили.

Джейсон выругался.

— Тогда давай заключим еще одну сделку. Ты достанешь мне Блейка, а я тебе Вэл.

— У меня уже есть Вэл именно там, где я ее хочу. Я ценю твой жест, Джейсон, но, если у тебя нет ничего лучшего, чтобы предложить, боюсь, мы не договоримся.

— Хорошо... как насчет другого?

— Я слушаю.

— Если ты не приведешь мне Блейка, я убью Вэл.

ГМ склонил голову набок.

— Я действительно не думаю, что ты захочешь это сделать.

Джейсон скрестил руки на груди и соорудил самую свирепую гримасу.

— Это мое предложение. Нет Блейка, нет Вэл.

— Если ты именно так хочешь играть.

«Так-то лучше».

— О, еще кое-что, — небрежно сказал ГМ, отступая в сторону, чтобы пропустить Джейсона на лестницу.

Внезапно он почувствовал быстрый укол холодного металла и болезненно контрастирующее теплое, разрывающее ощущение в груди. Джейсон посмотрел на гроссмейстера, безмолвно открыв рот, когда ГМ тихо сказал:

— Ты проиграл.

Когда Вэл прошла дальше по коридору, ведущему в гостиную, она услышала голоса своих друзей. Ее сердце наполнилось облегчением. Они все еще живы. Затем она вспомнила слова Гэвина в оранжерее, и сомнение обвилось вокруг нее, как петля. Они пока еще живы.

Лиза первой заметила ее. Она похлопала Блейка, который крепко держался за бок. Его рука была в крови. Они оба уставились на нее, как на привидение.

«Может быть, так оно и есть, — подумала она, — Может быть, часть меня уже мертва».

— Вэл, — сказал Блейк. — С тобой все в порядке.

В его словах, прозвучал не заданный вопрос.

Лиза была более резкой.

— Где Гэвин?

— Я не знаю, — Вэл закрыла глаза. — Но Чарли мертва.

— Мертва? — Лиза крепче сжала руку Блейка. — Вот, видишь? Она мертва. Тебе не нужно ее убивать.

— Чарли была в твоей записке? — простонала Вэл.

— Это не имеет значения. У нас все еще есть проблема, — сказал Блейк. Он казался

измученным.

Тон его голоса насторожил Вэл.

— Блейк? Что? Что случилось?

Он медленно полез в карман и вытащил листок бумаги. Края были зазубрены, а уголь слегка размазан, но это не помешало ей прочитать имя Лизы, аккуратно написанное в центре.

— О нет, — услышала Вэл свой голос. — Где ты это взял? — Но она знала, она узнала почерк.

— ГМ, — ответила за них обоих Лиза, когда он сложил листок бумаги обратно в карман. — На самом деле ты просто разминулась с ним. Я удивлена, что ты с ним не столкнулась.

Таков его план.

Если Блейк не убьет Лизу, его убьет Гэвин. Но если он убьет Лизу, тогда, Лиза будет мертва — и Блейк тоже, по крайней мере, внутри.

«Для этого есть шахматный термин, — подумала она, — принудительный мат».

— В какую сторону он пошел? — спросила Вэл с пересохшим ртом.

Не говоря ни слова, Лиза указала. Она, казалось, не удивилась, что Вэл спросила, и никто из них не усомнился в ее намерениях. Она вспомнила, как они смотрели на нее, как Блейк отшатнулся при ее приближении.

«Они думают, что ты предатель».

Это не могло быть правдой — она страдала так же сильно, как и любой из них. Он специально придумал эту игру, чтобы причинить ей боль.

«Они обвиняют тебя».

Это не ее вина.

«Но разве это не так? — Она внутренне посмеивалась над собой. — Общение с врагом. Позволить ему застать тебя одну. Что именно, по-твоему, ты сейчас делаешь?»

То, что должна, чтобы покончить с этим единственным известным ей способом. Когда она шла по коридору, ее туфли хрустели на осколках разбитого стекла. Джейсон мертв, его белая рубашка испачкана на груди. Вэл глубоко вздохнула и подняла один из больших осколков стекла, единственный осколок, на котором не было крови. Она осторожно заправила его в джинсы.

Стекло причиняло ей боль с каждым шагом, как и ее совесть.

Она обнаружила, что Гэвин расхаживает по коридорам, как призрак или леопард. Здесь стоял странный запах, почти как от бензина. Он повернулся, прежде чем она успела открыть рот, и Вэл задалась вопросом, когда он почувствовал ее приближение, что выдало ее. Ей было интересно, знал ли он, что она придет.

— Ты победил, — сказала она. — Я сдаюсь. Я проиграла. Ты победил.

— Я всегда выигрываю.

Его улыбка разбила ей сердце. Это было как на первом курсе, снова слушать, как он осуждает ее на суде. Он победил только потому, что не испытывал никаких угрызений совести по поводу того, кто пострадал в этом процессе.

— Ты обещаешь, что отпустишь их?

— Конечно, дорогая. — Он переплел свои пальцы с ее и поцеловал костяшки. — Ты когда-нибудь видела, чтобы я нарушал обещание?

Вэл отвела взгляд.

— Я не знаю. — Она попыталась отдернуть руку, но Гэвин крепче сжал ее пальцы.

— Я так не думаю.

Это было предупреждение, угроза.

Лиза и Блейк все еще сидели там, где она их оставила. Ее желудок сжался от осуждающих взглядов на их лицах.

— Вам повезло, — сказал Гэвин. — Планы немного изменились.

Блейк недоуменно моргнул.

— Что?

— Ты можешь уйти.

— Вот так просто? — дрожащим голосом спросила Лиза.

— М-м-м. Вот так, — он обнял Вэл за талию. — Вы должны поблагодарить Вэл, — его пальцы собственнически погладили ее бок. — Она была очень убедительна, умоляя сохранить вам жизнь. — Вэл застыла с пылающим лицом и не могла встретиться взглядом со своими друзьями.

— Прекрати, — прошептала она.

Блейк и Лиза переглянулись.

— Входная дверь все еще заперта, — осторожно заметил Блейк.

— Наблюдателен, как всегда, — проговорил Гэвин. — Сейчас принесу ключ. Прошу прощения.

Как только он ушел, друзья забросали Вэл вопросами. Она не заметила ни одного из них из-за звука собственного сердцебиения. Только тон, которым их спрашивали: подозрительный, обиженный, испуганный, обвиняющий в предательстве.

— Послушайте меня, он вас не отпустит. Он собирается убить вас обоих. Вы должны бежать отсюда.

— Он сказал, что мы можем уйти, — напомнила Лиза.

— Да, — ответила Вэл, — но он не сказал, что ты можешь.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Блейк. — Это уже чересчур. Это семантика. Это...

— Он так делает, — отрезала Вэл. — Ты мне не веришь? Он носит с собой маленький нож. Я... я видела, как он убил им Чарли. В теплице. Я почти уверена, что он убил Джейсона. Видела его тело наверху. Его ударили ножом.

Лиза прикрыла рот рукой.

— О боже...

— Лиза, помнишь оранжерею? Кажется, там был черный ход. Я пыталась найти его, а потом появилась Чарли... — она оборвала себя. — Ты найдешь его. Попробуйте этот путь. Если он запер ее, разбейте стекло. Она достаточно далеко, чтобы он мог слышать.

— Но не входная дверь?

— Я почувствовала запах бензина. Думаю, он собирается поджечь это место.

— О боже, — повторила Лиза. — Этого не происходит на са...

— И что ты собираешься делать? — спросил Блейк.

— Я... — Она провела пальцем по стеклу сквозь джинсы. — Я попытаюсь отвлечь его.

— Отвлечь его? Это не кино, Вэл, — предупредила Лиза, потрясенная своей истерикой. — Он действительно может убить тебя.

«Нет, если я убью его первым». Она отвернулась, прежде чем они смогли увидеть

хладнокровие в ее глазах, жажду крови в ее венах.

— Я готова рискнуть. А теперь бегите.

Глава 25

«Мат»

ГМ притворился удивленным, когда вернулся и обнаружил, что Блейк и Лиза исчезли.

— Где твои друзья, Вэл? У меня сложилось впечатление, что они умирали от желания уехать.

— Не знаю.

— Ты плохая лгунья, Вэл. Полагаю, они пытаются сбежать? Оставили тебя здесь... чтобы отвлечь меня, как ягненка на заклятие. — Он ухмыльнулся. — Хоть ты и желанный отвлекающий маневр, боюсь, я не могу этого допустить.

— Не можешь... или не хочешь?

— Туше.

Он схватил ее за запястье и выдернул из дома. Ее ноги скользили и спотыкались по чему-то мокрому, а резкий запах бензина обжигал носовые пазухи.

— Куда ты меня ведешь?

— Увидишь.

На пороге он чиркнул спичкой и бросил ее на доски. Огненная река пронеслась по залам. Это было ужасно, сродни тому, как увидеть ад, ожидающий ее в загробной жизни.

— Подожди, — ее горло обволокло дым. — Остальные...

Успели ли они вовремя?

— Я согласился пощадить их жизни. Я ничего не сказал о том, чтобы сохранить их.

Опять детали. Опять эта семантика.

Должно быть, именно так чувствовала себя Кассандра. Вэл вонзила пятки в грязь.

— Мы должны вернуться.

— Нет, — сказал он с холодной решимостью, — ты ничему не научилась? Выживает сильнейший, моя дорогая. Только самые сильные способны жить, размножаться и процветать.

— О, правда? — Ее голос звучал грубо.

— Два миллиона лет эволюции, кажется, указывают на это.

Гэвин потащил ее с крыльца, не то чтобы у нее имелся большой выбор. Он крепко сжал ее запястье, еще крепче, когда она попыталась отстраниться в последний раз. Она едва могла дышать и едва удержалась от порыва проверить, на месте ли осколок стекла в ее джинсах. Он как лед на ее потной коже; мрачное напоминание о том, что ей придется сделать.

— Тогда почему существуют люди, которые не похожи на тебя? — выплонула она, чтобы отвлечься от мыслей об осколке.

— Это простой математический расчет. Нужно много овец, чтобы удовлетворить одного волка.

— Так вот что это было? Какой-то извращенный дарвиновский эксперимент?

— Я полагаю, ты бы в любом случае расценила это именно так. Нет, мои намерения были чуть менее грандиозными. Я просто хотел что-то, гарантировавшее твоё хорошее поведение. И это сработало.

Она позволила своему молчанию говорить само за себя.

— Не дуйся. Ты знаешь, что я прав. Ты бы никогда не пришла ко мне одна.

Теперь они оказались у бассейна. От воды поднимались спирали пара, смешиваясь с утренним воздухом. Вэл почувствовала запах хлорки. Вода плескалась у ее ног.

— Пришла, — тихо сказала она, склонив голову, чтобы он не увидел в ее глазах ненависти. Или страха.

Он потянул ее за собой, пока она не оказалась лежащей полностью на второй ступеньке бассейна. Химикаты в воде бассейна жгли ее многочисленные порезы и царапины. В бедре, где ее поцарапало стекло, пульсировала ровная изматывающая боль.

— Ты похожа на Офелию, — хрипло сказал он.

— Она покончила с собой.

— Только потому, что Гамлет был настолько глуп, что позволил ей. Ты моя. Пока один из нас еще дышит, это не изменится.

Верно.

Она вскрикнула, когда он опустил руки к джинсам и встал над ней.

— Подожди...

— В чем дело? — Он не походил на человека. Там, где его белая одежда была влажной, она могла видеть насквозь. Склонившийся над ней вот так, с лицом, почерневшим от дыма, мокрый и неопрятный, он выглядел как дикий зверь.

— Я... я хочу прикоснуться к тебе, — лихорадочно вспоминала она фильмы, которые смотрела с Джеймсом. Боевики, где героиня обманывала злодея. — Я хочу, гм, п-привыкнуть к тебе и к твоему телу.

Румянец, окрасивший ее лицо, не был притворным.

Его лицо не изменилось, но ей показалось, что она услышала, как его дыхание участилось. На мгновение возникла мысль, что он собирается отказаться, и стекло обожгло ее бедро, как огонь. «Он убьет меня, если увидит», — подумала она с колотящимся сердцем.

— Хорошо.

Гэвин отступил от нее, и Вэл оказалась свободна. Хорошо. Не совсем. Даже когда поднялась в сидячее положение, знала, что он напряжен и готов прыгнуть, если она попытается убежать. Она помнила об этом, когда оседлала его талию, позволяя своим пальцам скользить по его темным волосам, которые имели текстуру грубого меха.

Сначала он оставался неподвижным, позволяя ей прикоснуться к его лицу, векам, губам, хотя и кусал ее за кончики пальцев, когда она подходила слишком близко. Его готовность шокировала ее; неужели он настолько доверчив? Или он просто считал ее настолько слабой? Думал, что она не способна на предательство?

«Что было бы быстрее всего?» — удивилась она, когда их губы снова встретились. «Его горло?» Ее пальцы играли на упругой коже, на жесткой упругости его кадыка, когда она позволила своим рукам опуститься вниз по его телу. «Его сердце?» Но она не была уверена, что сможет найти его — ребра мешали, а рана в живот не убьет Гэвина достаточно быстро.

— Что, черт возьми, ты ищешь? — прошептал он, когда ее рука скользнула по его промокнутой майке. И — возможно, ей это только показалось, — но в его голосе звучало, пожалуй, немного подозрительности. Его голос звучал также, когда она целовала его в оранжерее, и он видел отражение Лизы в ее собственном.

— Это. — Она оскалила зубы в уродливой попытке улыбнуться и схватила его через штаны. Он резко вдохнул, как будто его дыхание было ножом, разрезающим горло и легкие,

и его бедра непроизвольно дернулись под ней.

Промежность его брюк была под водой, он сидел, прислонившись к ступенькам, и плотная ткань прилипла к коже. Она оторвала взгляд от твердой, напряженной плоти, которую сжимала в руке, и ахнула, увидев выражение его лица. С всплеском он схватил ее, и они упали на ступеньку, Гэвин заставил ее сесть прямо, чтобы ее голова не погрузилась в воду.

Она подождала, пока он оказался над ней, пока его руки легли ей на бедра и убрались с дороги, а затем вытащила осколок стекла. Но она заколебалась, и он заметил, блеск стекла краем глаза. Он запрокинул голову, чтобы посмотреть на нее. Вместо того, чтобы перерезать артерии на его шее, она просто задела кожу зубьями лезвия. На его коже расцвел алый ошейник, усыпанный гранатовыми каплями крови.

Гэвин уставился на нее, широко раскрыв глаза от недоверия.

А потом он боролся с ней за контроль над осколком. Вэл полоснула его по руке, и он позволил своему весу опуститься на ее живот, прижимая ее бедра, чтобы она не могла отползти. Она издала сердитый вопль, держа руку так высоко над головой, как только могла, пытаясь удержать лезвие подальше от него. Как раз в тот момент, когда ей пришлось в голову, что она должна бросить его, он вырвал осколок из ее руки и приставил лезвие к впадине у ее горла.

— Ты гораздо более безжалостна, чем я думал, моя чертовка, — его голос, похожий на взбитые сливки, был отвратительно густым. Она откинула голову назад, пытаясь создать пространство между собой и лезвием, и вода залила ее уши, придавая странное, похожее на робота звучание его голосу. — Я понятия не имел, что у тебя такие острые когти. Или, может быть, ты просто хотела немного поиграть в кровопускание?

Она плюнула ему в лицо.

Он бросил осколок в воду. Затем рывком поднял ее на ноги, так что она оказалась спиной к бассейну, и поцеловал так сильно, что ее голова откинулась назад. Одной рукой он обхватил ее горло, а другой держал согнутой под острым углом над водой. Вэл никогда не видела его таким злым, даже раньше. Его поцелуй был болезненным, и она отчаянно вцепилась в его руку, чтобы он не задушил ее. Гэвин одарил ее жестокой улыбкой и скользнул рукой вниз, в ее джинсы.

— Я понял, что ты что-то замышляешь, хотя совсем не думал, что это будет преднамеренное убийство. Но ты всегда умела удивлять меня. — Она почувствовала ласку его пальцев на своем нижнем белье, такую же нежную, как и его жесткая улыбка. — Признаюсь, я проявил любопытство... хотел посмотреть, как далеко ты зайдешь, — тихо сказал он, скользя пальцами глубже. Ее колени подогнулись, и она ощутила, как ослабла хватка на шее. Гэвин долго изучал ее, прежде чем медленно убрал руку. — По-видимому, ты решила идти до конца.

Вэл уставилась на него, и ее сердце, казалось, разорвалось надвое.

— Что мне с тобой делать? — прошептал он, и, если бы не ярость, которую он едва сдерживал, он мог бы звучать соблазнительно даже сейчас. — О, я в ярости. Я мог бы легко задушить тебя. И все же... Я нахожу твою смелость весьма возбуждающей. Что бы ты предпочла? Стать моей королевой... или моей добычей?

— Ты сошел с ума, — прошептала она. — Действительно и по-настоящему безумный. Псих.

— Это не ответ, — проговорил он.

— Иди к черту, ты, больной, извращенный ублюдок.

Его губы скривились.

— Сначала ты, Валериэн.

А потом он толкнул ее в глубокий конец бассейна.

Эпилог

Черная пелена клубящегося тумана, казалось, окутала рыжеволосую девушку, когда она смотрела в пустоту, задаваясь вопросом, что произошло. Ее грудь болела так сильно, как иногда бывает после тяжелого гриппа, за исключением того, что, в отличие от гриппа, она не могла ослабить напряжение, кашляя. Она даже не могла дышать. Вэл повернула голову в сторону, удивляясь, почему ее щеки так холодны. Почему так больно?

(«Потому что ты утонула», — сказал тихий голос.)

Планировал ли он убить ее с самого начала, или это произошло спонтанно? Акт страсти? В черном тумане Вэл мрачно размышляла, все еще ли она лежит на дне бассейна.

Ощущение тепла прорвалось сквозь холодный барьер, который окутал, как кокон, обернувшись вокруг нее, словно одеяло, и она почувствовала твердое, но успокаивающее давление чьих-то губ на свои. Ощущение было не совсем приятным, и Вэл хотела отвернуться, но не могла пошевелиться. «Просто оставьте меня в покое», — устало подумала она.

Давление исчезло, и вслед за ним ужасная боль взорвалась в ее груди, как пушка. Она подавилась, поморщившись от отвратительного ощущения пропитанной химическими веществами воды в бассейне, поднимающейся в ее горле. Теснота ослабла, и она обнаружила, что проходы, ранее заблокированные, были открыты, позволяя ей снова дышать, болезненно, когда она перевернулась на бок, чтобы выплюнуть воду.

Она медленно открыла глаза и обнаружила, что смотрит на траву. Над ней склонилась незнакомая женщина с выражением озабоченности на молодом лице. В замешательстве Вэл перевела взгляд с лица женщины на символ красного креста на ее совершенно белой униформе.

— С тобой все в порядке? — спросила женщина. — Ты можешь говорить? Ты знаешь, как тебя зовут?

— Я... да, — проговорила Вэл, морщась от света. Сейчас было солнечно и, возможно, тепло, но жар солнца не достигал ее холодного, безразличного тела. Кто-то снял с нее мокрую одежду и завернул в пушистое одеяло, которое она теперь плотнее закутала на себе. — Вэл. Ч-что случилось?

— Ты чуть не утонула, — сказала женщина, отвечая на вопрос, который Вэл задала, казалось, целую вечность назад, напрямую. — У тебя переохлаждение. Еще несколько минут, и тебе пришел бы конец.

«О», — снова подумала Вэл, на этот раз слабее.

Ее слова произвели нежелательный эффект, и глаза Вэл расширились, когда она вспомнила: Шахматы самоубийц.

Вэл вскочила, проигнорировав тревожное предложение женщины не делать этого, и поморщилась от жгучей боли, которая пронзила ее (позже она узнала, что болезненная процедура Геймлиха привела к нескольким сломанным ребрам), но она увидела то, что ей нужно было увидеть.

Массивный белый дом теперь кишел людьми в форме, подъездная дорожка была забита

полицейскими машинами, двумя машинами скорой помощи и пожарной машиной. Было еще несколько автомобилей, но полоса желтой ленты на месте преступления не позволяла любопытным зевакам подойти ближе. Ее взгляд переместился на второй этаж и единственное затененное окно, которое смотрело на нее.

Значит, Лизе и Блейку все-таки удалось сбежать, и они вызвали полицию.

«Мы победили, — слабо подумала она. — Забавно, но сейчас я не чувствую себя победителем».

В ее голове пронеслись слова, сказанные давным-давно, но смысл их до сих пор оставался актуальным: «Возможно, ты выиграла битву, но проиграла войну». Она проиграла войну.

— Я проиграла, — тихо пробормотала Вэл, что фельдшер расслышала как «Я замерзла», и она странно посмотрела на Вэл.

— Тебе холодно, милая?

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net